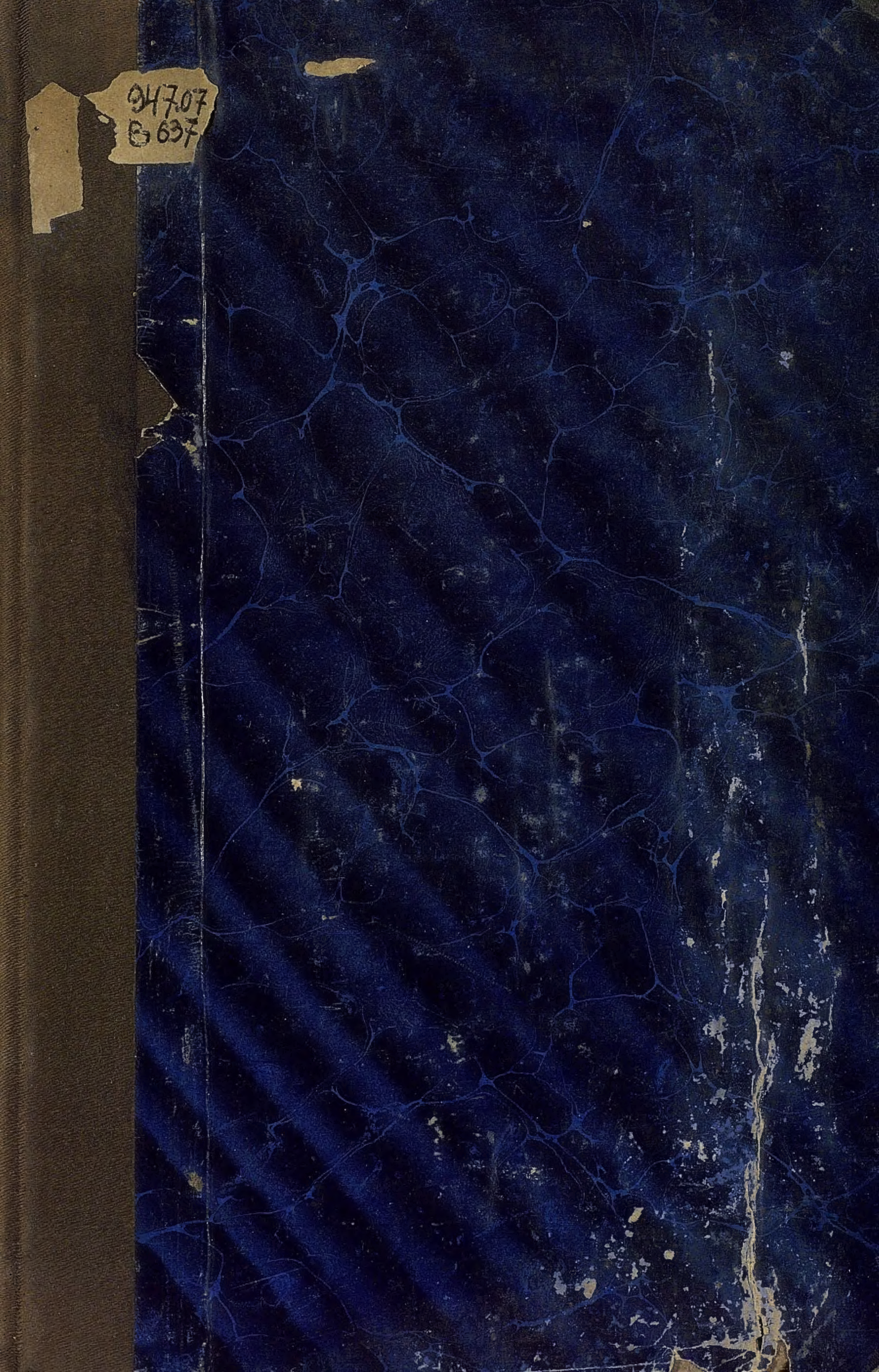
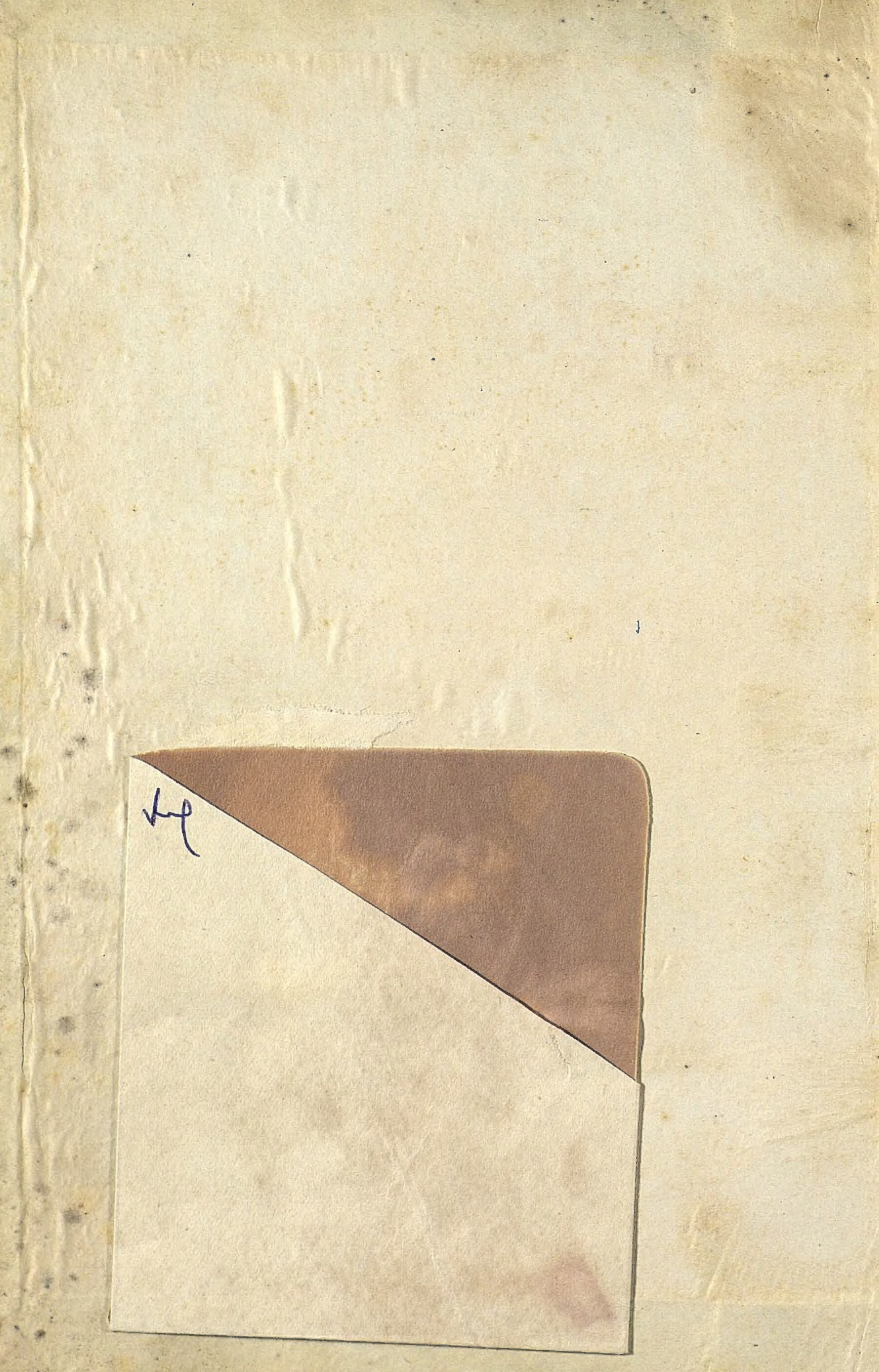
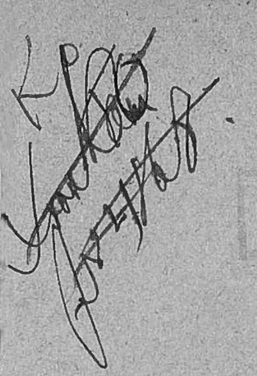

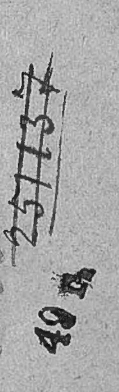

К. ВОЕНСКІЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ и СТАТЬИ,

относящіеся къ 1812 году.

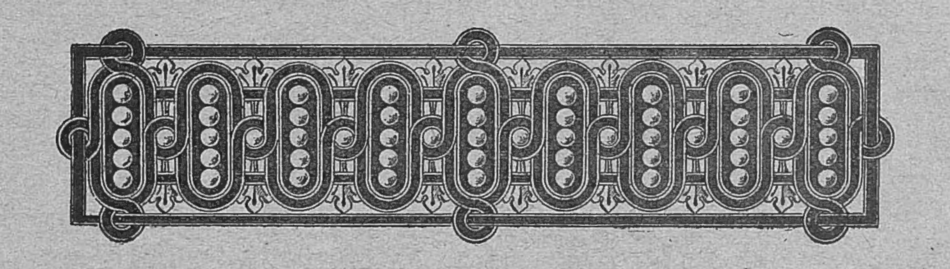

Книгоиздательство „Сельскаго Вѣстника“.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОЙКА, 32.

Типографія „Сельскаго Вѣстника“, С.-Петербургъ, Мойка, 32.

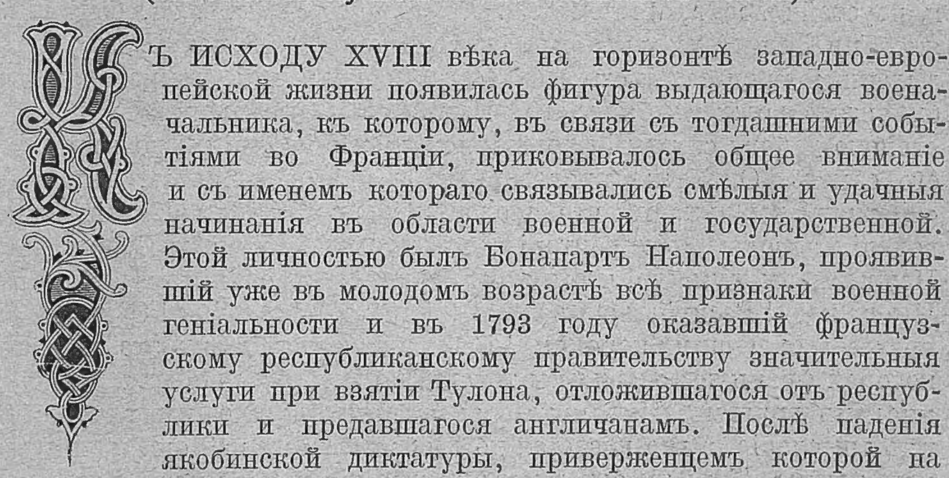

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ТОРЖЕСТВО РОССІИ ВЪ БОРЬБѢ СЪ НАПОЛЕОНОМЪ.

(Къ столѣтнему юбилею Отечественной войны).

Къ исходу XVIII вѣка на горизонтѣ западно-европейской жизни появилась фигура выдающагося военачальника, къ которому, въ связи съ тогдашними событіями во Франціи, приковывалось общее вниманіе и съ именемъ котораго связывались смѣлыя и удачныя начинанія въ области военной и государственной. Этой личностью былъ Бонапартъ Наполеонъ, проявившій уже въ молодомъ возрастѣ всѣ признаки военной геніальности и въ 1793 году оказавшій французскому республиканскому правительству значительныя услуги при взятіи Тулона, отложившагося отъ республики и предавшагося англичанамъ. Послѣ паденія якобинской диктатуры, приверженцемъ которой на первыхъ порахъ былъ Бонапартъ, онъ временно стушевывается, но засимъ ходъ политическихъ событій Франціи снова выкидываетъ его на поверхность взбаламученнаго государственнаго моря, и онъ становится любимцемъ директоріи. Исполняя ея велѣнія, Бонапартъ подавляетъ внутренніе мятежи и въ награду за это получаетъ командованіе надъ французской арміей, дѣйствовавшей въ то время противъ Италіи, и покрываетъ себя вскорѣ неувядаемой славой великаго полководца. Онъ становится кумиромъ арміи, и молва о немъ, какъ о непобѣдимомъ полководцѣ, рѣшительномъ, смѣломъ и новаторѣ въ военномъ дѣлѣ, проникаетъ далеко за предѣлы Франціи и Италіи, возбуждая вездѣ удивленіе, любопытство и желаніе помѣряться съ нимъ силами. Уже успѣвшій соскучиться

безъ дѣйствія нашъ геніальный полководецъ старикъ Суворовъ, взирая съ завистью на размахъ крыльевъ молодого корсиканца и его высокій полетъ, начинаетъ докучать своей матушкѣ-царицѣ: «Матушка, пошли меня бить французовъ!» Въ старомъ, посѣдѣломъ въ бою русскомъ воинѣ сказывалось въ данномъ случаѣ профессіональное соревнованіе и ненависть къ той демократической силѣ, которая начала потрясать престолами, опрокидывать былыя традиціи старины и являть собою загадочное еще начало будущей политической жизни европейскихъ народовъ. Но Екатерина, хотя уже напуганная ходомъ дѣлъ въ республиканской Франціи и порвавшая связи со своими недавними друзьями, представителями революціонной философіи, совершенно не склонна была вмѣшиваться въ дѣла былой имперіи Людовиковъ и только принимала нѣкоторыя мѣры противъ вторженія респубиканской заразы въ предѣлы Россійской имперіи.

А тѣмъ временемъ политическая звѣзда Наполеона ярко разгоралась, симпатіи населенія все сильнѣе къ нему прикрѣплялись, и въ немъ дальновидные умы начинали прозрѣвать ту грядущую силу, которая неминуемо должна смести съ лица Франціи шаткое и неустойчивое правительство. Въ самомъ Наполеонѣ, бывшемъ якобинцѣ, нынѣ умѣренномъ республиканцѣ, уже назрѣвалъ опредѣленный процессъ, который въ его воображеніи въ недалекомъ будущемъ долженъ былъ его вывести на болѣе широкую и блестящую дорогу служенія всесвѣтной славѣ Франціи и во главѣ ея его самого. Онъ ужъ проговаривался приближеннымъ, заявляя: «Неужели вы думаете, что я одерживаю побѣды въ Италіи ради величія адвокатовъ директоріи, всѣхъ этихъ Карно и Баррасовъ? Неужели вы думаете, что я это дѣлаю для основанія республики? Что за идея! Республика въ тридцать милліоновъ душъ! Съ нашими нравами, съ нашими пороками! Возможно ли это? Вѣдь это химера, которой французы одержимы теперь, но которая пройдетъ подобно многимъ другимъ. Имъ нужна слава, имъ нужно удовлетворить ихъ тщеславіе, а что касается до свободы, то въ ней они ничего не понимаютъ». Тутъ же онъ высказывался и о своей будущей роли въ грядущихъ, ожидаемыхъ имъ судьбахъ Франціи: «Если я оставлю Италію, то только для того, чтобы во Франціи играть роль, подобную той, какую я здѣсь играю, но время для этого еще не настало— груша еще не созрѣла». Въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду присвоить себѣ ту гражданскую власть, которая, опираясь на армію и сдѣлавшись всемогущею и выше даже самой арміи, при содѣйствіи воли народной, тѣмъ самымъ пріобрѣла бы всѣ нужныя ей аттрибуты націоналистическаго имперіализма.

Директорія начинала догадываться о честолюбивыхъ замыслахъ своего итальянскаго главнокомандующаго и, когда онъ для возвеличенія славы Франціи задумалъ грандіозный походъ въ Еги-

петъ, дабы нанести рѣшительный ударъ врагу Франціи въ лицѣ Англіи, правительство санкціонировало этотъ походъ, съ желаніемъ, между прочимъ, удалить отъ народа ея новый кумиръ. Но образовавшаяся противъ Франціи коалиція изъ Австріи, Россіи и Англіи и побѣдоносное шествіе по Швейцаріи и Сѣверной Италіи суворовскихъ «чудо-богатырей» съ ихъ престарѣлымъ вождемъ во главѣ, создаетъ во Франціи новый государственный переворотъ, и ставшая у кормила правленіе умѣренная буржуазная партія подъ руководствомъ Сіэса подыскиваетъ себѣ для задуманнаго переворота героическаго полководца. Таковымъ и явился Наполеонъ Бонапартъ, вернувшійся изъ своего знаменитаго египетскаго похода. «Богъ счастья, богъ войны», какъ самъ себя именовалъ Наполеонъ, оправдываетъ возлагаемыя на него надежды, и жизненный путь его развертывается въ томъ направленіи, каковое онъ себѣ предначертывалъ еще недавно во время итальянскихъ походовъ.

Сначала просто консулъ на десятилѣтній срокъ, онъ въ 1802 году превращается въ пожизненнаго консула, и въ 1804 году Наполеонъ, по единогласному почти народному рѣшенію, увѣренно и смѣло надѣваетъ на себя императорскій вѣнецъ, принявъ въ соотвѣтствіи съ актомъ вѣнчанія всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы къ этому вѣнцу не протянулась никакая дерзновенная рука. «Моя власть рушится, лишь только я перестану быть страшнымъ. Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь осмѣливался что-либо предпринимать, немедленно же не подавляя, съ своей стороны, этого предпріятія. Я не могу позволить, чтобы мнѣ угрожали, самъ не нанося удара тѣмъ, кто вздумалъ бы это дѣлать. И внутри, и внѣ я царствую въ силу внушаемаго мной страха. Если бы я не ставилъ этого въ систему, меня не замедлили бы низложить съ престола. Вотъ мое положеніе и мотивы моего поведенія».

Грозный и великій Наполеонъ даетъ своей странѣ внутренній гражданскій миръ, ведетъ ее по пути демократическаго прогресса, создаетъ изъ нея державу-повелительницу надъ всѣми западноевропейскими народами и ставитъ цѣлью своей жизни міровое могущество и господство Франціи, господство реальное, матеріальное, ибо иного господства онъ, чуждый какихъ-либо нравственныхъ потребностей, не признавалъ. «У меня одна лишь страсть,—говорилъ онъ:—это—Франція; она при мнѣ неотлучна и никогда не измѣняла мнѣ». И вотъ, ради удовлетворенія этой страсти, новый вѣнценосецъ заливаетъ европейскія поля кровью своего народа въ упованіи, что каждая пролитая капля броситъ на его народъ и на него самого новый лучъ славы. Онъ не признаетъ для себя невозможнаго, и только легенды древности смущаютъ его гордый умъ. «Да, конечно, моя карьера прекрасна, но какая же разница съ античнымъ міромъ! Посмотрите на Александра Великаго: покоривъ Азію, онъ объявилъ себя сыномъ Юпитера. Весь Востокъ

ему повѣрилъ, а если я объявлю себя сегодня сыномъ Предвѣчнаго Отца и захочу возблагодарить его, какъ таковой, меня освищутъ всѣ торговки на рынкѣ. Народы стали черезчуръ просвѣщенными, въ настоящее время больше нечего дѣлать». Но если это сверхъестественное тщеславіе не находило себѣ удовлетворенія въ обожествленіи, то земная страсть—Франція и ея судьба—давала выходъ доходящей до высшаго кипѣнія его тревожной мысли. Всѣ народы у ея подножія—такова становится намѣченная цѣль жизни. Ради выполненія этой цѣли онъ спутываетъ расположеніе всѣхъ политическихъ картъ Европы и обращаетъ послѣднюю въ сплошной вооруженный лагерь, гдѣ стародавніе друзья и братья, связанные между собою договорами и узами родства, бросаются другъ на друга въ смертоносную борьбу. Россіи въ этой борьбѣ и особенно въ заключительной ея части пришлось сыграть выдающуюся роль и положить конецъ всесвѣтнымъ завоевательнымъ планамъ «великаго корсиканца» и вернуть Европѣ утраченные ею «честь и миръ».

До половины XVIII столѣтія Россія не принимала почти никакого участія въ политическихъ событіяхъ въ Западной Европѣ. Послѣ того, какъ ея государственная физіономія при Великомъ Преобразователѣ вполнѣ опредѣлилась и армія ея стала въ рядъ съ лучшими вооруженными силами Европы, наше отечество, какъ и въ московскій періодъ его исторической жизни, долгое время вынуждено было бороться за безопасность своихъ границъ. Войны съ турками, персами, поляками и шведами занимали все ея военное время и подъ грохотъ орудій, подъ руководствомъ выдающихся вождей, мы постепенно, но настойчиво укрѣпляли свои естественныя границы и осуществляли великіе завѣты государственнаго строительства, поставленные къ осуществленію геніальнымъ царемъ-плотникомъ. Мы пріобрѣли Балтійское море на западѣ, прочно поставили русское вліяніе въ Польшѣ на юго-западѣ и явились грознымъ врагомъ Турціи на югѣ. Такая политика продолжалась при его ближайшихъ преемникахъ, но со значительными видоизмѣненіями и, главнымъ образомъ, въ томъ, что она подъ вліяніемъ получившихъ къ тому времени руководящую власть иностранцевъ теряетъ свой національный характеръ. Россія втягивается по иниціативѣ Бирона въ интересы династіи Габсбурговъ и, такимъ образомъ, создастъ себѣ на континентѣ затрудненія и враговъ въ лицѣ Франціи и Швеціи, а также оказывается въ фальшивомъ одновременномъ союзѣ двухъ враждующихъ между собой сторонъ—и Пруссіи и Австріи. Доставшаяся по наслѣдію Елизаветѣ Петровнѣ шведская война была ею ликвидирована не особенно выгодно для русскихъ интересовъ, и вслѣдъ за симъ въ скоромъ времени Россія, захваченная потокомъ европейскихъ событій, вынуждена была принять участіе въ европейскихъ войнахъ и вести упорную борьбу съ Пруссіей, подъ названіемъ Семилѣтняя война. Эта война не дала ближайшихъ реальныхъ

результатовъ выгоды для Россіи, но косвенныя выгоды отсюда были несомнѣнны: эта война явилась хорошей школой для будущихъ «екатерининскихъ орловъ», показала Европѣ мощь русской арміи и настолько ослабила Пруссію, что Сѣверной Семирамидѣ впослѣдствіи не были уже страшны возросшіе къ тому времени завоевательные аппетиты пруссаковъ.

Нѣмецъ по происхожденію, Петръ III отдалъ во власть прусскаго посла въ Петербургѣ Гольца судьбы русской дипломатіи, а самъ сталъ на запятки политической колесницы боготворимаго имъ Фридриха Великаго. Только въ голштинскомъ вопросѣ онъ, какъ голштинецъ по происхожденію, расходился со своимъ кумиромъ, желая во имя интересовъ Голштиніи вступить въ борьбу въ Даніей, дабы отнять отъ послѣдней Шлезвигъ для округленія государственной границы герцогства, что вызывало неудовольствіе русскихъ людей, справедливо находившихъ оскорбительнымъ и безцѣльнымъ тратить русскія средства и проливать русскую кровь ради какихъ-то голштинскихъ интересовъ.

Екатерина II, во всемъ, что касалось государственныхъ и политическихъ интересовъ Россіи, стремившаяся подражать Петру Великому, и въ области внѣшней политики поставила себѣ ближайшею задачею исключительно реальные интересы, придавъ имъ яркій національный характеръ. Борьба со шведами, поляками и турками становится очередною задачею, и если Петръ Великій благополучно разрѣшилъ борьбу со шведами, то Екатерина довела до благопріятнаго для Россіи конца борьбу съ турками и поляками. Россія завоевала Крымъ и берега Чернаго моря, а также отторгнула отъ Польши всѣ исконныя русскія области за исключеніемъ Галиціи.

Стремясь сохранять по отношенію европейскихъ державъ нейтралитетъ и, по собственному выраженію, «ведя себя со всѣми государями Европы, какъ искусная кокетка», она, однако, не могла и не сумѣла удержать въ полной мѣрѣ свою позицію независимости отъ европейскихъ политическихъ теченій, происковъ и замысловъ. Система, родившаяся въ головѣ русскаго дипломата нѣмца Корфа и разработанная Панинымъ подъ своеобразнымъ наименованіемъ «сѣвернаго аккорда», становится тою политическою ловушкою, въ которую невольно попадаетъ ея кокетливый дипломатическій умъ. Задача этого «аккорда» заключалась въ томъ, чтобы «на Сѣверѣ составить знатный и сильный союзъ державъ» изъ Россіи, Пруссіи, Польши, Англіи и другихъ сѣверныхъ государствъ и съ цѣлями вѣчнаго мира противопоставить его австро-французскому союзу. Конечно, такая задача въ силу входившихъ въ нее слишкомъ многочисленныхъ политическихъ ингредіентовъ была утопіей, и государства, имѣвшія между собою стародавніе историческіе счеты, не могли на долгое время сплотиться въ какой-либо основательный

и прочный союзъ; непосредственнымъ же результатомъ идеи «сѣвернаго аккорда» былъ [разрывъ традиціоннаго союза съ Австріей и вступленіе въ союзъ съ врагомъ Австріи—съ Фридрихомъ прусскимъ, котораго лично, въ сущности, Екатерина очень не долюбливала. Но необходимость балансировать между интересами Пруссіи и Австріи съ одной стороны, необходимость же вмѣшиваться усиленно въ польскія дѣла, на ряду съ раздѣломъ Польши, громкое счастье въ борьбѣ съ Турціей и знаменитый греческій проектъ Потемкина создали по отношенію Россіи въ Западной Европѣ очень сложную психологическую атмосферу, гдѣ начала страха передъ нею, боязни ея военнаго и міроваго могущества проглядываютъ все ярче и сильнѣе. Участіе Россіи въ западно-европейскихъ коалиціяхъ становится обязательнымъ, и отъ ея вѣскаго слова начинаетъ зависѣть наклонъ политическихъ вѣсовъ въ ту или другую сторону.

Раскатившаяся французская революція, казнь Людовика, истребленіе знати и борьба не на животъ, а на смерть новаго демократическаго начала съ отживающимъ патріархальнымъ старымъ произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣ умы. Въ поступательномъ движеніи революціи вѣнценосцы Европы видѣли себѣ угрозу, и ихъ охватывалъ страхъ, чтобы «зараза революціи» не охватила своимъ «ядовитымъ дыханіемъ» подвластные имъ народы и царства. Кокетничавшая со всѣми государями Екатерина, какъ извѣстно, немало пококетничала и съ представителями свободной французской мысли; но когда эти свободныя мысли изъ области теоретической стали реализоваться опредѣленными фактами, состарившаяся русская государыня также испытала немалый страхъ, поспѣшила порвать связи со своими недавними друзьями-философами и широко открыла двери своего государства разнымъ французскимъ эмигрантамъ изъ среды высокопоставленной и знатной. Послѣдніе дни ея царствованія ознаменовываются вступленіемъ Россіи въ наступательный союзъ съ Австріей, Пруссіей и Англіей въ цѣляхъ безопасности европейскихъ престоловъ, обузданія буйной дерзости французовъ и возстановленія французской монархіи. Такое положеніе вещей застаетъ Павелъ при своемъ вступленіи на престолъ.

На первыхъ порахъ этотъ государь провозглашаетъ принципъ невмѣшательства въ европейскія дѣла и заявляетъ, что «остается въ твердой связи со своими союзниками», но отказывается отъ прямой войны съ Франціей, ибо Россія, будучи въ «непрерывной» войнѣ съ 1756 года, нуждается въ отдохновеніи. Но эти прекрасныя слова остаются простыми звуками, и измѣнчивый характеръ Павла во все время его короткаго царствованія бросаетъ его то въ войну съ Франціей, то въ союзъ съ ней, то въ обширныя приготовленія къ борьбѣ съ Англіей на Дальнемъ Востокѣ. Произвольная политика Франціи въ періодъ директоріи убѣдила Павла въ неуваженіи

французскаго правительства къ началамъ международнаго права. Приготовленіе къ египетской экспедиціи Наполеона, арестъ русскаго консула на Іоническихъ островахъ, покровительство польскимъ эмигрантамъ, слухи о намѣреніяхъ французовъ напасть на сѣверный берегъ Чернаго моря—побуждаютъ Павла примкнуть къ коалиціи 1799 года изъ Англіи, Австріи, Турціи и Неаполя противъ Франціи. Русскій флотъ распускаетъ свои паруса въ Средиземномъ морѣ и везетъ дессантъ въ Италію на помощь Фердинанду VI, королю неаполитанскому; «чудо-богатыри» Суворова свершаютъ свой знаменитый швейцарскій походъ и наполняютъ Европу славою русскаго оружія. Но знаменитый австрійскій военный совѣтъ (гофскригсратъ) путаетъ военныя карты Суворова, тормозитъ его побѣдоносное шествіе и сводитъ кампанію русскихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій къ очень незначительнымъ результатамъ, вслѣдствіе чего императоръ Павелъ разрываетъ союзъ съ Австріей, какъ равно разрываетъ и союзъ съ Англіей, недовольный отношеніемъ британскаго правительства къ вспомогательному русскому отряду, боровшемуся въ Голландіи противъ французовъ. Этимъ настроеніемъ сѣвернаго монарха ловко пользуется Бонапартъ и склоняетъ его къ заключенію мира съ Франціей, союза съ ней и къ подготовкѣ къ борьбѣ съ ея вчерашними союзниками. Павелъ Петровичъ вступаетъ въ договоръ съ Пруссіей противъ Австріи и въ союзъ съ Пруссіей же, Швеціей и Даніей противъ Англіи. Донское казачье войско, подъ начальствомъ Платова, по мановенію сѣвернаго монарха двигается по направленію Индіи съ цѣлью нанести «владычицѣ морей» ударъ по ея больному и опасному мѣсту: колоніи должны быть отрѣзаны отъ метрополіи и колоніальной торговлѣ Англіи долженъ быть положенъ конецъ. Ея финансовый и экономическій уронъ неминуемо, по плану Наполеона, сводилъ ее на степень второстепеннаго государства и обращалъ въ послушное орудіе завоевательной политики знаменитаго консула. Трагическій конецъ Павла снова спутываетъ политическія шашки Западной Европы, и ходъ событій здѣсь получаетъ вскорѣ интенсивный характеръ. Вся Европа обращена въ вооруженный лагерь, и клубы порохового дыма заволакиваютъ вдоль и поперекъ весь европейскій континентъ.

Кровавая ночь 11-го марта 1801 года въ Михайловскомъ замкѣ неожиданно вручила Александру, любимому внуку Екатерины, бразды русскаго верховнаго правленія. И эта неожиданность сыграла въ военный періодъ царствованія Александра I крупную роль, о чемъ будетъ рѣчь далѣе.

Внѣшнія событія европейской жизни того времени складывались такъ. Подобно своему отцу, и Александръ I сначала намѣтилъ

себѣ по отношенію европейскихъ державъ, не исключая Франціи, политику миролюбія, но это мирное настроеніе продолжалось недолго, и Россія оказалась въ водоворотѣ бурныхъ политическихъ событій, руководимыхъ Наполеономъ. Несмотря на заключенный Павломъ договоръ съ Франціей, таковой пришлось скоро нарушить, и хронологическій перечень событій складывается вкратцѣ слѣдующимъ образомъ. Наполеонъ обратился къ Австріи и къ Англіи съ предложеніемъ покончить борьбу, но это предложеніе съ его стороны былъ только ловкій маневръ, чтобы оттянуть развитіе событій и выиграть время, потребное для подготовки къ новой войнѣ. Державы согласились, но требовали возстановленія на французскомъ престолѣ прежней династіи Людовиковъ и возвращенія Франціи къ прежнимъ границамъ. Отвѣтомъ на это со стороны Наполеона былъ рядъ новыхъ боевыхъ дѣйствій, гдѣ воспитанные въ его суровой школѣ генералы одерживаютъ при Маренго (въ Ломбардіи) и при Гомлиндѣ блестящую побѣду, открывая свободную дорогу для наступленія на Вѣну. Австрія ищетъ мира, который заключается при Люневилѣ. Ломбардія превращается въ Италійскую республику, избирающую своимъ президентомъ Наполеона, и границами Франціи опредѣляются Рейнъ и Эчъ. Нѣмецкія княжества, какъ Баварія, Баденъ, Виртембергъ и пр., раньше другихъ заключившія союзъ съ Франціей, были властью консула увеличены въ своихъ владѣніяхъ; болѣе мелкія княжества были сокращены въ своихъ границахъ. Оставалось справиться съ Англіей, неуязвимой съ моря, но и эта послѣдняя, утомленная войною и испытывая нѣкоторое денежное затрудненіе, вскорѣ соглашается со своей континентальной соперницей на миръ, который и заключается въ Амьенѣ (1802 г.). Наполеонъ становится какъ бы вершителемъ міровыхъ событій и, твердо вѣруя въ свою счастливую звѣзду, начинаетъ высокомѣрно обращаться съ нѣмецкими княжествами, съ Италіей и Швейцаріей, перекраивая по своему усмотрѣнію границы владѣній и устанавливая то тамъ, то тутъ желательныя ему формы правленія. Онъ захватываетъ связанный договоромъ съ Англіей Ганноверъ, въ Голландіи и Швейцаріи устанавливаетъ свой протекторатъ, Италію онъ превращаетъ изъ республики въ королевство и провозглашаетъ себя королемъ ея. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ дѣйствій, какъ провозглашеніе себя императоромъ Франціи, убійство герцога Энгіенскаго, презрительное отношеніе ко всѣмъ своимъ новымъ союзникамъ, вѣчное интриганство въ цѣляхъ ихъ политической ссоры между собой,— все это вмѣстѣ взятое побуждаетъ главнѣйшія державы Европы составить противъ Нополеона новую коалицію для обузданія его и низложенія съ престола. Въ эту коалицію входятъ Австрія, Англія, Россія, Швеція и Неаполь, коалиція достаточно опасная для французскаго императора. Тогда онъ пускаетъ въ ходъ всю силу своей дипломатической и военной тактики. Онъ дѣлаетъ видъ,

будто собирается обрушиться всею своею войсковою тяжестью на Англію и высадиться тамъ, на дѣлѣ же со страшною быстротою, подобно урагану, увлекшему за собой второстепенныя нѣмецкія княжества, врывается въ Германію. Въ битвѣ при Ульмѣ австрійская армія капитулируетъ передъ нимъ, затѣмъ была захвачена Вѣна и, наконецъ, 2-го декабря 1805 года произошла знаменитая Аустерлицкая битва, изъ которой Наполеонъ выходитъ побѣдителемъ. Австрія лишилась Тироля и Венеціанской области по Пресбургскому миру, и, такимъ образомъ, пробилъ послѣдній часъ «Священной Римской имперіи германской націи». На мѣсто ея Наполеонъ образуетъ подъ своимъ протекторатомъ Рейнскій союзъ князей и даруетъ въ новообразованныхъ королевствахъ короны своимъ братьямъ Іосифу и Людвигу. Въ побѣдоносномъ шествіи Наполеона къ міровому могуществу встрѣчаются только два препятствія. При Трафальгарѣ адмиралъ Нельсонъ разбиваетъ на голову французскій флотъ, и Англія, такимъ образомъ, ускользаетъ изъ-подъ его давленія, сохраняя за собою морское могущество и вліяніе на экономическую жизнь на континентѣ по ввозу и вывозу товаровъ. Сохраняетъ свою независимость и Россія, союза съ которой до 1807 года ему не удается заключить. Какъ бы въ отмщеніе судьбѣ, не дающей ему полностью осуществить свою политику завоеванія, онъ набрасывается на Пруссію, игравшую въ предшествовавшихъ событіяхъ двусмысленную роль, но не дерзавшую активно выступать противъ французскаго императора, и подвергаетъ ее ряду оскорбленій. Въ отвѣтъ на эти послѣднія Пруссія рѣшается потребовать отъ Наполеона очищенія южной Германіи и образованія Сѣверно-Германскаго союза съ нею во главѣ. Въ битвахъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, несмотря на участіе въ нихъ русскихъ войскъ, Пруссія теряетъ свою независимость и становится послушною игрушкою въ рукахъ державнаго властелина Франціи. Тильзитскій миръ (1807 г.), гдѣ впервые Александръ I протянулъ руку Наполеону, далъ послѣднему еще одно удовлетвореніе: Наполеонъ добился союза съ русскимъ царемъ на выгодныхъ для себя основаніяхъ. Пруссія была урѣзана въ своихъ владѣніяхъ; было образовано новое Вестфальское королевство съ братомъ Наполеона Іеронимомъ во главѣ, Саксонія и рядъ другихъ нѣмецкихъ княжествъ примкнули къ Рейнскому союзу. Наполеонъ провозглашаетъ, какъ средство будущей гибели Англіи, никому невыгодную, кромѣ него, континентальную систему, по которой всѣ европейскіе порты должны были быть закрыты для англійской торговли. Несогласныхъ примкнуть къ этому континентальному союзу, какъ Швецію и Данію, онъ принуждаетъ къ тому силою союзнаго оружія.

Рядомъ съ этимъ онъ проникаетъ все въ тѣхъ же цѣляхъ борьбы съ Англіей и распространенія своего всесвѣтнаго вліянія и въ такія государства, какъ Испанія и Португалія.

Въ 1808 году состоялось новое свиданіе Наполеона и Александра въ Эрфуртѣ для показанія Европѣ чувствъ дружбы этихъ государей, а на слѣдующій годъ произошелъ новый разгромъ Австріи, взятіе Вѣны и заключеніе съ нею въ Шенбрунѣ тяжкаго мира, по которому она лишилась многихъ владѣній, какъ Зальцбургъ, западной и части восточной Галиціи, Крайны, Тріеста и другихъ. Побѣдитель австрійскаго императора, доведшій его до крайней степени политическаго униженія, представитель демократическихъ принциповъ новой Франціи, нѣкогда именуемый «коварный корсиканецъ» и попросту Бонапартъ, получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и аристократическую руку дочери главы Габсбургской династіи, послѣ того, какъ ему было отказано въ рукѣ Екатерины Павловны, сестры Александра I. Честолюбивыя мечты нововѣнчаннаго выходца изъ народа получаютъ широкое осуществленіе. Онъ глава колоссальнѣйшей имперіи, въ составъ которой, кромѣ Франціи, входили Бельгія, Голландія, часть сѣверной Германіи до Балтійскаго моря съ устьями Рейна, Везера и Эльбы, весь лѣвый берегъ Рейна, часть Швейцаріи, Пьемонтъ, Тоскань, Папская область, гдѣ власть преосвященника была уничтожена, онъ носитъ на себѣ корону Италіи и на Балканскомъ полуостровѣ захватываетъ Иллирію. Онъ настоящій повелитель Западной Европы, свободно распоряжающійся судьбами всѣхъ областей, которыя не вошли въ границы Франціи; онъ родственникъ старѣйшаго аристократическаго дома Европы, онъ настоящая угроза восточному европейскому материку и угроза Англіи со стороны ея торговаго могущества...

Но всему земному бываетъ конецъ, и поиски міроваго могущества великаго человѣка обрѣли также свой предѣлъ: они разбились о борьбу за родину восточно-славянскаго племени со своимъ царемъ во главѣ, борьбу, столѣтнюю годовщину которой мы нынѣ празднуемъ и которой посвящена настоящая статья.

Мы видѣли изъ предыдущаго, что Александръ I, подобно своему отцу, на первыхъ порахъ желалъ избѣгнуть вмѣшательства въ европейскія дѣла, но затѣмъ съ головою окунулся въ нихъ и въ связи съ ними, особенно послѣ Тильзитскаго и Эрфуртскаго свиданій, какъ будто совершенно устранился отъ дѣлъ внутренняго управленія, а послѣ 1813 г. Россія начинала казаться ему и совершенно скучной, и неинтересной. Если еще во время отъ 1800 до 1805 годовъ ему удается устраниться отъ борьбы между собой западно-европейскихъ сосѣдей и въ этотъ періодъ дать Россіи хоть нѣкоторыя реформы въ области внутренняго управленія, то въ послѣдующій періодъ, по 1813 годъ включительно, событія Запада цѣликомъ его поглощаютъ, и онъ обращается въ своего рода космополитическаго императора, занятаго спасеніемъ Европы противъ посягательствъ

на нее узурпатора французскаго престола. Вначалѣ, какъ бы по наслѣдію отъ отца, онъ относится къ Наполеону скорѣе даже сочувственно, усматривая въ немъ тотъ военный геній, который туманитъ воображеніе и гипнотизируетъ взоры современниковъ. Но, когда Наполеонъ властною рукою осѣнилъ свое чело французскою короною и облачился въ императорскую мантію, аристократическое чувство внука Екатерины было возмущено, и онъ воскликнулъ: «Завѣса упала, нынѣ это знаменитѣйшій изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи!» Борьба съ этимъ тираномъ становится его завѣтною мечтой, и положеніе: «Наполеонъ или я, я или Наполеонъ, но мы вмѣстѣ царствовать не можемъ», это положеніе становится къ началу 1811 году путеводною звѣздою его европейской политики.

Хотя нѣкоторыя черты въ обоихъ принципіальныхъ врагахъ были общія—хитрость, тонкость дипломатическаго ума, жестокость и коварство, но, какъ представители верховной власти, они на міровой сценѣ были антиподами. Одинъ—Александръ—былъ представителемъ старой аристократіи, связанной съ европейскими дворами узами родства и дружбы, носитель старинныхъ царственныхъ традицій, какъ бы ниспосланный самимъ Небомъ для счастья своихъ близкихъ; другой—Наполеонъ—носитель демократической доктрины, цѣликомъ обязанный всѣмъ самому себѣ, тотъ новый человѣкъ, рожденный революціей, для котораго никакія традиціи, никакія чувства не имѣли никакого реальнаго значенія и который стремился перекроить обветшавшую Европу на новыхъ началахъ и при помощи новыхъ людей. Поэтъ Ѳ. Тютчевъ характеризовалъ его такъ:

Сынъ революціи! Ты съ матерью ужасной
Отважно въ бой вступилъ и изнемогъ въ борьбѣ:
Не одолѣлъ ее твой геній самовластный!..
Бой невозможный, трудъ напрасный:
Ты всю ее носилъ въ самомъ себѣ!..
Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ—орлы парили,
Въ его груди—змѣи вились....
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный, дерзостный полетъ,
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости расчетъ!
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему....
Онъ былъ земной, не Божій пламень!
Онъ гордо плылъ, презритель волнъ!
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ!

Наполеонъ, пылкій и смѣлый, смѣлый до непонятной дерзости, былъ лично независимъ и опирался, съ одной стороны, на обожавшую его армію, съ другой—на ослѣпленные его военною славою, не знающею неудачъ, широкіе слои французскаго народа. Таковъ былъ прочный фундаментъ, имѣя который подъ собою, онъ на все дерзалъ.

Сдержанный, холодный, замаскированный любезной улыбкою, сѣверный монархъ не имѣлъ въ себѣ дерзновенія своего противника, дерзновенія ни въ дѣлахъ внутренней политики, ни въ политикѣ внѣшней. Въ первомъ случаѣ кровавая ночь 11-го марта 1801 года ложилась тяжелымъ камнемъ на его душу и ставила его въ зависимость отъ той вліятельной части дворянства, которая вручила ему обрызганный кровью скипетръ отца. Это дворянство не вызывало его довѣрія, какъ равно и онъ не внушалъ довѣрія дворянству, которому онъ ничѣмъ не сумѣлъ отплатить за такъ рано доставшійся ему высокій удѣлъ. Фронтовикъ въ душѣ, подобно своему дѣду и отцу, онъ не былъ боевымъ дѣятелемъ изъ ряда тѣхъ, которые являются въ глазахъ арміи кумиромъ. Онъ самъ съ грустью сознавался: «Прискорбно, что я не полководецъ, такъ какъ воспитался при дворѣ, а не отданъ былъ на воспитаніе Румянцову или Суворову». Зависимый отъ высшаго, привилегированнаго сословія, не связанный крѣпкими нитями съ войскомъ, онъ въ вопросахъ внѣшней политики былъ опутанъ родственными связями, которыя онъ считалъ долгомъ защищать и которыя ставилъ ни во что его противникъ. Традиція дружбы и съ Пруссіей, и съ Австріей создавала ему тоже подчасъ фальшивое положеніе и бросала на пути побѣдоноснаго шествія Наполеона къ міровому могуществу. Ближайшимъ образомъ заинтересованный въ сокрушеніи сосѣдней Англіи, Наполеонъ вмѣстѣ съ тѣмъ на каждомъ шагу встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны Александра. Поэтому униженіе и уничтоженіе послѣдняго ставится съ 1811 года его задачею и, перекинувъ свои полчища за Нѣманъ, онъ самонадѣянно говоритъ:

«Покончивъ съ Россіей, я сумѣю покончить и съ Австріей. Но я еще не рѣшилъ, кому отдамъ Польшу. Что же касается Пруссіи, то участь ея не подлежитъ сомнѣнію. И иду на Москву. Одна или двѣ битвы рѣшатъ все. Императоръ Александръ на колѣняхъ будетъ просить мира. Я сожгу Тулу: вотъ Россія и обезоружена. Меня ждутъ. Москва—сердце имперіи. Я буду вести войну, проливая кровь поляковъ. Безъ Россіи континентальная система—глупость».

Передѣлавъ границы Россіи и подчинивъ ея судьбу своей волѣ, только тогда сокрушеніе Англіи рисовалось ему осуществимымъ.

Собственно говоря, для серьезнаго вмѣшательства Россіи въ военныя событія 1805 года не было прямыхъ серьезныхъ основаній, если не считать тонкихъ происковъ Наполеона на Востокѣ и его стремленія вызвать и въ Турціи, и въ Австріи недовѣріе къ Рос-

сіи и страхъ передъ ея наступательными дѣйствіями въ кругу восточнаго вопроса. Александръ I понималъ, что въ лицѣ новаго французскаго императора онъ имѣетъ замаскированнаго личною дружбы опаснаго политическаго врага, съ которымъ рано или поздно столкновеніе неизбѣжно въ виду его властолюбивой политики. Поэтому русскій императоръ вступаетъ въ составъ новой коалиціи и для защиты средне-европейскихъ владѣній, которымъ со стороны Наполеона грозили потрясенія, двигаетъ свои войска за предѣлы Россіи. Для союзниковъ, въ составѣ Россіи, Австріи, Англіи, Швеціи и Неаполя, не было сомнѣнія, что въ такомъ составѣ вооруженныхъ силъ надменной политикѣ французскаго императора будетъ положенъ легкій и скорый конецъ. Русскіе военачальники и офицерство вообще рвались въ бой, и желаніе помѣряться силами съ геніальнымъ французскимъ императоромъ охватывало ряды русскаго воинства. По недальновидности и, пожалуй, нѣкоторому легкомыслію походъ противъ французовъ рисовался въ видѣ пріятной и славной своими трофеями военной прогулки, и побѣда надъ «антихристомъ», какъ тогда уже начали понемногу именовать Бонапарта, казалась богоугоднымъ и провиденціальнымъ дѣломъ. Но этимъ надеждамъ суждено было вскорѣ разлетѣться прахомъ, и, вмѣсто ожидаемыхъ громкихъ побѣдъ, Россію въ равнинахъ срединной Европы ожидали небывалый еще въ лѣтописяхъ ея военной исторіи новаго времени разгромъ и систематическія неудачи.

Хотя Александръ I освободилъ русскую армію отъ педантизма прусскихъ уставовъ, которыми сковалъ ее Павелъ Петровичъ, тѣмъ не менѣе и сынъ его сохранилъ вѣру въ военный авторитетъ нѣмцевъ, пренебрегая новыми положеніями въ военномъ искусствѣ, которыя ярко опредѣлились въ военной школѣ Наполеона. Поэтому и русская армія въ походѣ 1805 года подъ начальствомъ Кутузова и Беннигсена оказалась въ путахъ австрійскихъ стратеговъ. Кромѣ того, на несчастье Россіи самъ Александръ Павловичъ, не будучи полководцемъ, вмѣшивался въ распоряженія Кутузова и своими требованіями, которымъ престарѣлый сподвижникъ Суворова не смѣлъ противорѣчить, только содѣйствовалъ успѣхамъ военной тактики Наполеона и урону родной арміи. Послѣдовали знаменитые бои подъ Шенграбеномъ, Аустерлицемъ, гдѣ ярко возсіяла звѣзда Наполеона и гдѣ у ногъ побѣдителя легла униженная имъ армія и имперія Габсбурговъ. Русское войско, хотя понесло значительный уронъ, однако, благодаря талантливой тактикѣ Кутузова, спасло свою честь и избѣгло неминуемаго пораженія, которое ему грозило вслѣдствіе бездарности австрійскихъ стратеговъ. Въ Пресбургѣ Австрія заключила невыгодный для себя миръ съ Наполеономъ, а русскимъ войскамъ уже въ 1806 году пришлось итти на выручку Пруссіи. Хотя послѣднюю Александру Павловичу и не удалось спасти и участи разгрома она не миновала, однако

въ эту кампанію впервые армія Наполеона встрѣтила со стороны русскихъ такое сильное сопротивленіе и отпоръ, какого до сихъ поръ французскій императоръ не видалъ въ своей военной практикѣ. Онъ впервые подъ Прейсишъ-Эйлау познакомился съ доблестями русскаго солдата и, восторженно любуясь имъ, говорилъ окружающимъ: «Его мало убить, его убитаго еще надо повалить». Послѣ этой битвы, гдѣ превосходство оказалось на сторонѣ русскихъ, обѣ арміи отошли на зимнія кваритры, озабоченныя своимъ новымъ комплектованіемъ и снабженіемъ себя продовольственными запасами. Этой послѣдней заботѣ о продовольствіи арміи Наполеонъ придавалъ громадное значеніе и полагалъ, что судьба всей Европы ставится въ зависимость отъ этихъ запасовъ. Онъ предвидѣлъ, что, имѣя противъ себя такого врага, какъ Россія, къ тому же вышедшаго изъ-подъ опеки австрійскихъ военныхъ теоретиковъ, война неминуемо должна принять затяжной характеръ и ему, отошедшему далеко отъ своей имперіи, можетъ прійтись плохо. Въ періодъ перерыва въ военныхъ дѣйствіяхъ зимою 1807 года Наполеону удается овладѣть двумя важными моментами: онъ захватываетъ крѣпость Данцигъ и вынуждаетъ Турцію на новую войну съ Россіей. Послѣднее обстоятельство побудило Россію раздѣлить свои силы отвлеченіемъ довольно значительной ихъ части противъ турокъ, послѣ чего мы могли противопоставить французамъ армію всего въ 125 тысячъ человѣкъ, въ то время какъ въ распоряженіи Наполеона было войска 170 тысячъ солдатъ.

Усматривая, что въ періодъ 1805, 1806 и 1807 гг. русскимъ войскамъ за предѣлами своего отечества не удается сломить стойкаго врага, наши общественныя силы рѣшаются прійти на помощь своей государственности. Возникаетъ идея народныхъ ополченій, которой нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ предшествуетъ высочайшее повелѣніе о новомъ рекрутскомъ наборѣ. Однако, признавая народное ополченіе явленіемъ по необходимости желательнымъ, Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ тѣмъ не относится къ нему съ полнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ, съ одной стороны, опасаясь, чтобы большія скопища крѣпостнымъ не обрушились на дворянство и, съ другой, чтобы это самое дворянство, опираясь на своихъ крѣпостныхъ, не получило право диктовать ему тѣ или иныя мѣропріятія въ области внутренней политики. Такъ, когда составилось смоленское ополченіе и графъ Панинъ, участникъ кровавыхъ часовъ 11-го марта 1801 года былъ избранъ дворянствомъ главою этого ополченія, онъ не утвердилъ его въ этомъ званіи и вычеркнулъ даже изъ состава ополченія. Оскорбленный этимъ, графъ Панинъ подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему вступить въ ряды дѣйствующей арміи хотя бы въ роли простого воина, но Александръ I и этого ему не позволилъ и вернулъ ему прошеніе по сему предмету съ «наддраніемъ». Каково было настроеніе вліятельной и враждебной всякимъ новше-

ствамъ части дворянства, всего нагляднѣе усматривается изъ письма къ императору графа Ѳ. В. Ростопчина отъ 17-го декабря 1806 года, написаннаго въ періодъ перерыва въ военныхъ дѣйствіяхъ послѣ Прейсишъ-Эйлау. Ростопчинъ, характеризуя взгляды дворянства на значеніе переживаемаго тогда историческаго момента, писалъ:

«Сіе знаменитое сословіе, одушевляемое духомъ Пожарскаго и Минина, жертвуетъ всѣмъ отечеству и гордится лишь титломъ россіянъ. Милиція учредится въ срокъ и сила ея поставитъ несомнѣнную преграду врагу всемірному и конецъ желанію войти въ хранимую Богомъ землю, кою сто лѣтъ нога непріятеля попирать не дерзала.

«Но все сіе усердіе, мѣры и вооруженія, досель нигдѣ неизвѣстныя, обратятся въ мгновеніе ока въ ничто, когда толкъ о мнимой вольности подыметъ народъ на пріобрѣтеніе оной истребленіемъ дворянства, что есть во всѣхъ бунтахъ и возмущеніяхъ единственная цѣль черни, къ чему она нынѣ еще успѣшнѣй устремится по примѣру французовъ и бывъ къ сему уже пріуготовлена нещастнымъ просвѣщеніемъ, коего неизбѣжныя слѣдствія суть гибель законовъ и царей.

«... Присяга и совѣсть повелѣваетъ мнѣ исполнить долгъ святой, представивъ истину предъ лицо ваше въ томъ видѣ, какъ я представлялъ оную въ то время, когда сердце ваше отдавало справедливость нелицемѣрной любви моей, и для сего заклинаю васъ именемъ Божіимъ, подумайте о прошедшемъ и о настоящемъ, о измѣнѣ Степанова [1]), о расположеніи умовъ, о философахъ, о мартинистахъ и о выборѣ начальника московской милиціи [2]). Явитесь на нѣсколько дней въ городъ сей и возжгите паки въ сердцахъ любовь, совсѣмъ почти погасшую изъ несчастныхъ происшествій и презрѣнія къ министерству».

Дешифрируя внутренній смыслъ настоящаго письма, мы видимъ, что Ростопчинъ въ немъ говоритъ, что государь только тогда завоюетъ симпатіи дворянства, если онъ откажется отъ космополитическихъ тенденцій, симпатіи къ конституціонализму и свято сохранитъ институтъ крѣпостного права.

Вступая, хотя и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ недовѣрія, въ союзъ съ общественными элементами, Александръ I вмѣстѣ съ тѣмъ охотно разрѣшаетъ въ печати всяческое поношеніе Наполеона и санкціонируетъ предписаніе св. синодомъ духовенству спеціальныхъ церковныхъ проповѣдей съ яркимъ въ нихъ элементомъ фанатизма, гдѣ французскій императоръ изображался въ качествѣ нечистой силы и сошедшаго на землю антихриста. Откуда и съ какого времени появилась на сцену легенда о тожествѣ Наполеона

---

[1]) Интендантскій чиновникъ, осужденный на каторгу за выдачу французамъ въ 1806 г. свѣдѣній о размѣщеніи войскъ.

[2]) Намекъ на извѣстнаго конституціоналиста Мордвинова.

съ антихристомъ, нельзя точно установить, но до чего она была популярна даже среди интеллигентныхъ круговъ, усматривается изъ посланія дерптскаго профессора Вильгельма Гецеля, адресованнаго въ 1812 году командующему первой арміей Барклаю-де-Толли. Ученый профессоръ писалъ, основываясь на уже къ тому времени готовой легендѣ, слѣдующее:

«М. г.! Если бы можно было вселить въ императорское россійское воинство то увѣреніе, что оно Провидѣніемъ избрано къ прекращенію въ нынѣшнемъ 1812 году тѣхъ бѣдствій, кои Наполеонъ навлекъ на всю Европу, то сіе бы усугубило бодрость духа и облегчило бы одержаніе побѣды.

«Таковое увѣреніе можетъ произведено быть въ дѣйство черезъ прилагаемое при семъ кабалистическое изъясненіе двухъ мѣстъ Апокалипсиса св. апостола Іоанна, т. е. гл. 13, ст. 18 и 5, если полковые священники благоразумно разгласятъ его».

Кабалистическое толкованіе Апокалипсиса заключалось въ слѣдующемъ. Переложивъ буквы, составляющія имя Наполеонъ, въ цифры (по способу еврейскаго числоизложенія), профессоръ Гецель получилъ число 666, т. е. то именно число, которымъ въ Апокалипсисѣ означенъ Звѣрь (антихристъ). Предѣлъ славы Звѣря опредѣленъ числомъ 42. Отсюда профессоръ Гецель дѣлалъ выводъ, что 1812 годъ, въ которомъ антихристу-Наполеону исполнялось 43 года, будетъ годомъ его паденія.

«А какимъ образомъ сіе всячески достопамятное изъясненіе должно быть въ войскѣ разглашено,—продолжаетъ профессоръ Гецель,—раздачею ли печатныхъ листовъ на россійскомъ языкѣ, или только изустнымъ отъ духовенства внушеніемъ, то предоставляю вашему благоусмотрѣнію».

Непобѣдимость Наполеона и неуспѣхи русскаго оружія въ борьбѣ съ нимъ, новая рекрутчина, всегда встрѣчаемая населеніемъ съ воплемъ и плачемъ, какъ народное бѣдствіе, фанатическая проповѣдь духовенства и агитація дворянства о необходимости защиты отечества противъ грознаго врага, несомнѣнно, фанатизировали населеніе, которое и начало воспринимать идею о пришествіи антихриста во образѣ Наполеона за реальный фактъ. Въ 1806 году эта идея и сказанное фанатическое настроеніе начинаютъ только мерцать съ тѣмъ, чтобы въ 1812 году зажечься яркимъ пламенемъ и въ особенности послѣ появленія на небѣ кометы признаннаго какъ грозное предзнаменованіе.

Открывшаяся весною 1807 года кампанія началась съ удачнаго для насъ дѣла при Гельзбергѣ, но результатами нашей удачи главнокомандующій князь Горчаковъ не сумѣлъ воспользоваться, давъ Наполеону черезъ нѣсколько дней усилиться, послѣ чего онъ заставилъ насъ принять въ невыгодной для нашей арміи обстановкѣ бой подъ Фридландомъ, окончившійся для русскихъ войскъ сильнымъ пораженіемъ. 12-го іюня было заключено между враждую-

щими сторонами перемиріе; 27-го числа того же мѣсяца состоялось свиданіе двухъ императоровъ-соперниковъ при Тильзитѣ и подписаніе Тильзитскаго мира. Тутъ впервые встрѣтились лицомъ къ лицу, два представителя новаго вѣка, къ личностямъ которыхъ приковывалось тогда вниманіе всей Европы. Началась тонкая игра двухъ искусныхъ дипломатовъ, дружески обнявшихся при встрѣчѣ, очаровавшихъ другъ друга и порѣшившихъ на словахъ дальнѣйшую судьбу всей Европы. По существу дѣла въ выигрышѣ оказался Наполеонъ; его новый царственный союзникъ призналъ всѣ перемѣны, сдѣланныя имъ въ Европѣ, какъ равно призналъ и новоиспеченныхъ королей, братьевъ Наполеона, которымъ были отданы судьбы Неаполя, Голландіи и Вестфаліи. Добился Наполеонъ и разрыва союза Россіи съ Англіей и побудилъ Александра признать континентальную систему съ закрытіемъ для англійскихъ товаровъ всѣхъ европейскихъ рынковъ. На долю Россіи выпало лишь обладаніе Бѣлостокской областью и обѣщаніе содѣйствовать окончанію нашей войны съ Турціей, причемъ буферъ, образованный изъ отнятыхъ у Пруссіи польскихъ областей, въ видѣ герцогства Варшавскаго, сталъ для Россіи неутѣшительнымъ реальнымъ фактомъ. Для всѣхъ было очевиднымъ, что Александръ I капитулировалъ передъ Наполеономъ, какъ бы призналъ свое второстепенное значеніе и расписался въ проигрышѣ послѣдней кампаніи.

Это угнетающе подѣйствовало на войско, и свидѣтель блестящей встрѣчи и послѣдовавшихъ за ней торжествъ и увеселеній Денисъ Давыдовъ впослѣдствіи говорилъ о настроеніи арміи такъ: «Что касается до насъ, одно любопытство видѣть Наполеона и быть очевидными свидѣтелями нѣкоторыхъ подробностей свиданія двухъ величайшихъ монарховъ въ мірѣ занимало всѣхъ насъ въ высшей степени, но тѣмъ и ограничивалось все наше развлеченіе. Общество французовъ намъ ни къ чему не служило: ни одинъ изъ насъ не искалъ не только дружбы, даже знакомства ни съ однимъ изъ нихъ, не взирая на ихъ старанія... 1812 годъ стоялъ уже посреди насъ, русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови по дуло, съ своимъ ножомъ въ крови по локоть».

Тильзитскій миръ произвелъ удручающее впечатлѣніе и на русское общество: въ политикѣ Александра I вліятельное дворянство увидало не только оскорбленіе національнаго достоинства, но и угрозу благоденствію помѣщичьихъ хозяйствъ.

Главная удача тильзитскихъ переговоровъ для Наполеона заключалась, какъ уже сказано выше, въ принятіи Александромъ I континентальной системы, которая всей тяжестью ложилась на помѣщичьи хозяйства и народный обиходъ: выгодный сбытъ сырья въ Англію этимъ самымъ прекращался, какъ равно прекращался ввозъ изъ Англіи предметовъ роскоши, именно потребля-

емыхъ дворянствомъ и высшимъ сословіемъ. Этимъ воспользовались всяческіе спекулянты, и сразу цѣны на всѣ продукты, особенно въ столицахъ, возросли. Графиня Шуазель въ своихъ запискахъ о томъ времени, характеризуя новыя экономическія условія жизни, наступившія для Россіи, повѣствуетъ: «Континентальная система, произвольно навязанная Наполеономъ для Россіи, сдѣлалась ей въ тягость и внушила серьезныя безпокойства императору Александру I. Со всѣхъ концовъ имперіи, среди дѣйствительнаго и мнимаго богатства, раздавался голосъ нищеты, такъ какъ прекратился всякій отпускъ за границу, всѣ порты были заперты и ощутился недостатокъ въ необходимѣйшемъ народномъ для Россіи продуктѣ—соли. Можно было обойтись безъ сахара, вина, но не безъ соли и сельдей, которыя составляютъ ежедневную пищу въ теченіе продолжительныхъ постовъ, а ихъ-то нельзя было достать или это продавали по баснословно дорогой цѣнѣ, недоступной для бѣднаго народа. Англійскій кабинетъ тайно работалъ для возбужденія всеобщаго неудовольствія. Императоръ Александръ I видѣлъ мечъ, повѣшенный надъ его головою на англійской веревкѣ».

Послѣдовавшее за тильзитскимъ эрфуртское свиданіе подкрѣпило всѣ договорныя основы свиданія въ Тильзитѣ, и вся Европа какъ бы оказалась раздѣленною на двѣ части: одна, западная, осѣненная властью Ноnолеона, а другая восточная—властью Александра I. Но, конечно, послѣднее положеніе оставалось фикціей, такъ какъ ни Турція, ни Швеція своей зависимости отъ Россіи признавать не желали и, защищая свои политическіе интересы, вступили въ новую съ нами борьбу, гдѣ активная помощь намъ отъ Наполеона ничѣмъ существеннымъ не проявилась.

Россія оказалась безъ старыхъ союзниковъ и въ очень сомнительной связи съ Франціей, каковая связь, какъ то и видѣли современники, рано или поздно должна была рушиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ былая популярность внука Екатерины уменьшалась, и его возвращеніе на берега Невы было встрѣчено нѣкоторыми придворными кругами и русскимъ обществомъ болѣе чѣмъ хладнокровно. Прежніе друзья и единомышленники, какъ Новосильцевъ, Кочубей, его покидаютъ и на мѣсто ихъ вліянія выдвигаются на первое мѣсто, съ одной стороны, вліяніе Аракчеева, съ другой—Сперанскаго. Оба приходятся не по душѣ офиціальнымъ сферамъ. Одинъ своимъ фронтовымъ отношеніемъ ко всему окружающему, другой, благодаря своей «французомапіи», руководясь которой онъ создавалъ бюрократическій обликъ Россіи.

Начавшаяся въ 1809 году новая война Наполеона съ Австріей, въ которой Россія должна была, согласно заключенному договору съ Наполеономъ, выступить противъ своей стародавней союзницы, также немало послужила къ уменьшенію популярности Александра I. Онъ уже запрещаетъ представителямъ общественности и

духовенства порочить въ статьяхъ и проповѣдяхъ еще недавняго «антихриста» и двигаетъ противъ Австріи тридцатитысячный корпусъ вяло дѣйствующихъ, однако, въ этой непонятной для Россіи войнѣ войскъ. Послѣдовавшій разгромъ Австріи въ 1809 году, правда, далъ Россіи по Шенбрунскому миру часть Галиціи, но эта подачка не вызвала особой радости въ Россіи, а только открыла глаза Александру I на то, что онъ игрушка въ рукахъ Наполеона и что онъ вынимаетъ изъ раскаленной европейской печи лишь каштаны для удовлетворенія политическаго аппетита ненасытнаго французскаго императора. Что касается самого Наполеона, то въ кампанію 1809 года онъ остался недоволенъ вялостью дѣйствій русскихъ войскъ и въ этой вялости усмотрѣлъ нѣчто вродѣ двойной игры Александра I. Эрфуртское свиданіе было послѣднимъ солнечнымъ днемъ ихъ случайной дружбы; вслѣдъ затѣмъ легкія тучи набѣгаютъ на горизонтъ, бросаютъ тѣни на лики обоихъ властителей, и они начинаютъ уже косо и съ недовѣріемъ посматривать другъ на друга. Польскій вопросъ, гдѣ Наполеонъ, посылая любезныя улыбки Александру I, вмѣстѣ съ тѣмъ велъ явно фальшивую политику, внушалъ Россіи серьезныя опасенія. Французскій императоръ туманилъ головы поляковъ намеками и косвенными обѣщаніями на возможность возстановленія Польскаго королевства, и поляки начинали уже бредить именемъ Наполеона, долженствующаго вернуть имъ ту политическую свободу и государственную независимость, о которой они, начиная съ перваго раздѣла, мечтали и которая являлась конечнымъ пунктомъ ихъ историческихъ вожделѣній. Это обстоятельство ставило Россію и Александра I въ очень фальшивое положеніе и ближайшимъ образомъ не позволяло польскимъ областямъ прочно цементироваться съ коренной русской землею.

Цѣлый рядъ событій болѣе второстепеннаго порядка, какъ-то: отказъ Наполеону въ рукѣ Екатерины Павловны, изданіе нами новаго таможеннаго устава и т. д.,—все болѣе и болѣе рождало въ Наполеонѣ сознаніе, что въ ходѣ его міровой властной политики Россія стоитъ у него поперекъ дороги и что съ нею надо покончить. Рядомъ съ этимъ и Александръ начинаетъ прозрѣвать, что всѣ обѣщанія французскаго императора въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ остаются мыльными пузырями и что всѣ основы дружбы съ Наполеономъ имѣютъ въ корнѣ лишь его честолюбіе и самовластье. Открывается послѣдовательность дѣйствій съ обѣихъ сторонъ, явно другъ другу враждебныхъ. Наполеонъ безъ всякихъ серьезныхъ причинъ лишаетъ герцога Ольденбургскаго, дядю русскаго государя, его родовыхъ владѣній. Александръ протестуетъ, но тщетно. Его протестъ не заслуживаетъ вниманія Наполеона. Сознавая все причиняемое Россіи зло континентальной системой, Александръ ее нарушаетъ. Императоръ французскій протестуетъ, а русскій государь отвѣчаетъ уклончиво и не только не идетъ навстрѣчу предъявляемому ему

требованію, но даже наноситъ французской торговлѣ въ интересахъ русской промышленности явный ущербъ, налагая на одну категорію французскихъ товаровъ запретъ ввоза, а другую облагая высокою пошлиною. Такая политика русскаго государя привѣтствуется на родинѣ, какъ освобожденіе отъ французской опеки и возвращаетъ ему утерянныя было симпатіи соотечественниковъ. Политическія струны между Сеной и Невою начинаютъ натягиваться, въ воздухѣ слышится приближеніе грозы, и первые раскаты ея проносятся на рубежѣ 1811—1812 г., послѣ того, какъ въ теченіе періода 1810—1811 гг. обѣ стороны успѣли сдѣлать громадныя военныя приготовленія и придвинуть къ Вислѣ обширныя вооруженныя полчища. Видя натянутость отношеній между обоими монархами, Англія тайно соглашается на субсидію Россіи деньгами въ ея военныхъ приготовленіяхъ. Соотношеніе этихъ полчищъ было къ описываемому времени таково съ показаніемъ ихъ отдѣльныхъ частей:

Составъ и численность русскихъ войскъ въ 1812 году.

1-я западная армія генерала-отъ-инфантеріи Барклая-де-Толли.

1-й пѣхот. корпусъ графа Витгенштейна	23	тыс.
2-й » » ген. Багговута	17	»
3-й » » » Тучкова 1-го	$18^1/_2$	»
4-й » » » гр. Шувалова, потомъ гр. Остермана-Толстого)	$15^1/_2$	»
5-й пѣхот. корпусъ вел. кн. Константина Павловича	20	»
6-й » » ген. Дохтурова	17	»
1-й резерв. кав. корпусъ Уварова	3	»
2-й » » » бар. Корфа	4	»
3-й » » » гр. Палена	$2^1/_2$	»
Летучій казачій отрядъ Платова	7	»

Итого $127^1/_2$ тыс. при 558 орудіяхъ.

2-я западная армія генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона.

7-й пѣхот. корпусъ ген. Раевскаго	16	тыс.
8-й » » » Бороздина	16	»
4-й резервный кав. корпусъ Сиверса	$3^1/_2$	»
Летучій казачій отрядъ Иловайскаго	4	»

Итого $39^1/_2$ тыс. при 180 орудіяхъ

3-я резервная обсерваціонная армія графа Тормасова.

Корпусъ графа Каменскаго	$10^1/_2$	тыс.
» » Маркова	$15^1/_2$	»
» барона Сакена	8	»

Кавалерійскій корпусъ графа Ламберта	5 тыс.
9 казачьихъ полковъ	5 »
Итого 43 тыс. при 168 орудіяхъ.	
Всего 210 тыс. при 910 орудіяхъ.	

Перечень корпусовъ «великой арміи» съ показаніемъ ихъ первоначальной численности:

Гвардія (маршалы Лефевръ, Мортье и Бессьеръ)	$47^1/_2$	тыс.
I корпусъ маршала Даву	72	»
II » » Удино	37	»
III » » Нея	$39^1/_2$	»
IV » вице-короля Италіи Евгенія (Итальянскій)	45	»
V » маршала кн. Понятовскаго (Польскій)	$36^1/_2$	»
VI » » Сенъ-Сира (Баварскій)	25	»
VII » » Ранье (Саксонскій)	17	»
VIII » » Вандама, потомъ Жюно (Вестфальскій)	18	»
X » » Макдональда (Прусскій)	$32^1/_2$	»
XII » » кн. Шварценберга (Австрійскій)	34	»

Резервная конница короля неаполитанскаго Мюрата.

1-й резервн. кавал. корпусъ Нансути	12	тыс.
2-й » » » Монбреня	$10^1/_2$	»
3-й » » » Груши	$9^1/_2$	»
4-й » » » Латуръ-Мобура	$8^1/_2$	»
Итого 448 тыс. при 1200 оруд.		

Кромѣ того, два корпуса, оставлены въ тылу для охраны сообщеній; изъ нихъ одинъ (IX) впослѣдствіи былъ притянутъ на театръ войны:

IX корпусъ маршала Виктора	34	тыс.
XI » » Ожеро	60	»
Итого	94	тыс.
Всего 552 тыс. при 1200 орудіяхъ.		

Настоящія данныя о численности войскъ обѣихъ сторонъ свидѣтельствуютъ о значительномъ перевѣсѣ силъ Франціи надъ Россіей. Въ составъ «великой арміи» Наполеона входили почти что всѣ видныя государства Европы, тѣ «двадесять языкъ», объ избавленіи отъ которыхъ молила въ ту годину испытанія православная церковь. Громадные запасы продовольствія были сосредоточены въ Пруссіи,

въ герцогствѣ Варшавскомъ, въ ближайшихъ къ русской границѣ крѣпостяхъ по рѣкамъ Одеру и Вислѣ. Вся «великая армія» была раздѣлена на двѣнадцать пѣхотныхъ корпусовъ и четыре резервныхъ кавалерійскихъ корпуса и, кромѣ того, молодая и прославленная въ походахъ Наполеона старая гвардія. Составъ корпусовъ былъ неодинаковъ, отъ двухъ до пяти дивизій. Во главѣ корпусовъ поставлены испытанные маршалы, какъ-то: холодный умомъ, твердый волей и рѣшительный въ дѣйствіяхъ Даву, пылкій, храбрый и боготворившій своего императора Ней, блестящій представитель коннаго строя—неаполитанскій король Мюратъ и др. Французы, составлявшіе немного менѣе половины арміи, были воодушевлены увѣренностью въ скорой и блестящей побѣдѣ; поляки пылали счастьемъ будущихъ побѣдъ и готовы были во имя великаго императора на всяческія безразсудства, не щадя безъ всякой надобности своихъ животовъ. Союзники шли слѣдомъ въ мрачномъ повиновеніи, но скованные желѣзною волею узурпатора ихъ власти и какъ бы предчувствуя, что съ паденіемъ Россіи ихъ участь станетъ еще горшею. Въ концѣ апрѣля 1812 года прибылъ къ войску сосредоточенный, точно застывшій въ своей военной славѣ Наполеонъ, но полный увѣренности въ своей скорой и неминуемой побѣдѣ надъ сѣвернымъ колоссомъ. Его мозгъ горѣлъ широкими планами: быстрымъ натискомъ принудить Россію къ миру, присоединить ея войска къ своимъ и, овладѣвъ Турціей, утвердить въ Константинополѣ «престолъ восточной и западной имперіи», которыя онъ соединитъ подъ своею властью. Въ это время силы, которыми онъ располагалъ въ Италіи, Иллиріи и на Іоническихъ островахъ, онъ двинетъ въ Египетъ. И наконецъ онъ направитъ громадныя силы черезъ Малую Азію въ Бенгалію, для нанесенія окончательнаго удара Англіи».

Бесѣдуя съ своимъ посломъ Коленкуромъ, онъ заговорилъ съ нимъ о своемъ планѣ военныхъ дѣйствій. Коленкуръ высказалъ опасеніе, что Русскіе будутъ отступать хотя бы до Камчатки.

— Нѣтъ,—возразилъ Наполеонъ,—черезъ два мѣсяца Александръ попроситъ у меня мира. Его заставятъ сдѣлать это помѣщики. Къ тому же въ моихъ рукахъ будетъ Польша. Какой стыдъ для Александра потерять ее безъ битвы! Это значитъ покрыть себя позоромъ въ глазахъ поляковъ.

Его увѣренность въ математически точномъ выполненіи военнаго плана была настолько сильна, что онъ въ самомъ началѣ открывшихся военныхъ дѣйствій, обращаясь къ своей арміи и польскимъ войскамъ, провозгласилъ:

«Солдаты! Я васъ поведу противъ Россіи. Въ началѣ іюля вы будете въ Петербургѣ. Прусскій король обѣщалъ мнѣ свою дружбу. Его армія уже находится въ моемъ распоряженіи. Пруссаки не чувствуютъ болѣе къ намъ ненависти. Они ведутъ себя хорошо»...

Къ полякамъ обращались слѣдующія слова:

«Я вамъ дамъ короля. Вы будете націей болѣе великой, чѣмъ въ правленіе Станислава. Я въ Петербургѣ передѣлаю границы Россіи. Вашимъ королемъ будетъ мой дядя, великій герцогъ Вирцбургскій».

Въ это время русскія военныя силы еще въ точности не были освѣдомлены, несмотря на всѣ сдѣланныя военныя приготовленія, разыграется ли настоящая война, или все обойдется простымъ военнымъ походомъ. Настроеніе государя, прибывшаго также въ апрѣлѣ къ западной арміи и обосновавшагося въ Вильнѣ, было, хотя твердое, но не лишенное надежды, что возможно будетъ обойтись безъ братоубійственнаго кровопролитія. Еще въ самомъ началѣ мая онъ говорилъ представителю Наполеона:

— Я не ослѣпляюсь мечтами. Я знаю, въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ великій полководецъ, но на моей сторонѣ, какъ видите (тутъ онъ указалъ на разложенную карту Россіи), пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда я не могъ бы отступить. Нѣтъ такого пункта, который я не сталъ бы защищать прежде, чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. Я не начну войны. Но я не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ находиться въ Россіи.

Обѣ стороны, какъ бы затягивая начало военныхъ дѣйствій, пытаются на первыхъ порахъ свалить вину въ будущей борьбѣ другъ на друга. Такъ, въ своемъ первомъ военномъ бюллетенѣ Наполеонъ писалъ:

«Въ концѣ 1810 г. Россія измѣнила свою политическую систему: англійскій духъ подчинилъ ее своему вліянію; торговый указъ (31-го декабря 1810 г.) былъ первымъ актомъ. Въ февралѣ 1811 г. пять русскихъ дивизій, покинувъ Дунай, форсированнымъ маршемъ двинулись въ Польшу. Этимъ движеніемъ Россія жертвовала Молдавіей и Валахіей. И въ то время, когда русскія арміи соединились и сформировались, Россія обратилась ко всѣмъ державамъ съ протестомъ противъ дѣйствій Франціи, причемъ она не хотѣла даже сохранить обычныхъ приличій. Всѣ средства къ примиренію были употреблены Франціей. Все оказалось безполезнымъ. Въ концѣ 1811 г., спустя шесть мѣсяцевъ, Франція увидѣла, что все это не можетъ окончиться иначе, какъ войной. Она стала готовиться. Гарнизонъ Данцига былъ усиленъ до 20,000 человѣкъ. Всѣ предметы продовольствія, пушки, ружья, порохъ, аммуниція, понтонные экипажи были направлены къ этому мѣсту. Громадныя деньги были предоставлены въ распоряженіе инженернаго вѣдомства, чтобы закончить необходимыя укрѣпленія. Армія была поставлена на военную ногу. Въ мартѣ 1812 г. былъ заключенъ союзный договоръ

съ Австріей. Въ предшествующемъ мѣсяцѣ былъ подписанъ трактатъ съ Пруссіей».

Съ своей стороны, Россія устами посланника графа Румянцова по поводу одной политической ноты утверждала, что Россія свято соблюдала условія Тильзитскаго договора и что Франція первая ступила на путь непріязненныхъ дѣйствій. «Допущеніе Россіей у себя нейтральной торговли и изданіе тарифа 1811 г. нисколько не противорѣчитъ Тильзитскому договору, между тѣмъ, какъ Франція дѣйствительно нарушила этотъ договоръ, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ Ольденбургское герцогство, которое по ст. 12 трактата должно было быть возвращено въ полную и неприкосновенную собственность герцогу Ольденбургскому. Въ настоящее время Франція въ качествѣ одной изъ причинъ надвигающейся войны выставляетъ усиленное вооруженіе Россіи. Но оно является только отвѣтомъ на вооруженіе и продолженіе захватной политики самой Франціи. Что же касается до обвиненія Россіи въ намѣреніи ея присоединить къ своимъ владѣніямъ герцогство Варшавское, то оно ни на чемъ не основано, кромѣ простыхъ подозрѣній. Но если бы даже и дѣйствительно было съ ея стороны такое намѣреніе, то оно оправдывалось бы желаніемъ прекратить волненія среди поляковъ, ея подданныхъ, которые возбуждались вліяніемъ герцогства. И обвинять Россію въ этомъ ея намѣреніи могъ бы въ такомъ случаѣ кто угодно, но лишь не Франція, которая только и дѣлала, что, вопреки договорамъ, присоединяла къ себѣ чужія владѣнія».

Пока шли эти пререканія, обѣ стороны составляли свои диспозиціи, причемъ со стороны Россіи ея первая армія, подъ командою Барклая-де-Толли, военнаго министра и въ то же время военачальника, была размѣщена по Нѣману отъ Россіенъ до Лиды, растянувшись на двѣсти верстъ по фронту. Вторая армія, подъ командой князя Багратіона, любимаго ученика и сподвижника Суворова, стояла между Нѣманомъ и Западнымъ Бугомъ. На Волыни и Подоліи расположилась третья армія генерала Тормасова, и, такимъ образомъ, всѣ наши войсковыя силы, не объединенныя единою властью главнокомандующаго, были растянуты по линіи отъ Ковны до Луцка на протяженіи 500 верстъ. Кавалерія, поставленная во второй линіей за пѣхотой, была лишена возможности развѣдывать дѣйствія непріятелей и обречена на бездѣйствіе.

Въ то время, какъ Наполеонъ придавалъ наступающимъ днямъ самое серьезное значеніе, въ главной императорской квартирѣ въ Вильнѣ наблюдается настроеніе, свидѣтельствующее о непонятномъ легкомысліи и безпечности. Такъ, В. И. Бакунина разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ тѣ дни «въ Вильнѣ главнымъ образомъ занимались разводами, праздниками и волокитствомъ, отъ старшихъ до младшихъ, по пословицѣ: «игуменья за чарку, сестры за ковши»; молодые офицеры пьютъ, играютъ и прочее.

Все въ бездѣйствіи, которое можно назвать почти столбнякомъ, когда подумаешь, что непріятель, самый хитрый, самый счастливый, искуснѣйшій полководецъ въ свѣтѣ, исполинскими шагами приближается къ предѣламъ нашимъ».

Точно также и Шишковъ повѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее:

«Въ нашей главной квартирѣ, несмотря на близость непріятеля, продолжало царить веселье и безпечность. На дняхъ генералы и флигель-адъютанты обратились къ императору Александру съ просьбой о разрѣшеніи имъ устроить для виленскаго общества балъ. Государь охотно разрѣшилъ и далъ имъ на расходы 300 червонцевъ.

— Если вы хотите устроить праздникъ,—сказалъ онъ:—то постарайтесь, чтобы онъ былъ блестящій, потому что виленскія дамы—знатоки въ этомъ дѣлѣ.

Графиня Беннигсенъ предложила для устройства бала свой домъ въ Закретѣ.

«Молодежь, состоящая въ свитѣ государя,—разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ графиня Шуазель-Гуфье,—нашла, что помѣщеніе въ загородномъ домѣ графини Беннигсенъ не довольно обширно, по, не желая разстаться съ прекрасной мѣстностью этой дачи, придумала построить для танцевъ на лугу легкую галерею съ колоннами. Постройкой галереи занялся архитекторъ Шульцъ.

«Сегодня государь призвалъ къ себѣ директора военной полиціи де-Санглена и сказалъ ему:

«— Съ полчаса тому назадъ я получилъ отъ неизвѣстнаго записку, въ которой меня предостерегаютъ, что строящаяся галерея не надежна и должна рушиться завтра, во время танцевъ. Поѣзжай и осмотри подробно.

«Де-Сангленъ немедленно отправился въ Закретъ. Когда онъ вошелъ въ паркъ, раздался сильный грохотъ. Галерея рухнула, уцѣлѣлъ одинъ лишь полъ. Архитекторъ въ отчаяніи бросился въ Вилію и утонулъ.

«Выслушавъ донесеніе де-Санглена, государь сказалъ:

«— Такъ это была правда! Поѣзжай и прикажи полъ немедленно очистить. Мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ.

«Въ то самое время, когда въ главной квартирѣ шли дѣятельныя приготовленія къ закретскому балу, подъѣзжалъ къ Вильнѣ изъ Петербурга графъ Огинскій. Сегодня вечеромъ онъ пріѣхалъ на станцію Румнишки, въ 70 верстахъ отъ Вильны.

«— Я былъ пораженъ,—разсказывалъ онъ потомъ,—увидѣвъ большіе огни по другой сторонѣ Нѣмана въ герцогствѣ Варшавскомъ. Смотритель станціи мнѣ сказалъ, что уже три дня, какъ они видятъ такіе огни по той сторонѣ Нѣмана, и что они ежедневно ожидаютъ вторженія французскихъ войскъ въ Литву. Я былъ совершенно пораженъ.

«Но ему пришлось спустя нѣсколько часовъ по пріѣздѣ въ Вильну поразиться еще болѣе, когда оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой вручилъ ему билетъ на балъ въ Закретѣ».

Въ то время, какъ въ русской главной квартирѣ, гдѣ пребывалъ государь, царило такое легкомысленное настроеніе, въ то время, какъ наша армія, растянутая въ показанномъ направленіи, при подобныхъ условіяхъ совершенно была лишена возможности дать отпоръ непріятелю, Наполеонъ въ ночь на 12-ое іюня однимъ мановеніемъ властной руки перекинулъ свои полчища черезъ Нѣманъ и объявилъ по войскамъ слѣдующій приказъ:

«Солдаты!—пишетъ онъ въ приказѣ.—Вторая польская война началась. Первая окончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ, гдѣ Россія клялась вѣчно сохранять союзъ съ Франціей и враждовать съ Англіей. Она нарушила клятву. Она не хочетъ давать никакихъ объясненій въ своихъ странныхъ дѣйствіяхъ до тѣхъ поръ, пока французскіе орлы не отойдутъ за Рейнъ, принеся ей въ жертву нашихъ союзниковъ. Россія увлечена рокомъ! Она не уйдетъ отъ своей судьбы. Неужели она полагаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины аустерлицкіе? Она ставитъ насъ между безчестіемъ и войною: выборъ не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ, впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи! Вторая польская война будетъ столь же славна для Франціи, сколько и первая, но миръ, который мы заключимъ, будетъ прочнѣе и прекратитъ пятидесятилѣтнее кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы».

Одновременно съ этимъ воззваніемъ Наполеонъ выпустилъ второй бюллетень великой арміи, который долженъ былъ всѣхъ увѣрить въ томъ, что зачинщицей войны является Россія.

«Никакими средствами нельзя было прійти къ соглашенію между обѣими имперіями! Тотъ духъ, который господствовалъ въ русскомъ кабинетѣ, толкалъ его къ войнѣ».

Императоръ Александръ получилъ извѣстіе о вторженіи Наполеона на закретскомъ балу, съ котораго поспѣшилъ въ Вильну, гдѣ на слѣдующій день въ приказѣ, составленномъ Шишковымъ, обратился къ войскамъ съ слѣдующими словами:

«Изъ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго нами спокойствія. Французскій императоръ, нападеніемъ на войска наши при Ковнѣ, открылъ первый войну. Итакъ, видя его никакими сред-

ствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего, какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Заступника правды, всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу! Я съ вами. На зачинающаго Богъ!»

Онъ посылаетъ къ Наполеону Балашева съ письмомъ, гдѣ пытается установить возможность мирныхъ отношеній послѣ того, какъ русскіе очистили Вильну и отступили своей первой и второй арміями по направленію къ Дриссѣ. Занявшій къ тому времени Вильну, Наполеонъ принялъ здѣсь Балашева, и между ними произошелъ слѣдующій знаменательный разговоръ, въ которомъ французскій императоръ далъ волю своимъ накипѣвшимъ чувствамъ.

— Очень радъ познакомиться съ вами, генералъ,—началъ разговоръ Наполеонъ.—Я знаю, что вы одинъ изъ искреннѣйшихъ друзей Александра. Поэтому буду съ вами откровененъ. Мнѣ очень жаль, но у вашего государя дурные совѣтники. Чего онъ ждетъ отъ этой войны? Я занялъ уже, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, лучшую его провинцію, а между тѣмъ ни онъ, ни я до сихъ поръ не знаемъ, изъ-за чего же собственно мы будемъ сражаться?

— Ваше величество,—отвѣчалъ Балашевъ.—Не русскій императоръ начинаетъ войну. Ваши войска перешли черезъ нашу границу. Говорятъ, что вы рѣшили воевать вслѣдствіе требованія нашимъ посломъ княземъ Куракинымъ своихъ паспортовъ. Но князь Куракинъ не былъ на это уполномоченъ и онъ подвергся уже строгому замѣчанію. Мой государь готовъ еще войти въ соглашенія съ вашимъ величествомъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ваши войска немедленно вышли изъ Россіи.

— Какъ можетъ императоръ Александръ увѣрять, что не онъ началъ войну?—прервалъ его Наполеонъ.—Развѣ не я просилъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ, чтобы со мной объяснились? Развѣ не вашъ посолъ вручилъ мнѣ оскорбительную ноту съ извѣщеніемъ, что со мной объяснятся только послѣ того, какъ я выведу свои войска изъ Пруссіи? Развѣ не вы первые начали вооружаться? Развѣ не вашъ императоръ первымъ прибылъ къ арміи?

Наполеонъ продолжалъ говорить, съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе горячась. Въ это время вѣтеръ хлопнулъ форточкой. Наполеонъ наскоро затворилъ ее, но она тотчасъ же раскрылась снова. Тогда онъ оторвалъ ее и вышвырнулъ за окно, не переставая въ то же время говорить:

— Я отложилъ поѣздку въ Испанію; произвелъ громадныя затраты; сдѣлалъ большія приготовленія, и теперь я втрое сильнѣе васъ. У Александра очень дурные совѣтники. Какъ ему не стыдно приближать къ себѣ такихъ подлыхъ людей, какъ Армфельдъ, по-

рочный интриганъ и врагъ Россіи, или какъ Штейнъ, этотъ изгнанный изъ своего отечества негодяй. Беннигсенъ, говорятъ, одаренъ отчасти военнымъ талантомъ, котораго я за нимъ не признаю, но у него руки въ крови... Я не знаю Баклая-де-Толли, но, судя по его первымъ шагамъ, у него очень скромное дарованіе. Зачѣмъ-то онъ отдалъ безъ боя Вильну, зачѣмъ-то сжегъ такъ много магазиновъ. Не понимаю, для чего ихъ въ такомъ случаѣ устраивали?

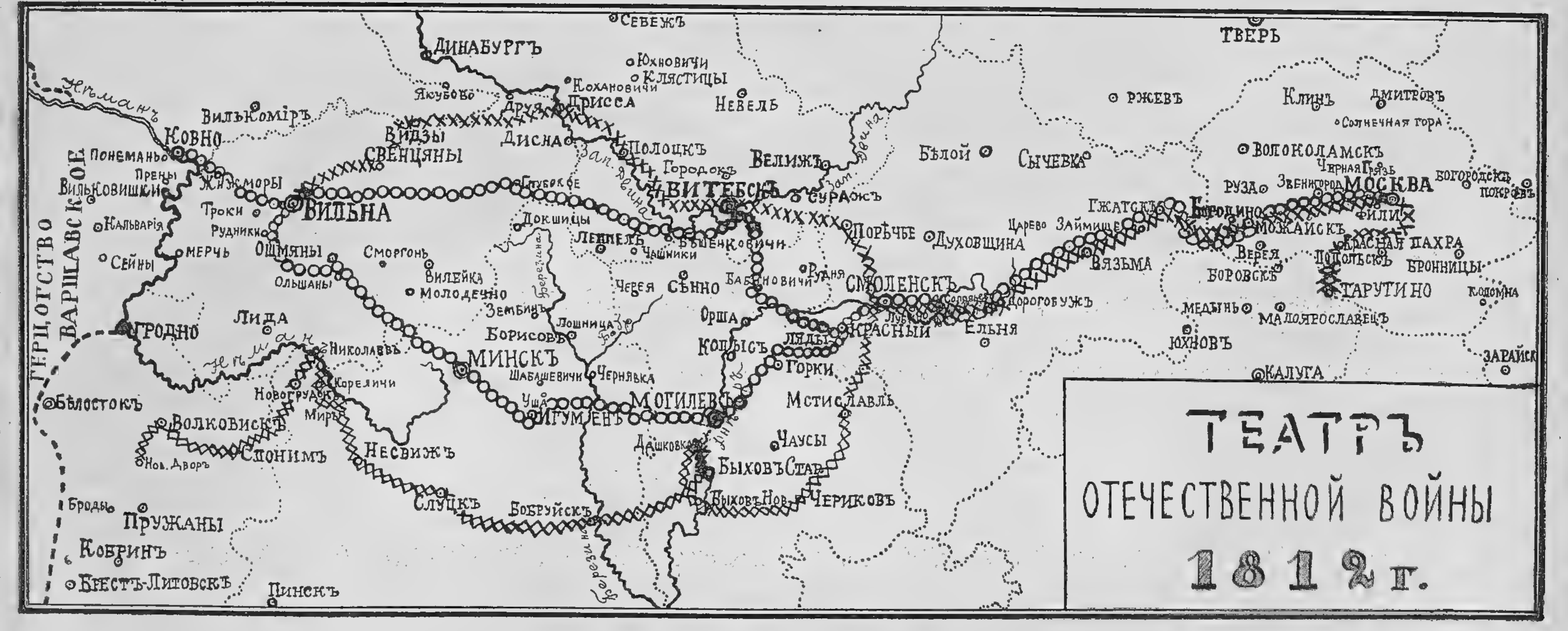
Нѣкоторое время затѣмъ Наполеонъ говорилъ о превосходствѣ своихъ силъ, объ энтузіазмѣ поляковъ, о русско-турецкихъ отношеніяхъ.

— Господи!—продолжалъ онъ.—Какая блестящая перспектива была у Александра въ Тильзитѣ и особенно въ Эрфуртѣ. Я отдалъ ему Финляндію, согласился на присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи и со временемъ уступилъ бы ему герцогство Варшавское. Онъ самъ испортилъ свое царствованіе, слушаясь людей, желающихъ ему зла. Интересно, какъ можно управлять военными дѣйствіями совѣтомъ? У меня среди ночи рождается хорошая мысль. Я въ четверть часа отдаю приказаніе, которое черезъ полчаса приводится уже на аванпостахъ въ исполненіе. А у васъ Армфельдъ предлагаетъ, Беннигсенъ разсматриваетъ, Барклай обсуждаетъ, а Пфуль сопротивляется. Всѣ же вмѣстѣ ничего не дѣлаютъ и только теряютъ время. Итакъ, передайте императору Александру, что война начата, но что я не противъ мира. Что я хотѣлъ чистосердечно объясниться съ нимъ, но что меня не хотѣли слушать. Приготовившись къ войнѣ, я сдѣлалъ послѣднюю попытку: потребовать, чтобы Лористонъ былъ допущенъ въ Вильну. Его не пожелали видѣть. Я послалъ Нарбонна. Это сочли ничѣмъ. Я полагаю, что Армфельдъ даже посмѣивался надъ нимъ. Наконецъ, я въ Вильнѣ, но я все же не прочь начать переговоры. Увѣрьте императора Александра, что мои чувства къ нему остались прежнія. Боже мой! Боже мой! Какое было бы дивное его царствованіе, если бы онъ не разошелся со мной!

Наконецъ, онъ отпустилъ Балашева, пригласивъ его черезъ Дюрока къ обѣду. За обѣдомъ онъ разспрашивалъ Балашева объ императорѣ Александрѣ и о Россіи, причемъ Балашеву удалось два раза задѣть Наполеона намеками на пораженія французовъ въ Испаніи и на судьбу Карла XII. Послѣ обѣда Наполеонъ снова заговорилъ о начавшейся войнѣ и о совѣтникахъ Александра.

— Для чего допускать въ свое общество какого-то Штейна, Армфельда, Винцингероде! Развѣ у васъ недостаточно русскихъ дворянъ, которые, безъ сомнѣнія, будутъ преданнѣе Александру, чѣмъ эти наемники. Я еще понимаю, что можно поручить Армфельду управленіе Финляндіей, но приближать его къ своей особѣ—тьфу!

Поговоривъ затѣмъ объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи и Швеціи, Наполеонъ сказалъ:

От Нѣмана до Москвы.

Движенія русскихъ войскъ обозначены — XXX; французскихъ — ooooo.

Отъ Вильны къ Смоленску (черезъ Свенцяны, Дриссу и Витебскъ) шла 1-я армія (Барклай-де-Толли).
Отъ Волковыска къ Смоленску (черезъ Бобруйскъ и Мстиславль) двигалась 2-я армія (кн. Багратіонъ).
Отъ Смоленска обѣ арміи шли вмѣстѣ. Наполеонъ шелъ къ Смоленску черезъ Глубокое, Бѣшенковичи и Красный. Маршалъ Даву—черезъ Минскъ, Игуменъ и Могилевъ. Отъ Смоленска до Москвы они двигались вмѣстѣ, вслѣдъ за отступающими русскими арміями.
Второстепенныя движенія отдѣльныхъ корпусовъ главныхъ армій, а также движенія боковыхъ войскъ на картѣ не обозначены.

— Готовы ли лошади для генерала? Дайте ему моихъ: ему придется далеко ѣхать.

«Этимъ,—пишетъ Балашевъ,—окончилась моя поѣздка».

Такимъ образомъ, посольство Балашева оказалось неудачнымъ, и дальнѣйшія событія потекли своимъ естественнымъ ходомъ. Мы не станемъ возстановлять въ памяти нашихъ читателей въ подробностяхъ этого хода: онѣ общеизвѣстны, а забывшихъ ихъ отсылаемъ къ той обширной библіографіи, которую читатель найдетъ на обычномъ мѣстѣ настоящаго нумера журнала. Кромѣ того, въ интересахъ нагляднаго изображенія отступленія русскихъ войскъ и наступленія полчищъ Наполеона, мы предлагаемъ спеціальную карту. Отмѣтимъ лишь, что во весь періодъ нашего движенія отъ Вильны до Смоленска наблюдается плохая организованность полномочій командующихъ первой и второй арміями, причемъ роль самого государя носила какой-то неопредѣленный характеръ: онъ какъ будто предоставлялъ полную власть главнокомандующимъ, которые, къ слову сказать, между собой не ладили, и рядомъ съ этимъ вмѣшивался во всѣ ихъ распоряженія приказами, сводилъ ихъ волю на нѣтъ и обращалъ ихъ въ послушныхъ исполнителей своего велѣнія.

Уже съ самаго пріѣзда государя въ Вильну среди сановниковъ и высшаго военнаго начальства возникло сомнѣніе въ томъ, кто является дѣйствительнымъ гланокомандующимъ первой арміей—императоръ или Барклай-де-Толли. Послѣдній продолжалъ именоваться главнокомандующимъ, но власть сосредоточивалась въ рукахъ государя. Въ случаяхъ разногласій одерживало верхъ, конечно, мнѣніе Александра. Такое ненормальное положеніе дѣла внушало опасенія многимъ приближеннымъ къ государю. Но больше всѣхъ безпокоился А. С. Шишковъ. Ему давно уже, въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, пришла мысль склонить государя оставить армію и уѣхать въ Москву или въ Петербургъ. Съ этой цѣлью онъ составилъ письмо къ государю, но вручить его нѣкоторое время не рѣшался. Однажды онъ вспомнилъ, что государь какъ-то сказалъ Балашеву:

— Вы бы трое (подразумѣвая Аракчеева, Балашева и Шишкова) сходились иногда и что-нибудь между собой разсуждали.

На основаніи этихъ словъ государя Шишковъ рѣшилъ уговорить Аракчеева и Балашева подписаться вмѣстѣ съ нимъ подъ его письмомъ и въ такомъ видѣ, за тремя подписями, представить его императору. Балашевъ немедленно присоединился къ мысли Шишкова и подписалъ письмо, но Аракчеевъ оказался упрямѣй и на всѣ доводы Шишкова и Балашева отвѣчалъ словами:

— Что мнѣ до отечества, а скажите мнѣ, не будетъ ли въ опасности государь, оставаясь долѣе при арміи?

— Конечно,—поспѣшилъ отвѣтить Балашовъ,—ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, то что тогда будетъ съ государемъ?

Послѣ этого Аракчеевъ уже ничего не возражалъ и подписалъ письмо. Вечеромъ онъ самъ положилъ его на письменный столъ государя. Вотъ экстрактъ изъ этого письма:

«Государь и отечество есть глава и тѣло. Едино безъ другого не можетъ быть ни здраво, ни цѣло, ни благополучно. А посему, сколько во всякое время, а наипаче военное, нуженъ отечеству царь, столько же царю нужно отечество. Мы находимся въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: войска наши раздѣлены; непріятель, имѣя во власти своей всѣ польскія губерніи, приближается быстрыми стопами къ самому сердцу Россіи. Счастіе у судьбы въ рукахъ. Сія быстрота его естественно должна приводить въ смятеніе не только тѣ стороны, къ которымъ онъ приближается, но даже и самыя столицы. Необходимость требуетъ скораго и рѣшительнаго разсмотрѣнія, какъ и что дѣлать надлежитъ. Всего важнѣе зрѣлое изслѣдованіе, гдѣ наиболѣе нужно присутствіе государя, при войскахъ ли или внутри Россіи?»

Далѣе по пунктамъ доказывается, что государю слѣдуетъ «препоручить войска въ полное распоряженіе главнокомандующаго и самому отбыть отъ оныхъ ближе къ столицамъ для воззванія къ дворянству и народу о вооруженіи новыхъ войскъ», потому что «нѣтъ государю славы, ни государству пользы, чтобы глава его присоединилась къ одной только части войскъ, оставляя всѣ прочія силы и части государственнаго управленія другимъ». Также «и личная отъ того слава и честь не всегда пріобрѣтается. Ѳеофанъ о Петрѣ I, вдавшемся опасности на ряду съ прочими сказалъ: вострепетала Россія единаго смертію вся умрети боящеся. Ежели прямой долгъ царей есть жить для благоденствія ввѣренныхъ имъ народовъ, то едва ли похвально допускать въ одномъ своемъ лицѣ убить цѣлое царство». Главное же—это то, что «императоръ, находясь при войскахъ, не предводительствуетъ ими, но и главнокомандующій въ присутствіи его величества не беретъ на себя въ полной силѣ быть таковымъ (т.-е. главнокомандующимъ) съ полной отвѣтственностью».

Къ чести Александра I, онъ послушался голоса сановниковъ и отбылъ изъ арміи, сказавъ на прощанье Барклаю: «Поручаю вамъ мою армію; не забывайте отнюдь, что у меня нѣтъ другой». Эти слова побудили главнокомандующаго первой арміей, являвшагося какъ бы главнокомандующимъ и всѣхъ прочихъ военныхъ силъ, быть еще осторожнѣе и еще крѣпче держаться системы отступленія и завлеченія Наполеона во внутрь Россіи, поборникомъ которой онъ былъ еще задолго до начала войны съ Наполеономъ, но, однако, въ предвидѣніи ея. Покидая армію, Александръ I послалъ графу Ростопчину воззваніе къ Москвѣ и манифестъ объ ополченіи. Въ этомъ воззваніи говорилось:

«Первопрестольней столицѣ Нашей Москвѣ.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любимое Наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ

ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе; однакоже, по отеческому сердоболію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности. Да не возникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи для надежнѣйшей обороны собрать новыя внутреннія силы, наипервые обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ Нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ россійскихъ; она всегда изливала изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства того требуетъ. Итакъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и наша православная церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыхъ силъ и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего всей столицы и въ другихъ государства Нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими путь врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобождаемая отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи»...

Въ манифестѣ объ ополченіи между прочимъ говорилось:

«При всей твердой надеждѣ на храброе Наше воинство полагаемъ мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

«Мы уже воззвали къ первопрестольному граду Нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ Нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ Русскій! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ, со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ; никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ».

Одновременно съ этимъ манифестомъ Александръ шлетъ въ Петербургъ графу Салтыкову обширное письмо, гдѣ, отмѣтивъ серьезность переживаемаго историческаго момента и опасность, грозящую русскому могуществу, онъ высказываетъ заботу относительно сѣверной столицы и предписываетъ озаботиться ея богатствами.

Государь писалъ Салтыкову:

«Рѣшиться на генеральное сраженіе столько же щекотливо, какъ и отъ онаго отказаться, въ томъ и другомъ случаѣ можно легко открыть дорогу на Петербургъ, но, потерявъ сраженіе, трудно будетъ исправиться для продолженія кампаніи. На негосіяціи намъ и надѣяться нельзя, потому что Наполеонъ ищетъ нашей гибели, и ожидать добраго отъ него есть пустая мечта. Единственно продолженіемъ войны можно уповатьI съ помощью Божіей, перебороть его. Всѣ сіи обстоятельства заставляютъ помыслить заблаговременно о предметѣ разговора нашего незадолго передъ моимъ отъѣздомъ, то-есть о возможности непріятеля пробратьсл до Петербурга. Я бы желалъ, чтобы ваше сіятельство внимательно подумали о семъ предметѣ и, по крайней мѣрѣ, чтобы уже рѣшено было по здравомъ размышленіи все то, что надобно будетъ увезти изъ Петербурга, и о способахъ сего увоза. Въ торопяхъ сіе будетъ сдѣлано съ замѣшательствомъ и неосновательно. При семъ прилагаю реестръ того, что мнѣ на первой случай на память пришло. За симъ, ваше сіятельство, бывъ на мѣстѣ, болѣе имѣете способовъ сообразить сей важный предметъ, нежели я. Само собою разумѣется, что вы будете исправно извѣщены о всемъ происходящемъ здѣсь, и я уповаю на Всевышняго, что онъ отвратитъ отъ насъ сіи послѣдствія. Въ протчемъ если бы они должны случитсл, то отъ произшествія здѣсь могущаго быть, до прибытія непріятеля въ Петербургъ дней двадцать необходимо пройдетъ. Но я считаю необходимымъ заранѣе все промыслить и приготовить, дабы не въ торопяхъ все дѣлалось. Я твердо считаю на привязанность вашего сіятельства ко мнѣ и отечеству, и что въ семъ важномъ случаѣ вы мнѣ докажите оную вашимъ дѣятельнымъ содѣйствіемъ.

Пребываю навсегда вамъ искренно доброжелательнымъ

Александръ.

Нужно вывезти изъ Петербурга:

Совѣтъ. Сенатъ. Синодъ. Департаменты министерскіе. Банки. Монетный дворъ. Кадетскіе корпуса. Заведенія, подъ непосредственнымъ начальствомъ Императр. Маріи Ѳеодоровны состоящія. Арсеналъ. Архивы. Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Кабинетской. Изъ протчихъ всѣ важнѣйшія бумаги. Изъ придворнаго вѣдомства: серебро и золото въ посудахъ. Лучшія картины Эрмитажа, также и камни рѣзные, хранящіяся также въ вѣденіи придворномъ одежды прежнихъ государей. Сестрорецкій заводъ съ мастеровыми и тѣми машинами, которыя можно будетъ забрать.

По достовѣрнымъ извѣстіямъ Наполеонъ въ предположеніи вступить въ Петербургъ намѣревается увезти изъ онаго статую Петра Великаго, подобно какъ онъ сіе учинилъ уже изъ Венеціи, вывозомъ извѣстныхъ четырехъ коней бронзовыхъ съ плаца Св. Марка, и изъ Берлина тріумфальной бронзовой колесницы съ конями съ воротъ, называемыхъ Браденбургскими, то обѣ статуи Петра I большую, и ту, которая передъ Михайловскимъ замкомъ, снять и увезти на судахъ, какъ драгоцѣнности, съ которыми не хотимъ разставаться.

Восковое изображеніе имп. Петра I, въ академіи наукъ хранящееся, и всѣ вещи къ оному принадлежащія. Изъ Монплезира также всѣ вещи, сему великому государю принадлежащія. Я бы думалъ также разобрать бережно домъ его, возлѣ крѣпости состоящій, и равномѣрно на галіотѣ увезти—всѣ трофеи, хранящіеся въ крѣпости, въ Исакіевской церкви, въ арсеналѣ, въ Петергофской слободской церкви. Богатства Александровской лавры. Если можно, то и мощи.—Направленія всему

сему другаго дать нельзя, какъ Казань, куды и императорская фамилія можетъ отправиться въ нужномъ случаѣ черезъ Ярославль.

Везти можно всѣ сіи предметы водою по Маріинскому каналу и частію, что можно, сухимъ путемъ, въ наряженныхъ подводахъ.—Кромѣ тѣхъ судовъ, которыя можно будетъ найтить нарядомъ, взять можно отъ маркиза Траверсе 60 судовъ плоскодонныхъ, которыя были построены олонецкимъ губернаторомъ.—Статую Суворова съ Царицынскаго луга. Лучшія мраморныя статуи изъ Таврическаго дворца.

Съ момента рѣшенія покинуть армію и отправки сказанныхъ посланій въ Москву и въ Петербургъ и манифеста объ ополченіи Александръ Павловичъ, въ единеніи со всѣми классами населенія, становится настоящимъ народнымъ царемъ, который всѣ упованія свои возлагаетъ на любовь народа къ отечеству и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы призываетъ всю страну не только къ борьбѣ за свою независимость, но и на спасеніе всей христіанской Европы отъ грозящаго ей рабства и братоубійственной борьбы, начатой по волѣ Наполеона и заливающей лицо земли потоками человѣческой крови.

И народъ сразу откликнулся на призывъ своего царя: отозвалась церковь, откликнулось дворянство, купечество, сѣрый простой народъ, дотолѣ не допускаемый къ вершительству судебъ Россіи, который подымается съ топорами, вилами, дубинами во весь свой колоссальный ростъ и посылаетъ царю на помощь своихъ героевъ-борцовъ за вѣру, царя и отечество.

Еще до отъѣзда Александра Павловича изъ арміи смоленскіе дворяне, не зная о рѣшеніи государя созвать всеобщее ополченіе, составили на его имя прошеніе о разрѣшеніи вооружить 20,000 крестьянъ «въ подкрѣпленіе войскъ на защиту губерніи отъ нашествія непріятельскаго, иногда случиться могущаго». Эти вооруженные крестьяне, по мысли просителей, должны были «оставаться при своихъ жилищахъ до востребованія къ мѣсту Смоленской губерніи, гдѣ настоять будетъ нужда или опасность, куда изъ ближнихъ уѣздовъ подоспѣть могутъ въ самое короткое время. Если же розданы будутъ ружья со штыками, пули и порохъ, то искусные и мужественные штабъ и оберъ-офицеры, живущіе по губерніи въ деревняхъ своихъ, могутъ при свободномъ времени обучить надлежащей стрѣльбѣ, дѣйствовать штыкомъ, способному и скорому движенію, а до полученіи ружей дозволить разобрать хоть оставшіяся отъ милиціи пики, сколько ихъ находится по городамъ въ вѣдѣніи городничихъ».

Равнымъ образомъ и великая княгиня Екатерина Павловна, которая давно уже сознавала необходимость созыва народнаго ополченія, обратилась къ императору Александру съ просьбой разрѣшить ей образовать изъ крестьянъ ея удѣльныхъ имѣній особый батальонъ и содержать его на свой счетъ въ продолженіе войны. Императоръ получилъ ея письмо и тотчасъ же далъ свое согласіе.

За ними послѣдовали начинанія дворянъ въ другихъ губерніяхъ, посыпались значительныя денежныя пожертвованія купечества, и вскорѣ Россія наполнилась многочисленными ополченіями, въ составъ которыхъ вошли и видные представители нашей интеллигенціи, напримѣръ, поэты Батюшковъ, Жуковскій, князь Вяземскій, С. Глинка и многіе другіе. Составились ополченія изъ семинаристовъ, и почти все духовенство, захваченное театромъ военныхъ дѣйствій, не только не уклонилось отъ участія въ развернувшейся народной войнѣ, но и наравнѣ съ прочими сословіями выдѣлило изъ своей среды немало героевъ, какъ, напримѣръ, рославльскаго дьячка Крастелева, священника Смоленской церкви Мурзакевича, священника Якова Соколова, московскаго священника о. Вельяминова, монаха Вонифатія и многихъ другихъ.

Святѣйшій Синодъ разослалъ, вслѣдъ за манифестомъ государя, слѣдующее воззваніе по епархіямъ:

По благости, дару и власти, даннымъ намъ отъ Бога и Господа нашего Іисуса Христа, Его великимъ и сильнымъ Именемъ, взываемъ ко всѣмъ благовѣрнымъ чадамъ Россійской церкви.

Съ того времени, какъ ослѣпленный мечтою вольности народъ французскій ниспровергнулъ престолъ единодержавія и алтари христіанскіе, мстящая рука Господня видимымъ образомъ тяготѣла сперва надъ нимъ, а потомъ, черезъ него и вмѣстѣ съ нимъ, надъ тѣми народами, которые наиболѣе отступленію его послѣдовали. За ужасами безначалія слѣдовали ужасы угнетенія. Одна брань рождала другую, и самый миръ не приносилъ покоя. Богомъ спасаемая церковь и держава Россійская доселѣ была, по большей части, сострадающею зрительницей чуждыхъ бѣдствій, какъ бы для того, чтобы тѣмъ болѣе утвердилась во упованіи на Промыселъ и тѣмъ съ большимъ единодушіемъ приготовилась встрѣтить годину искушенія.

Нынѣ эта година искушенія касается насъ, Россіяне. Властолюбивый, ненасытимый, не хранящій клятвъ, не уважающій алтарей врагъ, дыша столь же ядовитою лестію, сколько лютою злобою, покушается на нашу свободу, угрожаетъ домамъ нашимъ и на благолѣпіе храмовъ Божіихъ еще издалеча простираетъ хищную руку.

Сего ради взываемъ къ вамъ, чада церкви и отечества. Пріимите оружіе и щитъ, да сохраните вѣрность и охраните вѣру отцовъ нашихъ. Приносите съ благодареніемъ отечеству тѣ блага, которыми отечеству обязаны. Не щадите временнаго живота вашего для покоя церкви, пекущейся о вашемъ вѣчномъ животѣ и покоѣ. Помяните дни древняго Израиля и дѣла предковъ нашихъ, которые о имени Божіемъ съ дерзновеніемъ повергались въ опасности и выходили изъ нихъ со славою.

Взываемъ къ вамъ, мужи именитые, стяжавшіе власть или право на особенное вниманіе своихъ соотечественниковъ: предшествуйте примѣромъ вашего мужества и благородной ревности тѣмъ, которыхъ очи обращены на васъ. Да воздвигнетъ изъ васъ Господь новыхъ Навиновъ, одолѣвающихъ наглость Амалика, новыхъ Судей, спасающихъ Израиля, новыхъ Маккавеевъ, огорчающихъ цари многи и возвеселящихъ Іакова въ дѣлахъ своихъ.

Наипаче же взываемъ къ вамъ, пастыри и служители алтаря. Якоже Моисей во весь день брани съ Амаликомъ не восхотѣлъ опустить рукъ, воздѣянныхъ къ Богу, утвердите и вы руки ваши къ молитвѣ дотолѣ,

доколѣ не оскудѣютъ мышцы борющихся съ нами. Внушайте сынамъ силы упованіе на Господа силъ. Вооружите словомъ истины простыя души, открытыя нападеніямъ коварства. Всѣхъ научайте словомъ и дѣломъ не дорожить никакою собственностію, кромѣ вѣры и отечества. И если кто изъ сыновъ левитскихъ, еще не опредѣлившихся къ служенію, возревнуетъ ревностію брани, благословляется на сей подвигъ отъ самыя церкви.

Всѣмъ же и каждому, о имени Господа нашего, заповѣдуемъ и всѣхъ умоляемъ блюститеся всякаго неблагочестія, своеволія и буихъ шатаній, предъ очами нашими привлекшихъ гнѣвъ Божій на языки; пребывать въ послушаніи законной, отъ Бога поставленной власти, соблюдать безкорыстіе, братолюбіе, единодушіе и тѣмъ оправдать желанія и чаянія взывающаго къ намъ, вѣрноподданнымъ своимъ, Богомъ помазаннаго Монарха Александра.

Церковь, увѣренная въ неправедныхъ и не христолюбивыхъ намѣреніяхъ врага, не престанетъ отъ всея кротости своея вопіять ко Господу о вѣнцахъ побѣдныхъ для доблестныхъ подвижниковъ и о благахъ нетлѣнныхъ для тѣхъ, которые душу свою положатъ за братію свою. Да будетъ, какъ было всегда, и утвержденіемъ, и воинственнымъ знаменіемъ россіянъ сіе пророческое слово: о Бозѣ спасеніе и слава».

Равнымъ образомъ имъ разослана была для чтенія въ церквахъ во время богослуженія слѣдующая молитва объ избавленіи отъ супостатовъ.

Господи, Боже силъ, Боже спасенія нашего. Призри нынѣ въ милости и щедротахъ на смиренныя люди Твоя, и человѣколюбиво услыши, и пощади, и помилуй насъ. Се врагъ, смущающій землю Твою и хотяй положить вселенную всю пусту, возста на ны; се людіи беззаконніи собрашеся, еже погубити достояніе Твое, разорити честный Іерусалимъ Твой, возлюбленную Твою Россію; осквернити храмы Твои, раскопати алтари и поругатися святынѣ нашей. Доколѣ, Господи, доколѣ грѣшницы восхвалятся? Доколѣ употреблять имать законопреступный власть?

Владыко Господи, услыши насъ, молящихся Тебѣ, укрѣпи силою Твоею благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго государя нашего императора Александра Павловича; помяни правду Его и кротость, воздаждь ему по благости его, ею же хранитъ ны Твой излюбленный Израиль. Благослови его совѣты, начинанія и дѣла; утверди всемогущею Твоею десницею царство его и подаждь ему побѣду на врага, якоже Моисею на Амалика, Гедеону на Мадіама и Давиду на Голіафа. Сохрани воинство его; положи лукъ мѣдянъ мышцамъ во имя Твое ополчившихся и препояши ихъ силою на брань. Пріими оружіе и щитъ и востани на помощь нашу: да постыдятся и посрамятся мыслящіи намъ злая, да будутъ передъ лицемъ вѣрнаго Ти воинства, яко прахъ передъ лицемъ вѣтра, и ангелъ Твой сильный да будетъ оскорбляяй и погоняяй ихъ; да пріидетъ имъ сѣть, юже не свѣдуютъ, и ихъ ловитва, иже сокрыта, да обидитъ ихъ; да падутъ подъ ногами рабовъ Твоихъ и въ попраніе воемъ нашимъ да будутъ. Господи, не изнеможетъ у Тебе спасати во многихъ и въ малыхъ: Ты еси Богъ, да не превозможетъ противу Тебе человѣкъ.

Боже отецъ нашихъ! Помяни щедроты Твоя и милости, яже отъ вѣка суть; не отвержи насъ отъ лица Твоего, ниже возгнушайся недостоинствомъ нашимъ, но по велицѣй милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ презри беззаконнія и грѣхи наша. Сердце чисто созижди въ насъ, укрѣпи вѣрою въ Тя, утверди надеждою, одуши истинною другъ къ другу любовію, вооружи единодушіемъ на праведное защищеніе одержанія,

еже далъ еси намъ и отцамъ нашимъ, да не вознесется жезлъ нечестивыхъ на жребій освященныхъ.

Господи Боже нашъ, въ Него же вѣруемъ и на Него же уповаемъ, не посрами насъ отъ чаянія милости Твоея и сотвори знаменіе во благо; яко да видятъ ненавидящіе насъ и православную вѣру нашу и посрамятся и погибнутъ: и да увѣдятъ всѣ страны, яко имя Твое Господь, и мы людіе Твои. Яви намъ, Господи, нынѣ милость Твою и спасеніе Твое даждь намъ; воззвавши сердце рабовъ Твоихъ о милости Твоей, порази враги наша и сокруши ихъ подъ ноги вѣрныхъ Твоихъ вскорѣ. Ты бо еси заступленіе, помощь и побѣда уповающихъ на Тя, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Система методическаго отступленія во внутрь страны съ непрерывными боями во всѣхъ главныхъ городахъ отъ Вильны до Москвы, усвоенная Барклаемъ-де-Толли, въ которыхъ постепенно таяла армія непріятеля, не была справедливо и достойно оцѣнена ни войскомъ, ни обществомъ. Противъ него сыпались обвиненія въ трусости, невѣжествѣ, неспособности проникнуться традиціоннымъ духомъ мужества русской арміи. Настроеніе войска нашло впослѣдствіи прекрасное изображеніе въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова «Бородино». Поэтъ устами стараго солдата говорилъ:

Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

Но, конечно, во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ не было и тѣни справедливости. Система Барклая была единственною, которая могла дать въ руки русской арміи одолѣніе Наполеона. На всемъ пути главнокомандующему первой арміей дѣйствительно не попадалось удобной позиціи, гдѣ бы онъ могъ принять генеральное сраженіе, котораго такъ жадно искалъ Наполеонъ; Барклай не считалъ войсковыя части достаточно сконцентрированными для боя и обезпеченными нужными продовольствіями и тѣми ополченіями, которыя только что начали формироваться и назначеніе которыхъ, главнымъ образомъ, заключалось въ несеніи побочныхъ службъ во время боя и послѣ него. Кромѣ того, командующій первою арміею чувствовалъ себя въ фальшивомъ положеніи, благодаря тому двоевластію, которое было установлено. Багратіонъ въ большинствѣ случаевъ былъ съ нимъ не солидаренъ. Когда Барклай одобрилъ позицію у Усвятья, по его мнѣнію, пригодную для генеральнаго сраженія, Багратіонъ ее осудилъ; наоборотъ, когда послѣдній указалъ на Дорогобужъ, какъ на удобную позицію, Барклай нашелъ ее не подходящею. Такъ, пререкаясь и противорѣча другъ другу, продолжали наши полчища отступать

до Вязьмы. Ропотъ въ войскахъ достигалъ широкихъ размѣровъ, по рядамъ арміи пронеслось зловѣщее слово «измѣна», и подчасъ главнокомандующему перестали оказывать подобающія ему воинскія чести. Багратіонъ рѣшилъ апеллировать къ Аракчееву и тѣмъ явился какъ бы выразителемъ голоса страны: Барклая надо убрать! Онъ не годится въ герои.

Драматическое положеніе послѣдняго и его психическое состояніе прекрасно обрисовано въ стихотвореніи Пушкина «Полководецъ». Наблюдая портретъ Барклая въ военной галереѣ Зимняго дворца, поэтъ говоритъ:

О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ, звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною;
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ.
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавши впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
Вотще!

Письмо Багратіона къ Аракчееву было доведено до свѣдѣнія государя, и послушный въ то время общественному голосу Александръ Павловичъ рѣшилъ установить единовластіе въ арміи, поставить во главѣ ея популярнаго военачальника, въ каковыхъ видахъ и согласился на назначеніе графа Голенищева-Кутузова на этотъ постъ, несмотря даже на личную антипатію къ нему и невысокое о немъ мнѣніе, какъ о полководцѣ. Александръ не могъ простить Кутузову аустерлицкаго инцидента, гдѣ мы проиграли битву главнымъ образомъ потому, что императоръ не согласился съ планами и указаніями главнокомандующаго и настоялъ на осуществленіи своего плана, подсказываемаго ему нѣмецкими теоретиками. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что государь считалъ всѣхъ своихъ военачальниковъ вообще довольно бездарными и стоящими много ниже маршаловъ Наполеона.

Кутузовъ, кромѣ того, заслужилъ немилость своего царя тѣмъ, что онъ, вѣрный своей системѣ извлекать наивысшую пользу изъ военныхъ событій съ минимальными жертвами русскихъ жизней, слишкомъ медленно велъ ликвидацію турецкой кампаніи и не то-

ропился, какъ казалось, съ заключеніемъ мира. Вслѣдствіе этого онъ даже былъ отставленъ отъ участія въ русско-турецкихъ переговорахъ и замѣненъ адмираломъ Чичаговымъ; но старикъ-главнокомандующій не доставилъ Александру Павловичу удовольствія видѣть миръ заключеннымъ съ турками своимъ замѣстителемъ. Ко времени пріѣзда послѣдняго хитрый Кутузовъ покончилъ съ турецкимъ миромъ, и на долю Чичагова выпали лишь второстепенныя дѣйствія.

Когда Кутузовъ вернулся на родину, повсюду шла дѣятельная работа по формированію ополченій, и петербургское дворянство поспѣшило вручить ему бразды власти надъ добровольными сѣверными дружинами. Сознавая необходимость послушаться недовольнаго голоса арміи, императоръ рѣшилъ поставить Кутузова во главѣ ропщущаго войска и тѣмъ дать удовлетвореніе взбудораженному общественному мнѣнію. Съ этого момента противъ Наполеона стояли несокрушимыя силы: народный царь, народный вождь и самъ народъ русскій, постепенно и понемногу окружавшій великую армію грознымъ и сплоченнымъ кольцомъ, какъ бы собираясь задушить и раздавить ее въ тискахъ этого кольца. Наполеонъ наступалъ, передъ нимъ отступала объединенная единою властью вражеская армія, нынѣ одушевленная вѣрою въ побѣду, въ тылу и по бокамъ его уже открыли свои дѣйствія легкіе партизанскіе отряды съ ихъ знаменитыми начальниками во главѣ, сзади которыхъ, какъ черныя тучи, ползли полчища народныя. Гроза близилась, и Наполеонъ это чувствовалъ. Когда до него дошло свѣдѣніе о прибытіе Кутузова, онъ припомнилъ, какъ эта, по его выраженію, «лисица» лишила его блеска Аустерлицкаго сраженія, и ясно созналъ, что его военному генію противопоставляется не только легендарная стойкость русскаго солдата, но и хитрость посѣдѣлаго въ бояхъ военачальника.

Съ прибытіемъ Кутузова къ войску пронесся общей крикъ: нынѣ отступленія не будетъ, пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ! И хитрый главнокомандующій, въ интересахъ созданія благопріятной психологической обстановки, пожертвовалъ репутаціею своего предшественника, осудивъ его систему отступленій и заявивъ, что съ такимъ доблестнымъ воинствомъ преступно отступать. Это эффектное выступленіе произвело свое дѣйствіе, а взвившійся надъ арміей въ моментъ ея встрѣчи съ новымъ главнокомандующимъ орелъ былъ принятъ, какъ счастливое предзнаменованіе будущихъ успѣховъ. И хотя Кутузовъ осудилъ на первыхъ порахъ систему отступленій, сдѣлалъ даже распоряженіе о принятіи сраженія на позиціи, выбранной Барклаемъ, однако въ душѣ призналъ, что роковой часъ не пробилъ, и далъ приказъ о дальнѣйшемъ отступленіи черезъ Гжатскъ на Бородино. Здѣсь позиція была признана имъ болѣе благопріятною и 26-го августа 1812 года грянулъ знаменитый бой, Бородинскій бой, гдѣ въ титанической борьбѣ двухъ полчищъ впервые счастливая

звѣзда Наполеона подернулась дымкою и гдѣ надъ русской землею и съ нею вмѣстѣ надъ всей Европой поднялась заря освобожденія. Стремленію французскаго императора къ всемірному владычеству кладется съ того времени предѣлъ, и на его мѣсто въ качествѣ героя времени ярко выступаетъ на фонѣ міровыхъ событій образъ его тильзитскаго союзника и врага въ единоборствѣ за періодъ 1812—1813 года.

День 26-го августа не за горами; готовящіяся русскія юбилейныя торжества напомнятъ русскому обществу имена тѣхъ, кто подъ грохотъ битвы вѣрой и правдой служилъ своему царю и отечеству и слагалъ свою жизнь за честь родины. Поминая ихъ имена историческою признательностью, помянемъ здѣсь какъ ихъ, такъ равно и всѣхъ вообще героевъ Отечественной войны, «покрытыхъ славою чудеснаго похода и вѣчной памятью двѣнадцатаго года». Вотъ они:

Князь М. И. Кутузовъ, князь М. Б. Барклай-де-Толли, князь П. И. Багратіонъ, графъ А. П. Тормасовъ, графъ М. И. Платовъ, Д. С. Дохтуровъ, графъ М. А. Милорадовичъ, графъ П. П. Коновницынъ, Н. Н. Раевскій, Д. Н. Невѣровскій, графъ П. Х. Витгенштейнъ, Я. П. Кульневъ, А. П. Ермоловъ, П. В. Чичаговъ, Е. Виртембергскій, Тучковы, графъ В. В. Орловъ-Денисовъ, баронъ Ф. Ѳ. Винцингероде, К. Ф. Толь, графъ Ѳ. П. Уваровъ, К. Ѳ. Богговутъ, графъ А. И. Остерманъ-Толстой, князь А. И. Горчаковъ, князь М. С. Воронцовъ, князь Ф. В. Остенъ-Сакенъ.

Рядомъ съ именами героевъ-полководцевъ пусть воскреснутъ въ нашей памяти и имена героевъ-офицеровъ, заслуга передъ родиной и извѣстность которыхъ какъ будто бы заволоклась дымкою забвенія. Пусть и ихъ имена будутъ помянуты нашими читателями съ чувствомъ благоговѣнія и признательности. Вотъ эти герои-офицеры:

Ротмистръ Кемпфертъ, подполковникъ Сухозанетъ, полковникъ Крейцъ, поручикъ баронъ Офенбергъ, ротмистръ Галевъ I-й, полковникъ Воейковъ, полковникъ князь Мадатовъ, полковникъ Альбрехтъ, поручикъ Цытлядзевъ, командиръ 25-го егерскаго полка Денисовъ, штабсъ-капитанъ Нольде, майоръ Тарбѣевъ, подпоручикъ Дружининъ, полковникъ Ридигеръ, поручикъ Мишковскій, полковникъ Ершовъ, поручики Вяльмовичъ и князь Шаховской, корнеты Велецкой и Окуневъ, майоръ Семека, ротмистръ Дядковъ, подполковникъ Силинъ, полковникъ Ротъ, майоры Сибирцевъ и Ильинскій I, подполковникъ Петровъ, штабсъ-капитаны Бутовичъ, Косовъ и Рудинскій, поручикъ Шалыгинъ, прапорщикъ Мержневецкій, полковникъ Захаржевской, капитанъ Геркенъ, штабсъ-капитанъ Христодуловъ, полковникъ Букинскій, штабсъ-капитанъ Островскій и подпоручикъ Филаровъ, капитанъ Сеславинъ, поручикъ фонъ-Визинъ, адъютантъ Ермолова, штабсъ-капитанъ Полѣшко, полковникъ Балабинъ 2-ой, есаулъ Зазерсковъ, сотники Хоперсковъ 6-ой, Галдинъ, Свиридовъ, хорунжіе Гульцовъ, Ма-

каровъ 2-й, полковникъ Емануель, полковникъ Толбузинъ 1-й, полковникъ Бистромъ, полковники Карпенко, Вуичъ, полковникъ Гавердовскій, мичманъ Лермонтовъ, полковники Шитиловъ, Буксгевденъ, полковникъ Манохтинъ, Бибиковъ, адъютантъ Милорадовича, генералъ Лихачевъ, баронъ Корфъ, полковникъ Левенвольде, корнетъ князь Голицынъ 4-й, полковникъ Храповицкій, А. П. Кутузовъ, полковникъ Ефремовъ, поручикъ Щербининъ, полковникъ Юзефовичъ, полковникъ Полль, полковникъ Никитинъ, губернскій секретарь Петровъ, полковникъ Коцебу, полковникъ Дибичъ, впослѣдствіи графъ Забалканскій, свѣтлѣйшій князь Чернышевъ.

Но герои-полководцы и герои изъ дѣйствующей арміи не исчерпывали собою общей картины тогдашняго героизма русской земли. Непосредственно за ними слѣдуетъ длинный рядъ героевъ изъ народа и интеллигенціи, какъ-то: партизаны изъ дворянъ и офицеровъ: Ден. Давыдовъ, Ефремовъ, Прендель, Фигнеръ, Сеславинъ, Дороховъ, князь Кугушевъ, Бенкендорфъ, князь Вадбольскій, графъ Винцингероде, фонъ-Визинъ, Чернышевъ, Чаплицъ, Фиглевъ, солдатъ-партизанъ Ермолай Четвертаковъ; представители разныхъ сословій: московскій городской голова Куманинъ, смоленскій дворянинъ Энгельгардтъ, жители Сычевскаго уѣзда, знаменитые «сычевцы», вступившіе въ борьбу съ непріятелемъ во главѣ съ предводителемъ дворянства Нахимовымъ и исправникомъ Богуславскимъ, былые суворовскіе герои—отст. майоръ Емельяновъ и юхновскій предводитель дворянства Храповицкій, городской голова Рославля Полозовъ, князь Тенишевъ, гусаръ Самусь изъ Гжатскаго уѣзда, начальникъ московскаго ополченія князь Голицынъ, голова Вельяминовской волости Иванъ Андреевичъ, сотенный села Лучинскаго Павелъ Ивановичъ съ сыновьями, крестьянинъ Богородскаго уѣзда Куринъ, тверской помѣщикъ Цызыревъ, начальникъ петербургскаго ополченія Бибиковъ. Весь составъ нижнихъ чиновъ представлялъ собою сплошной лагерь героевъ, костьми ложившихся за царя и вѣру и являвшихся въ ту годину истинными героями всей трагедіи борьбы съ Наполеономъ. Рядомъ съ мужчинами становились и героини-женщины, за собственный страхъ принявшія участіе въ борьбѣ, мстившія за гибель мужей и сыновъ и вплетшія для назиданія потомству свои имена въ лавровый побѣдоносный русскій вѣнецъ. Дѣвица-кавалеристъ Надежда Дурова, кружевница Прасковья, дѣвушка Анѳиса съ подругами, старостиха Василиса—вотъ тѣ женщины-героини, имена которыхъ запечатлѣла на своихъ скрижаляхъ благодарная и памятливая исторія. А сколько осталось именъ неизвѣстныхъ, чьи кости истлѣли въ невѣдомыхъ трущобахъ, прилежавшихъ къ пути движенія великой арміи Наполеона! 26-го августа сего года мы вознесемъ и за нихъ свои молитвы, какъ на брани убіенныхъ и помогшихъ также своей родинѣ спасти свою честь и завоевать міровую военную славу.

Ко дню Бородинской битвы общая численность нашихъ силъ простиралась до 103 тысячъ регулярныхъ войскъ, изъ нихъ пѣхоты 72 тысячи и 17 тысячъ конницы, при 640 орудіяхъ. Сосредоточію такой значительной артиллеріи къ моменту генеральнаго сраженія Россія обязана Аракчееву; это обстоятельство недостаточно учтено нашей исторіей и не оцѣнено неблагодарнымъ потомствомъ и современниками, которые за общею ненавистью къ «временщику» упустили изъ виду эту положительную страницу его біографіи. Къ общему составу нашихъ военныхъ силъ слѣдуетъ прибавить 7000 казаковъ и 10,000 московскаго и смоленскаго ополченій. Противъ войска въ такомъ составѣ Наполеонъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 150 тысячъ человѣкъ, изъ коихъ пѣхоты двѣ трети и 587 орудій. Такимъ образомъ, превосходство въ силахъ было на его сторонѣ, причемъ необходимо имѣть въ виду, что въ нашихъ рядахъ было не менѣе 15,000 едва обученныхъ рекрутъ; у Наполеона же вся армія была закалена въ прежнихъ бояхъ и представляла собою великолѣпно дисциплинированную массу и стройное единство, гдѣ явнымъ раздорамъ между военачальниками не было мѣста. Нельзя того же сказать о русской арміи, въ которой, независимо отъ ея стойкости и храбрости, все же царила интрига между начальниками отдѣльныхъ частей и стремленія порою выдѣлить собственное достоинство въ ущербъ сопернику. Интриговали порою и противъ самого главнокомандующаго, но старикъ Кутузовъ относился къ всѣмъ проискамъ подчиненныхъ полупрезрительно, съ излишнею порою дозою снисходительности, крѣпко вѣруя въ силы всего народа, а также въ то, что время и пространство, терпѣніе и осторожность въ дѣйствіяхъ— вѣрная могила для арміи Наполеона.

Бородинскій бой кончился безъ явнаго преимущества для обѣихъ сторонъ, но съ громадною потерею въ людяхъ, какъ французовъ, такъ и русскихъ. У французовъ выбыло изъ строя до 50 тысячъ человѣкъ, т е. около трети всѣхъ силъ; у насъ до 58 тысячъ, причемъ во второй арміи изъ 34 тысячъ выбыло 20 тысячъ; въ сводной гренадерской дивизіи Воронцова осталось, напримѣръ, налицо всего на всего 300 человѣкъ. Наполеонъ могъ бы одержать явную побѣду, если бы рѣшился пустить въ дѣйствіе старую гвардію, но это было бы слишкомъ большой ставкой, съ которой былъ связанъ опасный рискъ. Оцѣнивая Бородинскую битву, онъ говорилъ, что изъ пятидесяти данныхъ имъ битвъ его войсками подъ Бородиномъ было выказано наиболѣе воинской доблести, а получено взамѣнъ наименьшее количество благопріятныхъ результатовъ. Кутузовъ считалъ, что битва подъ Бородиномъ—была нашей побѣдой надъ врагомъ, и говорилъ:«Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ; завтра погонимъ его изъ священной земли русской». Но состояніе войска, удостовѣренное объѣхавшимъ его генераломъ Толемъ, не позволило осуществить этого намѣренія, и по войску былъ данъ приказъ объ

отступленіи къ Москвѣ. Во время этого отступленія онъ еще не рисовалъ себѣ возможнымъ сдачи безъ боя нашимъ врагамъ Первопрестольный, но, когда на знаменитомъ совѣщаніи при Филяхъ выслушалъ мнѣніе командировъ главныхъ частей и учелъ всѣ обстоятельства историческаго момента, онъ принялъ на себя великій отвѣтъ передъ народомъ. Кутузовъ объявилъ на совѣтѣ, что отступаетъ на рязанскую дорогу и отдаетъ Москву во власть непріятеля. Спасеніе арміи — считалъ онъ — главная цѣль отступленія; тутъ вмѣсто невѣдомаго военнаго будущаго онъ получитъ возможность укомплектовать свое войско, дать ему нужный отдыхъ и снабдить его необходимымъ провіантомъ изъ не разоренныхъ еще войною частей имперіи.

Уступка Москвы и отступленіе нашей арміи вызвало своего рода паническій страхъ при дворѣ и въ интеллигенціи, но народъ вѣрилъ въ своего вождя и одновременно съ нимъ покинулъ «златоглавую» «священную» Москву, предоставивъ французскому императору право распоряженія столицею. Этого обстоятельства не предвидѣлъ Наполеонъ и говорилъ, увидя зарево московскаго пожара: странная война, странный народъ, не жалѣющій ни своихъ городовъ, ни своего имущества, война, въ которой принимаютъ участіе старики, женщины, дѣти!..

Въ отдѣлѣ «Новостей и мелочей» читатели найдутъ нѣкоторыя свѣдѣнія о времени пребыванія французовъ въ Москвѣ, почему мы въ настоящемъ очеркѣ не будемъ касаться этой позорной для Наполеона и его войска страницы тогдашней жизни. О томъ же свѣдѣнія найдутъ они и въ статьяхъ г.г. Клочкова и князя Щетинина.

Кому первому обязана Москва своимъ пожаромъ, трудно въ точности опредѣлить. Повидимому, графу Ростопчину, тоже поднявшемуся въ тѣ дни своимъ умѣніемъ вселять въ Россіи вообще и среди московскихъ жителей въ частности бодрость и вѣру, на степень народнаго героя и виднаго представителя національнаго самосознанія. И вотъ въ это время, какъ Наполеонъ въ чертѣ опустѣлаго и погорѣвшаго города пытается навести порядокъ, а также удержать въ тискахъ дисциплины деморализовавшееся мародерствомъ свое войско, въ это время Кутузовъ, давъ отдохнуть своей арміи, находитъ выгодныя позиціи на артеріяхъ, соединяющихъ его войско съ центрами русскихъ житницъ, начинаетъ переходить отъ системы отступленій и выжидательной политики къ политикѣ активной и наступательной. Послѣдовало сраженіе при Тарутинѣ, гдѣ мы одержали уже явный перевѣсъ надъ врагами. Это была первая видимая ласточка, которая явилась предвѣстникомъ наступающей гибели великой арміи. А засимъ до свѣдѣнія главнокомандующаго доходитъ радостная и столь ожидаемая имъ вѣсть: Наполеонъ покидаетъ Москву, и армія его отступаетъ. Вспомнимъ

дивныя описанія графа Толстого въ «Войнѣ и мирѣ» этого торжественнаго момента въ жизни старика-главнокомандующаго—оно лучше всякихъ изслѣдованій разъясняетъ намъ и психологію старика, и значеніе привезенной вѣсти: Россія была спасена, и врагъ погибъ.

Но прежде, чѣмъ рѣшиться на отступленіе и на выѣздъ изъ Москвы, Наполеонъ дѣлаетъ попытку вступить съ русскимъ императоромъ въ переговоры и склонить его на нужный уже теперь ему миръ, безъ котораго,—онъ теперь это понималъ,—его арміи предстоитъ горькая доля. Вотъ его письмо, посланное имъ 20-го сентября.

Мой братъ. Москва, 20-го сентября, 1812 г.

Узнавъ, что братъ министра вашего императорскаго величества изъ Касселя находится въ Москвѣ, я призвалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ нѣкоторое время. Я просилъ его отправиться къ вашему императорскому величеству и сообщить вамъ мои взгляды.

Чудный и раскошный городъ Москва больше не существуетъ: Ростопчинъ сжегъ его. Четыреста поджигателей были схвачены на мѣстѣ преступленія и всѣ они заявили, что поджигали по приказанію губернатора и директора полиціи: ихъ всѣхъ разстрѣляли. Теперь огонь какъ будто бы стихъ. Три четверти домовъ сожжено, осталось только четверть. Такое поведеніе жестоко и безцѣльно. Имѣетъ ли оно цѣлью лишить насъ провіанта, но провіантъ находился въ погребахъ, которыхъ не достигъ огонь.

Но, кромѣ того, какъ погубить одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ міра и работу столькихъ столѣтій, чтобы достигнуть такихъ слабыхъ результатовъ!. Эта тактика, которой держались со Смоленска и которая разорила шестьсотъ тысячъ семействъ. Городскіе обозы были сломаны или увезены, часть оружій въ арсеналѣ даны грабителямъ, что заставило сдѣлать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ по Кремлю, чтобы ихъ оттуда выселить. Гуманность, интересы вашего императорскаго величества и интересы этого народа заставили судьбу передать его на храненіе мнѣ, такъ какъ онъ былъ покинутъ арміей; но тамъ надо было оставить администрацію, чиновниковъ и полицію.

Такимъ образомъ поступили въ Вѣнѣ два раза, въ Берлинѣ и Мадридѣ; такъ же поступили и мы въ Миланѣ при вступленіи туда Суворова. Пожары поощряютъ грабительство солдатъ, когда они спасаютъ имущество отъ огня. Если бы я предполагалъ, что подобныя вещи дѣлаются по приказанію вашего величества, я не сталъ бы писать этого письма, но считаю невозможнымъ, что съ вашими принципами, вашимъ сердцемъ и прямотой вашихъ взглядовъ вы приказали такія безумства, недостойныя великаго государя и великой націи. Въ то время, какъ увозили изъ Москвы пожарные обозы, въ ней оставили 150 пушекъ, 60.000 новыхъ ружей, 16.000 патроновъ пушечныхъ, болѣе четырехсотъ фунтовъ пороха, триста фунтовъ селитры, столько же сѣры и д. д. Я велъ войну съ вашимъ императорскимъ величествомъ безъ вражды: записка отъ васъ передъ и послѣ послѣдняго сраженія остановила бы мое наступленіе и я желалъ бы имѣть возможность принести вамъ въ жертву это мое преимущество.

Если ваше величество сохранило еще какіе-нибудь остатки своихъ прежнихъ дружественныхъ чувствъ, то примите дружески это письмо.

Въ общемъ вы можете только быть довольны, что я вамъ даю отчетъ о состояніи Москвы. Послѣ всего вышеизложеннаго я прошу Бога, мой братъ, чтобы онъ принялъ подъ свое святое покровительство ваше императорское величество.

Добрый братъ
Наполеонъ.

Но письмо это не возымѣло ожидаемаго дѣйствія, и государь остался глухъ къ прельщеніямъ Наполеона и его посланца. Александръ пребылъ вѣрнымъ къ словамъ своего манифеста: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ». Судьба Наполеона была рѣшена, и его армія, преслѣдуемая по пятамъ русскимъ воинствомъ, облѣпленная тревожащими ее партизанскими отрядами, сдавливаемая вышесказаннымъ кольцомъ народныхъ ополченій и обремененная награбленнымъ въ Москвѣ добромъ, печально двинулась въ обратный путь по направленію къ Смоленску и Вильнѣ. Пробиться на другія дороги, кромѣ старой, гдѣ вокругъ все было опустошено, выжжено и усѣяно костьми своихъ и чужихъ воиновъ, не представлялось возможнымъ. Поднявшіяся къ тому времени мятели, зимняя стужа и снѣжные вихри грозно запѣли отступающей арміи ея отходную, и вскорѣ правильное отступленіе обратилось въ позорное и полное ужаса бѣгство. Описанія пережитыхъ арміей тяжелыхъ дней нашли себѣ яркое выраженіе въ письмахъ французскихъ офицеровъ на родину и въ запискахъ современниковъ. Такъ, одинъ изъ французовъ, баронъ Ларрея, писалъ съ дороги своей женѣ:

«Никогда еще такъ не страдалъ. Египетскій и испанскій походы были ничто въ сравненіи съ теперешнимъ, и все-таки злоключенія наши далеко еще не окончились. Я чувствовалъ себя очень дурно по пріѣздѣ сюда, но двадцать четыре часа отдыха помогли мнѣ прійти опять почти въ то же самое состояніе, въ которомъ я былъ при выѣздѣ изъ Москвы. Притомъ же я могу сказать все-таки, что здоровъ, а потому не безпокойся. Какъ и товарищи мои, я потерялъ почти все, и мы не имѣемъ никакой надежды на вознагражденіе. Нерѣдко приходилось намъ радоваться кусочкамъ мяса отъ павшихъ лошадей, попадавшихся намъ по пути. Изъ поджаривали на угольяхъ, и въ этомъ заключалась вся наша пища».

Въ отдѣлѣ «Новостей и мелочей» по сему предмету помѣщены также нѣкоторыя характерныя свѣдѣнія.

11-го октября Наполеонъ выступилъ изъ Москвы, а въ началѣ декабря Кутузовъ увѣдомлялъ уже государя о занятіи имъ Вильны и о бѣгствѣ непріятеля за предѣлы Россіи. Главнокомандующій доносилъ въ Петербургъ: «исполнены слова Вашего Императорскаго Величества: усѣяна дорога костями непріятельскими. Да вознесетъ всякій россіянинъ благодарственныя молитвы ко Всевышнему, а я почитаю себя счастивѣйшимъ изъ подданныхъ, бывъ избранъ благодѣтельной судьбой исполнителемъ воли Вашего Императорскаго Величества».

Государь поспѣшилъ прибыть изъ Петербурга въ Вильну, издалъ два манифеста по случаю изгнанія врага изъ Россіи и вновь сталъ во главѣ арміи, чтобы слѣдовать по стопамъ своего соперника за предѣлы нашей родины. Встрѣча императора съ побѣдоноснымъ войскомъ была торжественная, носила сердечный характеръ, и въ данномъ случаѣ Россія какъ бы поклонилась своему самодержцу, признавая народность его политики въ теченіе 1812 года и какъ бы благодаря его за то, что онъ свое личное я, свое личное самолюбіе, какъ руководителя арміей, принесъ въ жертву государственной необходимости. Болѣе холодной была встрѣча царя съ народнымъ вождемъ, и хотя Кутузовъ былъ должнымъ образомъ награжденъ за свой великій подвигъ, тѣмъ не менѣе Александръ Павловичъ не умѣлъ скрыть нѣкотораго своего неудовольствія престарѣлымъ военачальникомъ. И отдача Москвы въ руки непріятеля, фактъ, который нынѣ исторія признаетъ за актъ величайшей стратегической и политической мудрости, и выжидательная система послѣ Бородинскаго боя, имѣвшая своимъ основаніемъ увѣренность Кутузова, что естественная гибель Наполеона не за горами, что не слѣдуетъ предупреждать событій и ради нихъ жертвовать людьми, и отсутствіе рѣшительныхъ дѣйствій Кутузова при переправѣ полчищъ Наполеона черезъ Березину, благодаря чему Чичаговъ и Витгенштейнъ своими неумѣлыми дѣйствіями выпустили Наполеона изъ рукъ,—все это нѣсколько раздражало государя и создавало между нимъ и Кутузовымъ холодъ, который не укрывался отъ наблюденія окружающихъ. Быть можетъ, въ душѣ Александра I въ данномъ случаѣ подымалось и личное нерасположеніе къ видному представителю россійскаго воинства, имѣвшее свои глубокіе корни въ прошедшемъ и подогрѣтое еще и тѣмъ обстоятельствамъ, что на протяженіи послѣднихъ мѣсяцевъ старая и грузная фигура фельдмаршала заслоняла передъ взорами Россіи и всей Европы чарующій образъ вѣчнаго плѣнителя сердецъ, Александра I—этого, по выраженію современниковъ, «неразгаданнаго сфинкса до гроба». Кромѣ того, на рубежѣ Россіи и Европы явно сказалась разность въ политическихъ взглядахъ обоихъ представителей русскаго народа—вѣнценоснаго съ одной стороны и носителя фельдмаршальскаго жезла съ другой. «Я или онъ, мы царствовать одновременно не можемъ»,—эти слова остались руководящею нитью дѣйствій Александра Павловича по отношенію Наполеона. Онъ искалъ не только сокрушенія врага, не только изгнанія его за предѣлы Россіи, но и полнаго его уничтоженія и прекращенія его активнаго бытія на всемірномъ историческомъ торжищѣ. Александръ I горѣлъ желаніемъ мести «дерзкому корсиканцу» за всю ту массу униженія, въ которую этотъ послѣдній ввергъ старую аристократическую Европу, ея пышные дворы, съ ихъ блестящими представителями.

Русскій императоръ опасался, что, не уничтоживъ Наполеона, пользуясь его теперешнимъ разгромомъ, онъ дастъ ему возможность оправиться и снова стать владыкою не въ далекомъ будущемъ западнаго материка. Въ этомъ онъ усматривалъ чреватость будущихъ событій, которыя еще неизвѣстно какъ могутъ отразиться и на судьбѣ его самого, Александра I, и на судьбѣ Россіи. Въ виду этого онъ рѣшилъ перенести борьбу съ своимъ соперникомъ за предѣлы родины.

Иначе смотрѣлъ на дѣло старикъ Кутузовъ. Онъ считалъ, что Россія сдѣлала свое дѣло, что дальнѣйшая война за границей ей не только безполезна, но и вредна. Въ своемъ громадномъ житейскомъ опытѣ, своей далекой проницательностью онъ какъ бы предвидѣлъ все то лукавое, что принесетъ русской государственности вмѣшательство Россіи въ европейскія дѣла. Онъ не вѣрилъ въ искренность предстоящихъ союзовъ съ нами европейскихъ державъ и боялся, чтобы испытанные въ интригахъ и политическихъ комбинаціяхъ европейскіе дипломаты не затянули Россію и ея верховнаго вождя въ свои сѣти. Въ этихъ видахъ онъ даже не хотѣлъ совершеннаго уничтоженія власти Наполеона. Это мнѣніе народнаго героя было не одинокимъ исключеніемъ, къ нему примыкали и мнѣнія многихъ другихъ соотечественниковъ, также полагавшихъ, что Россія выполнила свою историческую миссію.

Но наступилъ 1813 годъ, и русскія войска, имѣя во главѣ своего царя, потекли за предѣлы Россіи. Замелькали по полямъ европейской равнины закоптѣлыя въ пороховомъ дыму русскія знамена, заблистали въ лучахъ вешняго солнца легендарныя казацкія пики, и подъ звуки трубъ и барабановъ широко понеслась удалая русская тогда сложенная военная пѣсня:

Хоть Москва въ рукахъ французовъ,
Это, право, не бѣда,—
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на смерть пустилъ туда.
Вспомнимъ, братцы, что поляки
Встарь бывали также въ ней,
Но не жирны кулебяки,—
Ѣли кошекъ и мышей.
Напослѣдокъ мертвечину
Земляковъ пришлось имъ жрать,
А потомъ предъ русскимъ спину
Въ крюкъ по-польски изгибать.
Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги:
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.
Побывать въ столицѣ—слава,
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать.

Въ настоящей юбилейной статьѣ, посвященной спеціально 1812 году, «году русской славы», мы не будемъ возстановлять передъ читателями историческихъ событій послѣдующаго времени, ни блестящихъ битвъ, ни отчаянной борьбы Наполеона за свой престолъ, за свой вѣнецъ и міровую славу Франціи. Въ программу настоящей статьи не входитъ описаніе блестящихъ конгрессовъ, празднествъ, дипломатической борьбы европейскихъ политиковъ, которой такъ боялся Кутузовъ, ни дальнѣйшей трагической судьбы французскаго императора, на гибели котораго создалась военная слава нашего отечества. Менѣе всего бросимъ мы ему какой-либо упрекъ и слово недоброжелательства, слѣдуя завѣту поэта, сказавшаго:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его тоскующую тѣнь.

Не бросимъ мы упрека и тѣмъ, кто, ослѣпленный воинскими доблестями французскаго императора, покорно впрягъ въ его торжественную колесницу своего государственнаго коня, кто, подобно полякамъ, на утучнѣлой русской кровью почвѣ мнилъ создать свое государственное величіе. Всему забвенье, всѣмъ историческое прощенье!.. И въ нынѣшніе юбилейные дни, озирая минувшее спокойнымъ взоромъ историка, мы, вознося молитвенное благодареніе за побѣду надъ врагами и одолѣніе ихъ, не преисполнимся злобнаго чувства къ тѣмъ, кто когда-то поработалъ намъ на гибель. Съ любовью и благодарностью обратимся лишь памятью къ тѣмъ, кто въ ту годину испытаній создалъ нашу военную и политическую славу, кто выдвинулъ Россію на первое мѣсто среди другихъ государствъ и далъ міру необычайное лицезрѣніе великаго подъема народныхъ силъ, гдѣ послѣдній русскій поселянинъ вмѣстѣ съ своимъ самодержцемъ слились воедино и представили собою ту мощную народную твердыню, о которую разбилась грозная коалиція «двадесяти языкъ».

Да будетъ память объ этомъ путеводною звѣздою въ нашей исторической современности и въ нашемъ историческомъ будущемъ во вѣки вѣковъ!

Б. Глинскій.

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ.

(Біографическій очеркъ).

I.

Кончина А. С. Суворина, о которой выше оповѣщаетъ читателей «Историческаго Вѣстника» редакторъ журнала С. Н. Шубинскій, является горемъ не только тѣхъ литературныхъ предпріятій, во главѣ которыхъ онъ стоялъ, не только всей журналистики, но и всей общественной и политической Россіи. Отзвуки этого горя проникли далеко за предѣлы нашей родины: славянство, вліятельные круги Западной Европы, даже не во всемъ и не всегда сочувственные Россіи, и тѣ признали, что наша родина потеряла выдающагося сына, что съ міровой сцены сошелъ очень крупный человѣкъ, игравшій въ ходѣ событій послѣднихъ 25—30 лѣтъ видную роль и подчасъ оказывавшій на ходъ этихъ событій извѣстное давленіе и вліяніе. Полная и всесторонняя оцѣнка почившаго сейчасъ почти невозможна: для этого требуется опубликованіе массы историческихъ документовъ, его обширнѣйшей корреспонденціи, приведеніе въ извѣстность его сношеній съ разными видными дѣятелями. Несомнѣнно, до извѣстной степени это будетъ сдѣлано въ недалекомъ будущемъ въ особомъ спеціально посвященномъ Алексѣю Сергѣевичу трудѣ, гдѣ

фигура этого представителя своей родины вырисуется на фонѣ общественно-исторической жизни Россіи въ пореформенной эпохѣ. Въ данной статьѣ я ограничу рамки своей задачи и дамъ то фактическое о почившемъ, что появилось въ нашей прессѣ въ дни, послѣдовавшіе за его кончиной.

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ родился 11-го сентября 1834 г. въ селѣ Коршевѣ, Бобровскаго уѣзда Воронежской губерніи.

Въ своихъ прелестныхъ посмертныхъ автобіографическихъ замѣткахъ, увы! далеко не оконченныхъ и представляющихъ собою по простотѣ и искренности изложенія настоящій шедевръ литературнаго искусства, покойный публицистъ сообщаетъ трогательныя и интересныя подробности о своемъ дѣтствѣ и юности. Съ нѣкоторыми купюрами, неизбѣжными въ журнальной работѣ, мы воспроизведемъ ихъ здѣсь въ ихъ главнѣйшихъ моментахъ.

Онъ повѣствуетъ: «Отецъ мой былъ изъ большой однодворческой семьи, извѣстной въ Коршевѣ подъ прозвищемъ Путатовыхъ. Мы, бывало, такъ и говорили: «пойдемъ къ Путатовымъ», къ дядьямъ и племянникамъ моего отца. Они жили подъ горой, у самой рѣки. Разсказывали, что въ Путатовыхъ произвели Сувориныхъ потому, что дѣдъ или прадѣдъ былъ въ какихъ-то депутатахъ. Ни отецъ, ни я не интересовались, что это за депутаты такіе были, не интересовались и тѣмъ, что за однодворцы Путатовы: обѣднѣвшіе ли это дворяне, или одинокими дворами сѣли на берегу рѣки, вблизи лѣса и рыбы. Знаю одно, что между однодворцами и другими крестьянами не было никакого различія. Жили, какъ всѣ, одѣвались, какъ и всѣ, и считали себя крестьянами. Отецъ былъ, кажется, младшимъ въ семьѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ братьевъ, и былъ забритъ въ солдаты въ началѣ царствованія Александра, будучи уже женатъ. Солдатская служба была трудная, начальство строгое, и отецъ часто вспоминалъ объ этомъ.

«Попалъ онъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Съ благодарностью вспоминалъ о «дядькѣ», который относился къ нему хорошо и помогъ выучиться грамотѣ. Азбуку отецъ купилъ на толкучемъ. Въ 1812 г. онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ битвахъ, а подъ Бородиномъ былъ раненъ въ руку и ногу. Отецъ дослужился до офицерства. Его любили, какъ хорошаго служаку и честнаго человѣка. Онъ былъ квартермистромъ и казначеемъ въ Костромскомъ пѣхотномъ полку, дослужился до штабсъ-капитана и вышелъ капитаномъ въ отставку съ 600 руб. ассигнаціями пенсіи. Этотъ чинъ давалъ въ то время потомственное дворянство. Во время службы онъ съэкономилъ 1,000 руб. ассигнаціями, съ которыми и пріѣхалъ въ Коршево.

«Послѣ польской кампаніи отецъ вышелъ въ отставку. Жена его оставалась въ Коршевѣ, куда онъ ѣзжалъ на побывку; у него было двѣ дочери, изъ которыхъ Наталья была уже замужемъ за

коршевскимъ мужикомъ Семеномъ Голицынымъ, а другая, Дуняша, была лѣтъ десяти. Во время первой холеры жена отца умерла, а онъ женился на моей матери, дочери коршевскаго протопопа Льва Соколова, Александрѣ. Матери моей было 20 лѣтъ, а отцу 49 лѣтъ, но онъ былъ здоровымъ и крѣпкимъ мужчиной; мать выходила за него не по любви. Приказали да и только. «Какая тамъ любовь,—говорила она.—Мы этой вашей любви тогда не знали. Это теперь только любовь пошла. Я ревѣла, ревѣла передъ свадьбой, а ничего, прожила вѣкъ и дѣтей выходила».

«Насъ, дѣтей, было у нихъ девять человѣкъ, шесть дочерей и трое сыновей, и никто не умеръ раньше 20 лѣтъ. Я былъ первымъ. Родился я мертвымъ, въ банѣ, куда маменьку увели рожать. Бабушка шлепала, шлепала меня прежде, чѣмъ я оказалъ признаки жизни. Потомъ родимчикъ со мной случился. Мать сама меня кормила и черезъ четырнадцать мѣсяцевъ родила брата мнѣ, Петра, которому взяли кормилицу, а я высосалъ у маменьки и свое молоко и братнино. Кормила меня мать больше двухъ лѣтъ.

«Какъ первенца, меня очень баловали, сравнительно съ братомъ. Мать, разумѣется, ни о какихъ системахъ воспитанія понятія не имѣла, отецъ же только шутя говорилъ ей, что надо быть строгой, и разсказывалъ о своемъ полковникѣ, который велѣлъ своимъ дѣтямъ, слѣдовавшимъ за полкомъ съ матерью въ бричкѣ, вылѣзать изъ нея и итти пѣшкомъ. Мать плакала, особенно когда это случалось въ дурную погоду. «Надо привыкать», говорилъ полковникъ, и мальчуганы шлепали по грязи до тѣхъ поръ, пока не заболѣли.—Слушая эта, мать моя возражала: «Ну, что тутъ хорошаго дѣтей морить?»—«А ты подожди, Саня, что случилось. Меньшой заболѣлъ и умеръ, за нимъ и старшій. Боже мой, въ какомъ состояніи была полковница, какъ плакала, а полковникъ глоталъ слезы и говорилъ: «дѣти солдата... дѣти солдата...» Ничего другого сказать не могъ. «Мучитель!» осуждала моя мать.

«Отъ груди меня отняли по третьему году. Жили мы похуже духовенства. Домъ нашъ состоялъ изъ двухъ избъ, сѣнецъ и «горницы», которая состояла изъ передней и двухъ комнатъ. Крытъ былъ домъ соломой, какъ всѣ деревенскія избы. У насъ былъ маленькій садъ, гумно и баня. Нанимали мы кухарку и работника, да жила у насъ еще дочь сестры Наталіи, Анна, которую мы всѣ звали «няничкой». Это была веселая, добрая дѣвушка, которая многихъ изъ насъ нянчила до выхода замужъ. Мужъ ея попалъ въ солдаты и пропалъ гдѣ-то. Она продолжала ходить къ намъ и живала подолгу у маменьки до смерти. Уже старикомъ увидѣлъ ее въ послѣдній разъ. Она прихварывала, но была такая же веселая и спрашивала меня: правда, что послѣ смерти души сажаютъ въ мѣшокъ, завязываютъ и бросаютъ съ горы? За братомъ Петромъ слѣдовали пять сестеръ (Анна, Авдотья, Марья, Варвара и Александра), потомъ опять сынъ

Дмитрій, умершій двадцати одного года отъ чахотки, и сестра Анастасія. По мѣрѣ увеличенія семейки мы жили бѣднѣе и бѣднѣе. Отецъ построилъ вѣтряную мельницу, потомъ рушку (крупорушку), которую строили раскольники. Я помню, какъ они сходились съ нами за столъ, каждый со своей чашкой. Обѣдали мы обыкновенно въ кухнѣ, то есть въ избѣ, всѣ вмѣстѣ съ работниками. По воскресеньямъ обыкновенно обѣдали въ горницѣ, отдѣльно, гдѣ пили чай. Чай мы пили только по праздникамъ. Пили его въ прикуску. Послѣ бани чай былъ всегда. Наши товарищи съ братомъ были деревенскіе мальчишки, съ которыми мы играли, вили кнуты, пускали змѣя, ходили купаться въ Битюгъ, ловили руками головастиковъ, не подозрѣвая въ нихъ будущихъ лягушекъ. Я воспитался, такъ сказать, на лонѣ природы, на живописной рѣкѣ, противоположный берегъ которой на десятки верстъ покрытъ былъ столѣтними дубами и соснами. Это «графскій» лѣсъ, какъ у насъ называли, лѣсъ графини Орловой-Чесменской, за которымъ лежало Хрѣновое, съ знаменитымъ конскимъ заводомъ. Съ горы, на которой расположено Коршево, Хрѣновое казалось помѣщеннымъ на вершинѣ лѣса, такъ какъ противоположный берегъ рѣки постепенно поднимался. Видъ на долину Битюга, при которой стоитъ и Бобровъ, очень красивый, и я всегда любилъ лѣсистыя рѣки, но ни одной такой красивой, какъ Битюгъ, я не зналъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Битюга мнѣ показывалъ отецъ остатки бобровыхъ построекъ. Самъ онъ еще помнилъ на Битюгѣ бобровъ, которые дали имя городу. Въ моей повѣсти «Черничка» я набросалъ свои дѣтскія и юношескія воспоминанія объ этой рѣкѣ.

«Знакомые наши были изъ духовенства, большею частью родственники маменьки, дьячокъ съ дьячихой и сестрой своей, веселой старой дѣвой, дьяконъ съ дьяконицей. Дьячка и дьякона я помню большею частью пьяными. Дьячокъ, Иванъ Николаевичъ, обыкновенно являлся къ намъ пьянымъ и кричалъ: «Сестра, капитанша, дай водки!»—«И, братецъ, какъ вамъ не стыдно».—«Что? Сергѣй Митричъ,—обращался онъ къ отцу:—уйми жену. Я старше ея; какъ она смѣетъ. Капитанша, загордилась!»—«Полно, молоть-то, братецъ, садитесь». Папенька обыкновенно улыбался и начиналъ подтрунивать. Онъ обыкновенно подтрунивалъ надъ пьяными и обладалъ въ значительной степени добродушнымъ юморомъ. Заходили къ намъ родные и знакомые отца, коршевскіе мужики. Отецъ пользовался уваженіемъ, и съ нимъ любили посовѣтоваться, поговорить. Никакого чванства у отца не было, онъ какъ-то со всѣми былъ равенъ. Онъ самъ бывалъ на мельницѣ, самъ готовилъ жернова, насыпалъ рожь, запрягалъ лошадь, любилъ пчеловодство. Здоровье у него было крѣпкое. Впослѣдствіи мы значительно обѣднѣли, и отецъ немного опустился и становился мрачнымъ; цѣлыя ночи онъ мучительно кашлялъ, сидя на лежанкѣ. Но во время моего дѣт-

ства онъ сохранялъ бодрость и отличался большою дѣятельностью. Мать моя вѣчно хлопотала тоже, сама готовила кушанье, убирала скотину, разводила куръ и гусей. Она осталась вѣкъ неграмотной, но всѣхъ насъ вскормила, и никто изъ насъ не умиралъ у ней ни въ дѣтствѣ, ни въ отрочествѣ. Она насъ бранила, говорила, что надо «перестрѣлять изъ поганаго ружья», давала шлепки, но всѣхъ насъ умѣла любить, и мы ее любили. Ссоры у нея съ отцомъ бывали, по рѣдко. Вся наша жизнь проходила при всѣхъ. Обѣдали вмѣстѣ всѣ, и господа и прислуга, въ избѣ, хлебая щи деревянными ложками изъ одной общей деревянной чашки; отдѣльныхъ приборовъ, салфетокъ не полагалось вовсе. Чай пили не часто, всегда въ прикуску, но по праздникамъ всегда пили утромъ. По праздникамъ же мы и обѣдали въ горницѣ, одни, безъ прислуги, но также изъ общей чашки. Когда строили у насъ рушку курапденскіе плотники, они обѣдали съ нами же въ избѣ, причемъ я впервые узналъ, что есть «старовѣры» или «столовѣры», какъ ихъ называли: они сидѣли за однимъ столомъ съ нами, но ѣли изъ своихъ чашекъ. Отецъ, по обыкновенію, подтрунивалъ надъ ними, но мирился съ этимъ обычаемъ. Спали всѣ мы въ одной комнатѣ. Сначала я спалъ съ матерью, потомъ я и братъ спали съ отцомъ. У маменьки была постель съ периною, у папеньки не было, но для постели составляли двѣ скамьи и на нихъ клали перину. Мебель была самодѣльная, ложки деревянныя и большею частью издѣлія отца, который дѣлалъ ихъ изъ липы и очень изящно при помощи круглаго долота и ножика. Утромъ и вечеромъ отецъ становился на молитву и долго молился, читая вслухъ много молитвъ; иногда онъ заставлялъ и всѣхъ насъ молиться, что, понятно, было намъ не особенно пріятно. На Страстной недѣлѣ онъ читывалъ евангеліе намъ всѣмъ, стоя передъ образами. Единственная книга, которая была у насъ,—это евангеліе на русскомъ языкѣ, изданіе библейскаго общества. Никакихъ другихъ книгъ я не видывалъ въ дѣтствѣ своемъ прежде, чѣмъ началъ учиться. Если отецъ не работалъ, то сидѣлъ въ очкахъ и читалъ евангеліе.

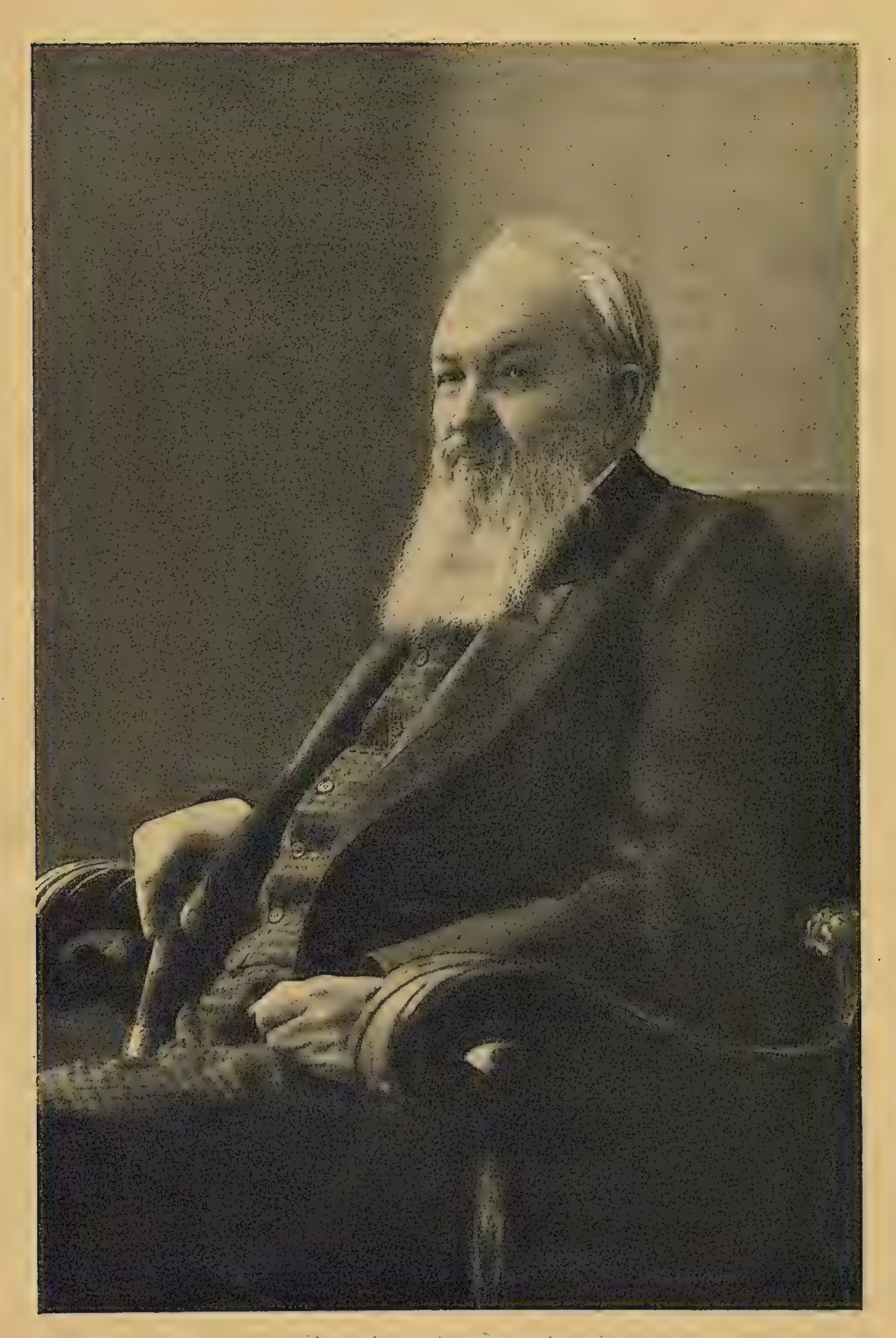
«Грамотѣ я сталъ учиться на седьмомъ году у понамаря Василія Ивановича. Это былъ молодой, здоровый человѣкъ, одиноко жившій въ своей избѣ. Кромѣ избы на дворѣ, заросшемъ бурьяномъ, ничего не было. Ходили къ нему мы съ братомъ и еще нѣсколько мальчиковъ. Учились по славянской азбукѣ, сначала буквы, потомъ склады, потомъ слова въ такомъ порядкѣ: азъ—ангелъ, ангельскій, архангельскій, буки—Богъ, божество, Богородица; вѣди—владыка, и т. д. Все это выучивалось наизусть. Потомъ читали псалтырь. Учились мы охотно, и Василій Ивановичъ насъ не мучилъ. Поучимся, потомъ онъ начинаетъ дѣлать крючки изъ иголокъ для рыбной ловли и обдѣляетъ ими насъ, мы вили лесы и ходили удить рыбу съ берега. Скоро мы съ братомъ перешли къ дьячку Павлу Петровичу Ермолаеву, который женился на моей сестрѣ (отъ первой жены отца).

Изъ той свадьбы я помню только, что шелъ съ образомъ въ церковь и что нашъ дьяконъ, вставивъ между зубами печеніе, отчего ротъ его страшно раскрылся, плясалъ въ присядку и рычалъ. Павелъ Петровичъ продолжалъ наше ученіе по той же методѣ, но прибавилъ ариѳметику. Все, разумѣется, долбили отсюда и досюда, объясненій никакихъ не дѣлалось, да Павелъ Петровичъ и рѣдко дома бывалъ по утрамъ; сестра обыкновенно была дома и наблюдала за тѣмъ, чтобы мы учились, то есть чтобы твердили урокъ вслухъ. На Рождество мы ходили славить Христа по духовенству и получали копейки. Объ одномъ Рождествѣ отецъ Александръ, одинъ изъ нашихъ священниковъ, взялъ меня съ собою по приходу и потомъ удѣлилъ мнѣ нѣсколько грошей, столько-то овса и ржи. Вѣроятно, мы тогда уже очень нуждались.

«Такъ продолжалось около двухъ лѣтъ. Насъ отдали потомъ въ уѣздное училище въ Бобровъ и помѣстили тамъ въ одной семьѣ Кирилловыхъ, въ домѣ котораго помѣщалось и училище. Преподаваніе велось тамъ не лучше. Задавали уроки, авдиторъ спрашивалъ ихъ и записывалъ, кто знаетъ и кто не знаетъ. Когда учитель приходилъ, авдиторъ доносилъ ему о не знающихъ, и ихъ сейчасъ же сѣкли. Но и тутъ я пробылъ всего мѣсяца два: насъ съ братомъ повезли на экзаменъ въ Михайловскій кадетскій корпусъ, который открывался въ Воронежѣ въ 1845 году. По ходатайству отца одного изъ насъ принимали пансіонеромъ Черткова, пожертвовавшаго на корпусъ, кажется, милліонъ рублей.

«Я очутился въ обстановкѣ совершенно для меня новой. Самое зданіе давило меня своей огромностью и блескомъ. Я не умѣлъ ходить по паркету, мнѣ ново было спать на такой кровати, съ такимъ чистымъ бѣльемъ, умываться въ такомъ умывальникѣ, видѣть такой ватерклозетъ, не ѣлъ такого обѣда, не видалъ такихъ офицеровъ, генераловъ, учителей, товарищей. Товарищи всѣ были воспитанія высшаго, чѣмъ я, многіе говорили по-французски. Я не умѣлъ ни встать, ни сѣсть, и въ моемъ говорѣ было много чисто народныхъ выраженій. Однимъ словомъ, я мало чѣмъ отличался отъ крестьянскаго мальчика, такъ какъ и языкъ моей матери былъ простонародный. Я говорилъ, напримѣръ, чѣпь вмѣсто цѣпь, дюже вмѣсто очень, мово вмѣсто моево и т. д. Но, вѣроятно, я быстро освободился отъ этихъ недостатковъ, потому что особенныхъ насмѣшекъ товарищей надъ собою не помню, хотя меня дразнили мужикомъ.

«Способности у меня оказались хорошія, прилежаніе диктовалось просто самолюбіемъ. Я учился хорошо, не изъ самыхъ первыхъ, но близко къ нимъ. Я долженъ сказать, что корпусъ вообще оставилъ во мнѣ пріятныя воспоминанія, хотя въ Рождество, Святую и каникулы меня всегда страшно тянуло домой къ матери и отцу, къ нашей деревенской обстановкѣ, къ печкѣ въ избѣ, гдѣ я любилъ зимой что-нибудь стругать ножикомъ или охотиться за пру-

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ.

саками, которыхъ у насъ было множество—такъ золотомъ и блестѣли они по потолку. Директоръ корпуса былъ старикъ, весь сѣдой, со строгимъ лицомъ. Онъ внимательно относился къ корпусу и почти ежедневно посѣщалъ его. Любя прилежныхъ, онъ безпощадно сѣкъ лѣнивыхъ. Проходя по классамъ, онъ бралъ журналы и выкликалъ тѣхъ, которые получили единицы или двойки (двѣнадцатибальная система). Выкликнутые уходили въ коридоръ и тамъ выстраивались. «Налѣво, маршъ», командовалъ онъ, шеренга шла въ комнату, гдѣ помѣщался цейхгаузъ и гдѣ сѣкли. Меня Богъ миловалъ, но большинство, можно сказать, вкусило розогъ. По праздникамъ Винтуловъ бралъ кадетъ къ себѣ, и они проводили съ его дѣтьми цѣлый день, обѣдали вмѣстѣ съ хозяевами и ихъ гостями. Меня онъ бралъ очень часто, и въ его домѣ я немножко привыкалъ къ обращенію съ людьми. У меня былъ хорошій альтъ, чистый и звонкій, и я въ кадетскомъ хорѣ былъ солистомъ.

«Водили насъ иногда и на балы, и въ корпусѣ бывали балы, но я былъ плохой танцоръ, ужасно конфузился и избѣгалъ танцевъ. Но гимнастику любилъ. Нѣкоторыхъ кадетъ, у которыхъ замѣчена была особенная музыкальность, въ томъ числѣ и меня, стали было учить на фортепіано, я уже разыгрывалъ «На зарѣ ты ея не буди», но потомъ почему-то прекратили эти занятія, о чемъ я всю жизнь сожалѣлъ.

«Знакомство мое съ литературой началось съ того, что В. А. Половцевъ передъ классами собиралъ насъ всѣхъ, кадетъ, въ рекреаціонномъ залѣ и читалъ «Юрія Милославскаго». Онъ мнѣ очень понравился, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ ежедневно продолженія этого романа. Это была первая свѣтская книжка, которая вводила меня въ область вымысла. До этого времени, т.-е. до двѣнадцати лѣтъ, я ничего не читалъ, ни сказокъ, ни повѣстей, ни романовъ. Я уже упоминалъ, что въ домѣ у отца была только одна книга—Евангеліе. Съ Пушкинымъ я познакомился лѣтъ четырнадцати и прочелъ нѣсколько томовъ, прочелъ съ увлеченіемъ «Руслана и Людмилу», «Братьевъ Разбойниковъ», «Бахчисарайскій фонтанъ» и другія поэмы.

«Пушкина мнѣ тайкомъ доставлялъ сынъ капитана Швихтера, посѣщавшій классы, но не бывшій кадетомъ, такъ какъ онъ былъ хромъ на одну ногу и одна рука его выдѣлывала невыразимыя непроизвольныя движенія, такъ что онъ или держалъ ее сзади, или удерживалъ ее другою рукой.

«Изъ учителей я съ удовольствіемъ вспоминаю Малыгина, который потомъ въ концѣ 50-хъ годовъ редактировалъ «Воронежскій Сборникъ». Онъ былъ у насъ учителемъ словесности и знакомилъ съ литературой. Его уроки мы всѣ любили. Это былъ добродушный человѣкъ, высокій, полный, съ открытымъ лицомъ и съ положи-

тельнымъ преподавательскимъ талантомъ. Я бывалъ иногда въ его семьѣ и слушалъ, какъ онъ игралъ на скрипкѣ. Ему я обязанъ любовью къ литературѣ. Онъ только задавалъ сочиненія и переложенія стиховъ въ прозу и со вкусомъ выбиралъ стихи и прозу для выучки наизусть. Мы, между прочимъ, учили «Петръ Великій въ Острогожскѣ», думу Рылѣева. Но автора мы не знали. Это было такой тайной, что, когда на экзаменѣ я сказалъ наизусть эти стихи, директоръ Винтуловъ сталъ шептаться съ Малыгинымъ, и оба улыбались какъ-то таинственно. Учитель всеобщей и русской исторіи Славатинскій обладалъ прекраснымъ даромъ разсказа. Исторія Іоанна Безземельнаго такъ хорошо имъ была разсказана, что я увлекся ею и написалъ, прибавивъ своей фантазіи, и показалъ Славатинскому. Разсказъ мой понравился, его читали инспекторъ и Винтуловъ и очень меня хвалили. Это было, такъ сказать, мое первое литературное произведеніе, если не считать упражненій въ стихахъ. Съ театромъ я познакомился тоже поздно. Лѣтъ до четырнадцати я не имѣлъ никакого понятія о театрѣ. Среди моихъ товарищей-кадетъ былъ Колиньи, сынъ воронежскаго полицеймейстера и вмѣстѣ начальника богоугодныхъ заведеній. Отецъ его бралъ нѣкоторыхъ кадетъ въ отпускъ, въ томъ числѣ и меня. Благодаря ему я и ѣздилъ въ театръ, въ его ложу вмѣстѣ съ его семействомъ. «Новички въ любви»—это первое произведеніе, которое я увидѣлъ на сценѣ, и сейчасъ же сталъ самъ пробовать писать пьесы, но дѣло никогда не заходило дальше заглавія, дѣйствующихъ лицъ и описанія декораціи. Я видѣлъ много драмъ и мелодрамъ, видѣлъ «Велизарія», «Материнское благословеніе», «Скопина-Шуйскаго», «Царство женщинъ» и проч. Театръ мнѣ чрезвычайно нравился. Между актерами и актрисами я помню Швана, Васильева, Ленскихъ, мужа и жену, Мочалову, Пряхину. У Колиньи я встрѣчался съ красивой барышней, дочерью драматической актрисы Мочаловой, и влюбился въ нее. Любовь была такая робкая, что Машенька не знала. Вскорѣ послѣ этого капитанъ Шубинъ устроилъ домашній театръ въ корпусѣ, и я игралъ въ водевилѣ «Петербургскій дядюшка» (кажется, такъ), гдѣ этотъ дядюшка поетъ куплеты, бывшіе въ то время очень популярными и гдѣ есть такіе стихи:

По Гороховой я шелъ,
Но гороху не нашелъ;

а на Морской—капли нѣтъ воды морской и т. д. Я игралъ Питерскаго, который вмѣстѣ съ своей женой, которую игралъ кадетъ Карѣевъ, дурачилъ дядюшку, переодѣваясь между прочимъ въ жида. Въ другой пьесѣ «Вечеръ изъ жизни великаго государя» (Фридриха Великаго) я игралъ комическую роль ночного сторожа, пьянаго. И та, и другая роли были комическія и, очевидно, у меня

подозрѣвали комическій актерскій талантъ. Весь Воронежъ былъ на нашемъ спектаклѣ, и мы объѣдались конфетами, которыя намъ присылали. Вызывали насъ несмѣтное число разъ. Вообще воронежскій корпусъ по составу своихъ преподавателей и офицеровъ, не говоря уже о Винтуловѣ, представлялъ очень интеллигентную среду, и кадеты, хорошо учившіеся, обращали на себя общее вниманіе какъ директора, такъ и учителей. Я былъ въ числѣ этихъ избранниковъ. Учителя были изъ гимназіи. Упомяну о Славатинскомъ, учителѣ исторіи, преподававшемъ ее очень интересно, Даугамѣ, учителѣ географіи, который писалъ этнографическіе очерки въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, о Тарычковѣ, преподавателѣ ботаники и зоологіи, о де-Пуле, учителѣ русскаго языка; я учился не у него, а у Малыгина. Малыгинъ преподавалъ прекрасно и давалъ учить стихотворенія Рылѣева («Петръ Великій въ Острогожскѣ», напр.), не называя, однако, его фамиліи. Впослѣдствіи я близко сошелся съ де-Пуле, этимъ прекраснымъ человѣкомъ, когда былъ въ Воронежѣ учителемъ.

«Математику преподавалъ капитанъ Глотовъ. Я очень не любилъ эту науку, но, имѣя хорошую память, получалъ хорошіе баллы. Чистописаніе преподавалъ Хованскій, который впослѣдствіи пріобрѣлъ извѣстность изданіемъ «Воронежскихъ Филологическихъ Записокъ», къ которымъ даже ученые академики относились съ большимъ уваженіемъ. О Винтуловѣ я всегда сохранялъ самое благодарное воспоминаніе. Этотъ суровый человѣкъ, старыхъ педагогическихъ правилъ, былъ человѣкомъ очень образованнымъ и старался о томъ, чтобы кадеты учились и развивались. Учебная часть была поставлена въ корпусѣ лучше, чѣмъ военная. Я сужу по тому, что насъ совсѣмъ не мучили фронтомъ. Кормили насъ очень хорошо. Утромъ сбитень съ булками. Въ одиннадцать часовъ булка съ масломъ, три блюда за обѣдомъ и два за ужиномъ. Когда я поступилъ въ Дворянскій полкъ въ Петербургѣ, я могъ сравнить, и воронежскій корпусъ въ этомъ отношеніи и во всѣхъ другихъ почти и сравнивать нельзя, такъ въ Воронежѣ все было лучше. Изъ офицеровъ я хорошо помню артиллериста Неѣлова, человѣка гуманнаго и образованнаго, который любилъ бесѣдовать съ кадетами на интересныя темы. Врачомъ въ корпусѣ былъ Чаруковскій, который оставилъ лечебникъ. Это былъ старикъ, женатый на женщинѣ сравнительно съ нимъ молодой и красивой. Къ больнымъ кадетамъ онъ былъ очень внимателенъ. Я довольно часто болѣлъ лихорадкой и горломъ. За шесть лѣтъ моего пребыванія въ корпусѣ былъ всего одинъ смертный случай.

«Незадолго до окончанія курса (у насъ было 2 приготовительныхъ и 4 общихъ класса) со мной случилась непріятность, единственная во все время моего пребыванія въ корпусѣ. Учителемъ рисованія былъ у насъ Павловъ, человѣкъ добрый и порядочный

учитель. (У генерала Н. А. Винтулова я видѣлъ акварельный портретъ его отца, очень хорошо написанный). Классъ рисованія устроенъ былъ у насъ амфитеатромъ. Мы срисовывали разныя геометрическія фигуры. Павловъ что-то мнѣ замѣтилъ. «Дуракъ», крикнулъ я ему съ мѣста. Происшествіе это было изъ ряда вонъ въ корпусѣ. Какъ я могъ сказать это, понять не могу и доселѣ. Меня посадили въ карцеръ. Карцера у насъ не было и этого наказанія не существовало. Но въ концѣ большой залы съ хорами, гдѣ помѣщались физическіе инструменты, была маленькая комнатка, туда меня и заперли. Кромѣ учебниковъ, дали нѣсколько книжекъ «Звѣздочки», дѣтскаго журнала Ишимовой. Я сталъ перекладывать въ стихи разсказъ объ Игоревой пѣснѣ, который нашелъ въ «Звѣздочкѣ». Просидѣлъ я нѣсколько дней, довольно спокойно; кадеты передавали черезъ сторожей записочки о томъ, что говорилось. Наконецъ меня повели въ коридоръ, гдѣ былъ выстроенъ классъ нашъ. Мнѣ сказали, чтобъ я просилъ прощенія у Павлова, который стоялъ тутъ же вмѣстѣ съ офицерами. Тѣмъ дѣло и кончилось. Конечно, я обязанъ и тутъ больше всего Винтулову и тому, конечно, что я учился хорошо и велъ себя хорошо, былъ записанъ на красной доскѣ и былъ унтеръ-офицеромъ въ своей ротѣ.

«Лѣтомъ 1851 года мы поѣхали въ Петербургъ на телѣгахъ, на перекладныхъ, а изъ Москвы въ дилижансѣ. За время этого путешествія у меня остался въ памяти одинъ случай. Гдѣ-то насъ, во время остановки, часика на два, пригласили къ помѣщику, около усадьбы котораго мы остановились, и я гулялъ съ барышней въ саду, по аллеѣ. Эту барышню я и теперь вижу, какъ живую. Стройная, высокаго роста брюнетка, съ большими глазами. Мы съ ней горячо говорили и спорили. Разговоръ начался съ графини Ростопчиной, книжку стиховъ которой она мнѣ показала еще въ комнатахъ. Объ этой поэтессѣ я не имѣлъ понятія, и барышня накинулась на меня за это и читала стихи. Барышня мнѣ очень понравилась. Послѣ Машеньки Мочаловой, въ которую я былъ влюбленъ 14 лѣтъ, это была первая барышня, съ которой я говорилъ довольно долго, какъ говорятъ пріятели, не конфузясь. Мнѣ было тогда 17 лѣтъ. Машенька Мочалова и эта неизвѣстная барышня—вотъ и всѣ мои знакомства съ женщинами».

II.

По окончаніи кадетскаго корпуса Суворинъ опредѣлился въ 1851 г. въ Дворянскій полкъ, нынѣ Константиновское артиллерійское училище. Здѣсь любовь покойнаго къ литературнымъ занятіямъ сказалась въ составленіи словаря замѣчательныхъ людей по образцу французскаго историческаго словаря Bouillet. Для этой работы ему пришлось ознакомиться не только съ литературными произве-

деніями тогдашнихъ писателей, но и съ литературной критикой, что особенно выгодно отразилось на его самообразованіи. Однако словарь этотъ А. С. довелъ только до буквы Л. Представивъ свой трудъ директору Дворянскаго полка г.-л. В. Я. Воронцу, покойный встрѣтилъ въ немъ большое сочувствіе, но отъ высшаго начальства Я. И. Ростовцева рукопись вернулась съ восклицательными и вопросительными знаками. Въ результатѣ генералъ Воронецъ распушилъ молодого юнкера за неблагонамѣренность. Потомъ уже выяснилось, что вина покойнаго была въ томъ, что онъ цитировалъ Бѣлинскаго и отнесся сочувственно къ Байрону, Вольтеру и т. п. «вольнодумцамъ».

Въ 1853 г. А. С. былъ выпущенъ изъ Дворянскаго полка въ саперы, но не пожелалъ итти въ военную службу и былъ переименованъ въ первый гражданскій чинъ.

Такимъ образомъ, военная служба у Суворина не наладилась. Несмотря на царившую въ тѣ годы реакцію послѣднихъ лѣтъ Николаевскаго царствованія, въ воздухѣ все же рѣяли нѣкоторыя идеи, которыя сулили Россіи недалекую волю. Чаша общественнаго терпѣнія переполнялась, и глухой ропотъ такъ или иначе разстилался по лицу земли. Молодыя, чуткія натуры рвались къ просвѣщенію, и университетъ казался имъ тѣмъ прибѣжищемъ, гдѣ можно услышать хоть робкое, но все же вольное слово... Потянуло въ университетъ и Алексѣя Сергѣевича, но... средствъ не хватило, и онъ вмѣсто высшаго разсадника просвѣщенія рѣшилъ отдать народу свои силы на поприщѣ учительства. Онъ слишкомъ хорошо помнилъ темную среду, изъ которой вышелъ, и ясно сознавалъ необходимость внести въ нее свѣточъ знанія. И вотъ мы видимъ его скромнымъ преподавателемъ исторіи и географіи въ воронежскомъ уѣздномъ училищѣ, въ двухъ мѣстныхъ женскихъ пансіонахъ. Частные добавочные уроки у А. А. Стаховича и графа Ферзена въ общемъ давали ему семьдесятъ-восемьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, что онъ считалъ для себя, уже къ тому времени женатаго, вполнѣ достаточнымъ.

Въ своихъ «Очеркахъ современной жизни» подъ заглавіемъ «Всякіе» объ этомъ періодѣ своей жизни онъ разсказываетъ такъ:

«На частные уроки я былъ счастливъ и одно лѣто провелъ въ качествѣ репетитора въ деревнѣ А. А. Стаховича (дѣда Мих. Ал., члена государственнаго совѣта) вмѣстѣ съ моею женою и маленькою дочерью. Около М. Ѳ. де-Пуле группировался небольшой литературный кружокъ, въ которомъ участвовалъ поэтъ И. С. Никитинъ, съ которымъ я дружески сошелся и видѣлся почти ежедневно въ его магазинѣ, заходя туда съ уроковъ, а раза два въ недѣлю, когда уроки были до обѣда и послѣ обѣда, жена приносила мнѣ обѣдъ въ его книжный магазинъ, такъ какъ квартира моя была очень далеко отъ

центра города, гдѣ были уроки. Съ новыми книгами я знакомился тутъ же. Кромѣ того, я бралъ ихъ у В. Я. Тулинова, очень богатаго помѣщика, бобровскаго предводителя дворянства, съ которымъ я былъ знакомъ еще ранѣе, секретарствовалъ у него въ Бобровѣ, куда онъ пріѣзжалъ изъ Воронежа для предсѣдательства въ уѣздномъ комитетѣ «для улучшенія быта крестьянъ», и наслушался тамъ рѣчей помѣщиковъ; въ Воронежѣ я составилъ каталогъ его обширной библіотеки, русской и французской. У него я бралъ «Полярную Звѣзду» Герцена и «Колоколъ». Самъ В. Я. Тулиновъ завѣдывалъ имѣніями князя Орлова и имѣлъ въ Петербургѣ связи, дозволявщія ему эту роскошь—получать герценовскія изданія. Ими я дѣлился съ Никитинымъ. Одинъ изъ преподавателей воронежскаго Михайловскаго корпуса, гдѣ я учился шесть лѣтъ и гдѣ еще во время моего ученія М. Ѳ. де-Пуле преподавалъ русскій языкъ, именно Глотовъ, предложилъ свои средства для изданія литературнаго сборника, а М. Ѳ. де-Пуле взялъ на себя редакцію. Для этого сборника «Воронежская Бесѣда» написаны мною разсказъ и повѣсть, а Никитинъ написалъ «Записки семинариста» и поэму «Тарасъ». Разъ я возвращался съ уроковъ мимо книжнаго магазина; Никитинъ стоялъ на его крылечкѣ. Поздоровавшись, онъ прочелъ мнѣ тутъ же, на улицѣ, стихотвореніе

Вырыта заступомъ яма глубокая,

которое онъ написалъ наканунѣ ночью и которое входило въ «Записки семинариста». Слезы градомъ потекли у него изъ глазъ, когда онъ его кончалъ. Это одно изъ самыхъ прочувствованныхъ его стихотвореній. Никитинъ уже тогда прихварывалъ, но былъ еще человѣкомъ бодрымъ, общительнымъ и жизнерадостнымъ. Торговалъ онъ очень хорошо, и жизнь ему начала улыбаться именно тогда, когда подходила чахотка. Въ хорошія минуты онъ былъ неистощимъ на смѣшные анекдоты и мѣткія характеристики изъ своей мѣщанской жизни, полной грубости и самаго распущеннаго цинизма въ нравахъ.

«Пока «Воронежская Бесѣда» составлялась и печаталась въ Петербургѣ, я написалъ подъ псевдонимомъ В. Марковъ двѣ корреспонденціи въ еженедѣльную «Русскую Рѣчь», которая начала выходить съ января 1861 года въ Москвѣ.

«Графиня Саліасъ заинтересовалась ими и приглашала меня переѣхать въ Москву. Я рѣшился не сразу, не желая мѣнять извѣстное на неизвѣстное. Но жена, отличавшаяся сильнымъ характеромъ, стояла за переѣздъ, и я переѣхалъ въ концѣ іюля 1861 года. На меня возложили секретарство и сотрудничество по критической части въ «Русской Рѣчи». Это было началомъ моей журнальной дѣятельности и моихъ знакомствъ въ московскомъ литературномъ мірѣ».

Тутъ мнѣ вспоминается юмористическій разсказъ Алексѣя Сергѣевича про то, какъ онъ впервые предсталъ предъ великосвѣтскія

очи графини Саліасъ. Надо было экипироваться и озаботиться обувью, которая была въ довольно плачевномъ состояніи. Кое-какъ сладили все. Въ назначенный часъ Суворинъ является къ графинѣ и съ трепетомъ ожидаетъ ея выхода. Вдругъ, о, ужасъ! изъ открытой клѣтки вылѣзаетъ попугай и направляется прямо на посѣтителя, устремляя свой взоръ на ярко вычищенные сапоги. Того и гляди клюнетъ и прорветъ сапогъ! И новыхъ сапогъ жалко, и въ неудобномъ видѣ представиться графинѣ неловко. А отпихнуть попугая ногой— тоже боязно: повредишь ему чѣмъ-нибудь, вся твоя литературная карьера пропадетъ... По счастью, дверь отворилась, вошла графиня, и весь инцидентъ былъ исчерпанъ.

Разсказывая этотъ эпизодъ, Алексѣй Сергѣевичъ заливался своимъ обаятельнымъ, милымъ смѣхомъ, представляя въ лицахъ маневры свои и попугая въ тотъ критическій моментъ.

Вспоминая далѣе свою московскую жизнь, онъ продолжаетъ:

«Прежде всего молодежь, Н. С. Лѣсковъ, В. А. Слѣпцовъ, А. И. Левитовъ, все начинавшіе писатели. Москва въ это время была тихимъ, патріархальнымъ городомъ и бывало по ночамъ мы втроемъ, со Слѣпцовымъ и Левитовымъ, провожая другъ друга на квартиры, громко распѣвали на безлюдныхъ улицахъ:

Долго насъ помѣщики душили,
Становые били.

и проч., безъ всякаго препятствія со стороны будочниковъ, мирно спавшихъ въ своихъ будкахъ или стоявшихъ около нихъ. И Слѣпцовъ и Левитовъ участвовали въ «Русской Рѣчи». Готовился въ писатели сынъ графини графъ Е. А. Саліасъ, впослѣдствіи извѣстный романистъ, тогда еще студентъ московскаго университета. Черезъ него мы знали, что происходитъ въ университетѣ. Извѣстная беллетристка Ольга Н. (Новосильцева, по мужу Энгельгардтъ) жила съ сестрами на одномъ дворѣ съ графиней Саліасъ. Она сама разсказывала, что убѣжала отъ мужа въ первую же брачную ночь, возмущенная тѣмъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться правами мужа, о которыхъ она не имѣла никакого представленія. У Ольги Н. я познакомился съ А. А. Краевскимъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» котораго обыкновенно появлялись ея талантливыя повѣсти. У А. Н. Плещеева я познакомился съ графомъ Л. Н. Толстымъ, А. Н. Островскимъ, М. Е. Салтыковымъ, Н. А. Некрасовымъ, А. М. Унковскимъ, П. М. Садовскимъ, который обыкновенно разсказывалъ свои разсказы, напримѣръ, о бѣгствѣ Людовика-Филиппа изъ Парижа въ 1848 году, и импровизаціи съ необыкновеннымъ искусствомъ и юморомъ. Неподражаемымъ его наслѣдникомъ въ этомъ отношеніи былъ И. Ѳ. Горбуновъ, тогда еще молодой человѣкъ. Л. Н. Толстой и тогда отличался отъ всѣхъ независимостью своихъ

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ въ своемъ кабинетѣ за работой.

убѣжденій, которыя вовсе не подходили къ общему тону, и эта смѣлость въ немъ мнѣ чрезвычайно нравилась. У И. С. Аксакова я видѣлъ весь славянофильскій кружокъ и пріѣзжихъ изъ царства Польскаго и Литвы, которые вели споры съ славянофилами объ автономіи царства Польскаго и о Западномъ и Юго-Западномъ краѣ. Очень либеральные относительно Польши, славянофилы горячо отстаивали Западный и Юго-Западный краи. Тургенева я видѣлъ въ первый разъ у графини Саліасъ, когда онъ разсказывалъ ей и красивой С. А. Ѳеоктистовой «Собаку» съ такимъ необыкновеннымъ увлеченіемъ и вѣрою въ сверхъестественное, что, когда этотъ разсказъ явился въ печати, онъ показался мнѣ очень блѣднымъ сравнительно съ его устною передачею. На дачѣ, въ Давыдковѣ, въ 1862 году я познакомился съ В. П. Буренинымъ и Н. А. Чаевымъ. Тутъ же въ Давыдковѣ жилъ и А. Н. Плещеевъ.

«Русская Рѣчь» кончилась съ первымъ нумеромъ 1862 года, и этотъ годъ былъ для меня труднымъ. Я писалъ историческіе разсказы для общества распространенія полезныхъ книгъ, во главѣ котораго стояла очень симпатичная женщина, А. Н. Стрекалова, и сталъ писать повѣсть «Аленка», которая взята была Ѳ. М. Достоевскимъ для журнала «Время», была для него набрана, но тотъ нумеръ, гдѣ она должна была появиться, не вышелъ, такъ какъ «Время» было запрещено за статью Страхова о польскомъ вопросѣ. Я передалъ ее въ «Отечественныя Записки», гдѣ она и появилась. Въ декабрѣ 1862 года я переѣхалъ въ Петербургъ, въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» В. Ѳ. Корша, изданіе которыхъ онъ получилъ отъ академіи наукъ. Въ 1863 году и 1864 году я только секретарствовалъ и рѣдко что-нибудь писалъ. Газета была полна учеными и профессорскими именами, а я былъ только начинающимъ и скромнымъ журналистомъ. Я читалъ окончательную корректуру мелкихъ отдѣловъ и объявленій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», ѣздилъ въ типографію, къ цензорамъ, статскимъ и военнымъ, и къ самому начальнику печати, которая была въ то время при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Не могу не вспомнить съ особенною симпатіей В. А. Цеэ, который былъ тогда начальникомъ печати. Время было тяжелое—польское возстаніе. Кромѣ статскаго цензора, былъ и военный. Оба, особенно военный, марали много. И я отправлялся отстаивать запрещенное то къ цензорамъ, то къ В. А. Цеэ, когда цензора не уступали. И отъ В. А—ча, бывало, уходишь почти всегда съ удовольствіемъ, т. е. онъ что-нибудь пропускалъ изъ запрещеннаго. Случалось тревожить его и по ночамъ. Разъ я поднялъ его даже съ постели, когда онъ легъ уже спать. Вообще цензура народнаго просвѣщенія была въ то время гораздо снисходительнѣе, чѣмъ она стала, когда перешла въ министерство внутреннихъ дѣлъ и когда газета стала издаваться яко бы безъ цензуры. Своя собственная цензура стала тяжелѣе казенной и крайне

мучительно дѣйствовала на редактора, который вынужденъ былъ вычеркивать или измѣнять то, что ему нравилось, чему онъ самъ сочувствовалъ, чѣмъ дорожилъ, какъ своимъ убѣжденіемъ.

«Работы было у меня столько, что времени свободнаго совсѣмъ не было, двѣ тысячи рублей, которыя я получалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», мнѣ не хватало и я сталъ писать обозрѣніе журналовъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» и велъ это обозрѣніе нѣсколько лѣтъ. Одно изъ этихъ обозрѣній надѣлало редакціи немало хлопотъ, но она не выдала имени своего смѣлаго сотрудника».

Жизнь подъ Москвою въ кругу литературной молодежи, среди которой особенно выдѣлялся В. П. Буренинъ, уже тогда составлявшій себѣ въ тѣсныхъ кружкахъ, его хорошо знавшихъ, выдающееся имя поэта-сатирика, гдѣ А. Н. Плещеевъ, недавно вернувшійся изъ ссылки, сообщалъ окружающимъ свои воспоминанія о петрашевцахъ и казни ихъ на Семеновскомъ плацу, гдѣ съ жадностью читались нумера «Колокола»,—все это, несомнѣнно, отражалось и на складѣ міросозерцанія А. С. Суворина и создавало изъ него понемногу того знаменитаго «Незнакомца», который впослѣдствіи волновалъ такъ сильно читателей своими фельетонами. Вспоминая потомъ эту подмосковную жизнь въ своихъ «Очеркахъ и картинкахъ» («По поводу «Отцовъ и Дѣтей»), онъ говорилъ, что въ этомъ времени «было много хорошаго, увлекательнаго и много комическаго, юношески-незрѣлаго. То была весна нашего либерализма, какъ теперь зима его. Г. Катковъ въ то время не былъ еще «отцомъ отечества»—онъ даже едва ли и помышлялъ объ этой роли, ибо ореолъ англійскаго самоуправленія, которымъ онъ былъ окруженъ нѣкоторое время, началъ сильно блекнуть. Въ обществѣ замѣтно было броженіе; явились піонеры, призывавшіе къ самодѣятельности, къ движенію впередъ мирнымъ путемъ; съ другой стороны, начали являться прокламаціи...

«Я жилъ въ то время въ Москвѣ, на дачѣ, въ Сокольникахъ, у извѣстной нашей писательницы г-жи Евгеніи Туръ, которая въ то время, отдѣлившись отъ «Русскаго Вѣстника», издавала «Русскую Рѣчь» вмѣстѣ съ Е. М. Ѳеоктистовымъ. Между сотрудниками были я, только что пріѣхавшій изъ провинціи и робко вкусившій сладость литературнаго бытія, и г. Лѣсковъ, впослѣдствіи преобразовавшійся въ г. Стебницкаго даже не по правиламъ, изложеннымъ у Овидія. Этихъ двухъ лицъ (Овидія—въ сторону) не надо смѣшивать, хотя они, несомнѣнно, обозначаютъ одно и то же лицо. Г. Лѣсковъ пылалъ либерализмомъ и посвящалъ меня въ тайны петербургской журналистики. Онъ предлагалъ мнѣ даже изучать вмѣстѣ съ нимъ Фурье и Прудона по маленькой переводной политико-экономической книжечкѣ Гильдебрандта, явившейся лѣтомъ 1861 г. на русскомъ языкѣ, если не ошибаюсь, подъ редакціей В. П. Безобразова. Я былъ въ то время ужасно робокъ и скроменъ и слушалъ г. Лѣскова, какъ оракула. Нѣкоторыя выраженія его до

сихъ поръ остались у меня въ головѣ, напримѣръ, «народъ—это чиновникъ».

«Помню, какъ теперь, чудесный, тихій вечеръ, чуть-чуть пропитанный запахомъ сосноваго бора. Мы сидѣли на террасѣ, выходившей въ садъ, и пили чай. Г. Евгенія Туръ что-то разсказывала; ручная бѣлка сидѣла у нея на плечѣ и грызла орѣхи, которые та давала ей время отъ времени. Вошедшій человѣкъ подалъ ей на подносѣ письмо. Она медленно его распечатала и поблѣднѣла. «Что это такое?» съ обычной живостью сказала она, подавая листокъ г. Лѣскову.

«— Это... прокламація,—таинственно-тихо сказалъ г. Лѣсковъ, пробѣжавъ печатный листокъ, заключавшійся въ письмѣ.

«Прокламація!.. Это слово было такъ ново въ то время, что у насъ вытянулись лица и явилось желаніе прочесть и обсудить это новое явленіе соборнѣ.

«— Подождите немного,—сказала хозяйка:—я отнесу бѣлку.

«Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, бѣлка не должна слушать такія вещи. Мы сдвинули стулья, и г. Лѣсковъ тихо прочиталъ прокламацію «Великоруссъ». Хозяйка взяла ее у него, сложила въ нѣсколько разъ и разорвала на мелкіе кусочки. Нѣкоторое время мы молчали. Хозяйка вертѣла въ рукахъ конвертъ и полосками его разрывала, свертывая изъ нихъ трубочки; я усиленно вздыхалъ, самъ не знаю чего; г. Лѣсковъ глубокомысленно смотрѣлъ на небо, усѣянное звѣздами. Такъ хорошъ былъ вечеръ, но въ душѣ... Мы стали говорить, но шопотомъ, точно заговорщики, хотя въ сущности всѣ мы были люди самые смирные и удивлялись дерзости автора прокламаціи. Кто бы могъ написать ее? Мы терялись въ догадкахъ. Извѣстно, что эту прокламацію авторъ разослалъ всѣмъ болѣе или менѣе извѣстнымъ лицамъ, самъ надписывая конверты. Одинъ изъ этихъ конвертовъ былъ посланъ изъ провинціи въ Петербургъ и по рукѣ его отыскали автора. Это было начало того тяжелаго конца, который переживаемъ мы теперь.

«Господи, сколько въ то время было переговорено, сколько смутныхъ мыслей бродило въ головахъ!.. Я сказалъ уже, что то была весна либерализма, когда стремленія были неопредѣленны, шатки, когда шли продолжительные и горячіе споры объ англійской конституціи, о соціализмѣ, о фурьеризмѣ, вообще о «матерьяхъ важныхъ», когда всюду цвѣло, но каковъ былъ этотъ цвѣтъ, каковы деревья — ни одинъ мудрецъ опредѣлить бы не могъ, потому что и мудрецы увлекались несбыточными мечтаніями. И замѣчательно, что интересы насущные, напр., судъ присяжныхъ, стояли гораздо болѣе въ сторонѣ въ тогдашнихъ спорахъ, чѣмъ отдаленныя мечты о всеобщемъ благоденствіи. Я не могу безъ смѣха вспомнить, какъ спрашивали тогда другъ друга серьезно:

«— Вы конституціоналистъ, или республиканецъ?

«— Я конституціоналистъ.

«— Допускаете ли вы двѣ палаты, или одну?

«— Я допускаю только одну.

«— Позвольте, почему же одну? и т.д. Если бъ теперь обратиться къ кому-нибудь съ подобнымъ вопросомъ то, безъ сомнѣнія, можно бы получить отвѣтъ: «Убирайтесь къ чорту»... И резонно!..

«Г-жа Евгенія Туръ, несмотря на свою ссору съ г. Катковымъ, часто говаривала:

«— Если въ Англіи есть лордъ Брумъ и лордъ Маколей, то почему жъ не быть въ Москвѣ—именно въ Москвѣ, замѣтьте,—лорду Каткову и лорду Леонтьеву?

«Я наивно соглашался, ибо въ г. Катковѣ дѣйствительно сильно подозрѣвалъ лорда Брума, а въ г. Леонтьевѣ—лорда Маколея, тѣмъ болѣе, что съ «Пропилеями» московскаго профессора я былъ знакомъ основательно. «Отчего жъ?» думалъ я: «и Маколей историкъ, и г. Леонтьевъ—историкъ. И, наконецъ, что за бѣда, если Леонтьевъ и Катковъ сдѣлаются лордами? Вѣдь дѣтей мнѣ съ ними не крестить—пусть ихъ дѣлаются чѣмъ хотятъ». Они лордами не сдѣлались, но зато стяжали себѣ славу другого рода. Тогда подобной славы никто не подозрѣвалъ, и Кисловку, гдѣ жили издатели «Русскаго Вѣстника» и «Современной Лѣтописи», считали нѣкоторою россійскою Великобританіей».

Хотѣлось бы видѣть въ печати воспоминанія объ этой подмосковной жизни литературной молодежи, которой со временемъ суждено было сыграть въ исторіи нашей журналистики крупную роль, послѣдняго, кажется, изъ оставшихся въ живыхъ участника той жизни—В. П. Буренина. Мы, вѣроятно, узнаемъ изъ этихъ воспоминаній, какъ возились оттуда корреспонденціи въ «Колоколъ», какъ тревожно воспринимались здѣсь извѣстія о тогдашнихъ обыскахъ въ Петербургѣ и арестѣ Н. Г. Чернышевскаго, какъ задумчиво на берегу мѣстной рѣчонки съ удочкой въ рукахъ просиживалъ долгіе часы будущій «Незнакомецъ».

Переѣздъ въ Петербургъ скоро принесъ Суворину широкую извѣстность. Коршевскія «Петербургскія Вѣдомости» были той литературной нивой, на которой окрѣпъ и расцвѣлъ его талантъ. Сначала скромный секретарь и газетный работникъ, онъ уже къ 1865 году обращается въ того перваго по значенію русскаго фельетониста, который вмѣстѣ съ В. П. Буренинымъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, создаетъ русскій злободневный фельетонъ и придаетъ отечественной газетѣ широкое общественное значеніе. Газетныя статьи до того времени такихъ выдающихся публицистовъ, какъ М. Н. Катковъ, И. С. Аксаковъ, и нѣкоторыхъ другихъ, были политическою артиллеріею, которая била тяжелыми ядрами и производила нужное общественное впечатлѣніе только въ нѣкоторые опредѣленные моменты нашей жизни. Легкія взвившіяся ракеты со

столбцовъ «академическихъ» «Вѣдомостей» были впервые пущены именно Суворинымъ и Буренинымъ, и газета наполнилась блестящими литературными турнирами, привлекавшими къ себѣ вниманіе широкихъ слоевъ читателей. Сейчасъ, когда русскій типъ газеты выработался, намъ трудно оцѣнить историческое значеніе того момента. Только знакомясь съ тяжеловѣсными газетными фоліантами 60-хъ годовъ и встрѣчая въ нихъ имена «Бобровскаго», «Незнакомца», «Выборгскаго пустынника»,—понимаешь, какая газетная эволюція совершалась въ тотъ періодъ. Среди такихъ именъ, какъ К. Кавелинъ, К. Арсеньевъ, В. Крыловъ (Александровъ), А. Головачевъ, К. Скальковскій, Ѳ. Воропоновъ, Л. Полонскій, Е. Ватсонъ, де-Роберти, имена Суворина и Буренина заблистали не менѣе яркими звѣздами. Какъ я уже говорилъ въ очеркѣ, посвященномъ В. П. Буренину, коршевская газета—блестящая страница въ исторіи пореформенной Россіи; къ ней, этой газетѣ, примкнули лучшія литературныя силы, и здѣсь заложены были задатки того обновленнаго ея типа, который установился у насъ и доднесь. Въ этомъ отношеніи именно гг. Суворинъ и Буренинъ понесли немало труда, разгрузивши газету отъ того тяжелаго, что мѣшало ей проникать въ широкіе круги читателей и дѣлаться ихъ руководителемъ и добрымъ литературнымъ другомъ. Оба названныхъ писателя перенесли центръ тяжести изъ неуклюжихъ тогдашнихъ передовицъ въ область живого, остроумнаго фельетона, гдѣ, какъ въ калейдоскопѣ, передъ обывателями запестрѣли страницы отечественной жизни, имена, факты, печальная дѣйствительность, политика, обывательщина, гдѣ раздался веселый смѣхъ, будящій, бодрящій, зовущій отъ мрака къ свѣту, дразнящій перспективами лучшаго будущаго и отметающій все, что пришло въ ветхость и негодность.

Въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ о сотрудничествѣ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» А. С. Суворинъ касается, между прочимъ, очень интереснаго эпизода съ его книгою «Всякіе», эпизода, надѣлавшаго въ свое время очень много шума и имѣющаго историко-литературное значеніе. Онъ говоритъ:

«Всякіе» были первой моей литературной работой въ «С.-Петербурскихъ Вѣдомостяхъ», сколько-нибудь видной. Повѣсть обратила на себя вниманіе. И мнѣ жалко было ее бросать, когда продолженіе въ газетѣ стало невозможнымъ. Тогда я рѣшился ее докончить и издать безъ цензуры. Надо было, чтобы въ книжкѣ заключалось 10 печатныхъ листовъ извѣстнаго законнаго размѣра. Н. А. Неклюдовъ, державшій тогда типографію Н. Тиблена на Васильевскомъ Островѣ, согласился напечатать въ кредитъ. И я сталъ писать окончаніе и печатать. Въ напечатанныхъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» первыхъ главахъ повѣсти я кое-что добавилъ и возстановилъ цензурныя помарки. Печатаніе окончилось въ концѣ марта 1865 г., и книжка представлена была въ цензуру въ началѣ Страст-

ной недѣли. Но черезъ день была возвращена обратно въ типографію, такъ какъ переплетчикъ пропустилъ одинъ листъ. Пока исправлялся этотъ недочетъ, настали «неприсутственные дни» на Страстной и Святая, которая была въ этотъ годъ 27 марта. Въ исправленномъ видѣ книжка послана была только въ понедѣльникъ на Ѳоминой, утромъ, а къ вечеру весь Петербургъ былъ глубоко потрясенъ извѣстіемъ о покушеніи на жизнь императора Александра II. Я привыкъ любить императора, когда онъ еще былъ наслѣдникомъ цесаревичемъ и когда онъ заступался за воспитанниковъ Дворянскаго полка во время такъ называемыхъ кадетскихъ бунтовъ противъ экономовъ, которые насъ скверно кормили. Какъ и на всѣхъ, покушеніе на жизнь императора произвело на меня сильное впечатлѣніе. Рядомъ со взрывами искренняго патріотизма, въ которыхъ ярко сказывалась любовь къ государю-реформатору всѣхъ сословій, работала слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ графа М. Н. Муравьева; начались аресты и строгости относительно литературы и журналистики. Я хотѣлъ взять книжку назадъ и съ этою цѣлью написалъ письмо къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву. Между прочимъ я писалъ ему: «Повѣсть моя была представлена въ цензурный комитетъ утромъ 4-го апрѣля. Вечеромъ совершилось то событіе, которое повергло въ негодованіе и ужасъ всю Россію. Всѣ сословія слились въ одномъ чувствѣ преданности къ государю и радости его спасенію. Но при этомъ обнаружилось и нѣкоторое разъединеніе, весьма естественное въ такія напряженныя минуты: никакому сословію, никакому кружку не хотѣлось, чтобы злодѣй принадлежалъ къ ихъ средѣ, и всѣ стали указывать другъ на друга; многіе говорили, что злодѣй помѣщикъ или подкупленъ помѣщиками. При этихъ толкахъ, которые были слышны уже вечеромъ 4-го апрѣля, мнѣ показалось совершенно несвоевременнымъ выпускать мою книгу, въ которой были рѣзкія осужденія помѣщиковъ извѣстной партіи». И далѣе: «я вполнѣ разсчитываю на ваше безпристрастное рѣшеніе. Съ своей стороны я могу только повторить, что я былъ искрененъ, когда писалъ свою книгу, искренно говорю и въ настоящемъ письмѣ. Я не имѣю никакихъ причинъ бояться гласнаго суда, на которомъ дана мнѣ будетъ полная возможность къ защитѣ; я сохраняю совершенную увѣренность, что судъ этотъ будетъ правый, свободный отъ всякихъ узкихъ сословныхъ соображеній. Если я утруждаю ваше высокопревосходительство настоящимъ письмомъ, то дѣлаю это исключительно подъ вліяніемъ тѣхъ тревожныхъ минутъ, которыя мы переживаемъ въ настоящее время». Письмо осталось безъ отвѣта, и книжка была арестована.

«Цензурный комитетъ, подъ вліяніемъ 4-го апрѣля, составилъ очень суровый приговоръ о книгѣ. Въ немъ же возникло сомнѣніе, не два ли это лица, А. Бобровскій и А. Суворинъ, и не были ли они замѣшаны въ какомъ-нибудь политическомъ

дѣлѣ. Вспомнили, что Бобровскій участвовалъ въ варшавскомъ революціонномъ комитетѣ. Но Третье Отдѣленіе, куда направленъ былъ запросъ, отвѣтило, что это одно лицо и ни въ какомъ политическомъ дѣлѣ не было замѣшано, хотя книга его не что иное, какъ, анархическая пропаганда».

«У меня и у моей жены сдѣланъ былъ обыскъ, конечно, благодаря этой же книжкѣ. Пришли ночью, съ чернаго хода. Высокій молодой гвардейскій офицеръ П—нъ предъявилъ мнѣ бумагу, въ которой предписано ему было произвести у меня обыскъ. Я еще не спалъ. Было часа три утра. Жена быстро встала. Спальня, въ которой она спала съ дѣтьми, отдѣлялась отъ моего крошечнаго кабинета заломъ. Обысковъ тогда было очень много, обысковъ и арестовъ. Въ журнальномъ мірѣ была просто паника. Мы съ женой ждали того же у себя, думая объ арестованной книжкѣ. Поздно возвращаясь изъ редакціи, не ранѣе 3 часовъ утра, я смотрѣлъ обыкновенно на окна, не горитъ ли огонь, и если окна не были освѣщены, значитъ все благополучно. Услышавъ звонокъ, я спряталъ «Исторію Россіи» Германа, на нѣмецкомъ языкѣ, которую читалъ, всталъ въ дверяхъ кабинета и увидѣлъ жену въ дверяхъ спальни, противъ себя. Мы молча смотрѣли другъ на друга, когда г. П—нъ и приставъ входили въ залъ, а полицейскіе остались въ передней. Г. П—нъ сѣлъ за мой столъ и просматривалъ очень быстро бумаги, собирая съ него рѣшительно всѣ рукописи и письма и выбирая ихъ изъ ящика. На вопросъ пристава, который дѣлалъ обыскъ въ спальнѣ моей жены:

«— Не прикажете ли обыскать дѣтскія кроватки?»—г. П—нъ отвѣчалъ:—«Не надо. Зачѣмъ тревожить дѣтей». Въ стѣнѣ въ моемъ кабинетѣ, довольно высоко, было открытое углубленіе, тоже наполненное бумагами. Г. П—нъ всталъ на стулъ и началъ вынимать бумаги и оттуда.

«— Это что у васъ?—сказалъ онъ, беря въ руку большую литографированную тетрадь записокъ о литературѣ Ир. И. Введенскаго, который преподавалъ въ Дворянскомъ полку въ пятидесятые годы.

«А сказалъ, что это такое.

«— Вы окончили курсъ въ Дворянскомъ полку? Вы были кадетомъ?

«Вся его серьезная холодность, съ которою онъ исполнялъ свою обязанность, разомъ пропала. Онъ быстро сложилъ всѣ бумаги въ кучу. Приставъ увязалъ ихъ при немъ, и онъ сказалъ ему, чтобъ онъ доставилъ ихъ въ Третье Отдѣленіе, а самъ сталъ говорить со мною и съ женой. Мы сѣли за столъ; подали самоваръ. Онъ показалъ намъ фотографическую карточку преступника, имя котораго, кажется, тогда еще не было извѣстно въ печати, разсказывалъ объ его допросѣ и проч. Бесѣда продолжалась долго уже о всякихъ пустякахъ. На вопросъ жены, почему онъ обыскиваетъ, а не жандармы, онъ со-

общилъ, что графъ Муравьевъ не вѣритъ жандармамъ и полиціи въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ настоящее, и что жандармы и полиція не заслуживаютъ довѣрія по тѣмъ фактамъ, которые извѣстны графу.

«Я разсказываю эти подробности, потому что онѣ имѣютъ связь съ моей маленькой книжкой.

«Въ нее попалъ Чернышевскій, а обыскъ опять коснулся этого дѣла. Когда мнѣ понадобился мой видъ на жительство, при перевозѣ семьи на дачу, я отправился за нимъ въ Третье Отдѣленіе. Тотъ же офицеръ, г. П—нъ, вынесъ мнѣ всѣ мои бумаги, исключая письма А. Н. Плещеева, въ которомъ онъ описывалъ мнѣ свой допросъ въ сенатѣ по дѣлу Чернышевскаго. Его именно спрашивали о томъ письмѣ къ нему (онъ его не получалъ) якобы Чернышевскаго, которое было написано Всев. Костомаровымъ. Это письмо именно относилось къ 1862 г., когда Плещеевъ жилъ на дачѣ въ Давыдковѣ и когда мы съ Буренинымъ и Чаевымъ постоянно къ нему заходили. Плещеевъ мнѣ писалъ, что почеркъ Чернышевскаго съ такимъ совершенствомъ былъ поддѣланъ, что въ первой половинѣ письма можно было принять письмо за подлинное, но вторая половина выдавала поддѣлку. Вотъ это письмо и осталось въ Третьемъ Отдѣленіи.

«Чуть не наканунѣ суда я ѣхалъ въ Царское Село вмѣстѣ съ прокуроромъ, который долженъ былъ обвинять меня. Мы были хорошо знакомы, и разговоръ шелъ о моей книжкѣ, и такой разговоръ, что я могъ вынести изъ него самое благопріятное для себя впечатлѣніе. Но когда на скамьѣ подсудимыхъ я услышалъ грозную рѣчь и требованіе заключить меня въ тюрьму на три мѣсяца, меня бросило въ жаръ. К. К. Арсеньевъ сказалъ въ мою защиту прекрасную рѣчь, и судъ сбавилъ мнѣ одинъ мѣсяцъ. К. К. Арсеньевъ подалъ апелляцію въ судебную палату, которая ограничила наказаніе трехнедѣльнымъ заключеніемъ на гауптвахтѣ. Мы рѣшились не итти дальше въ сенатъ, хотя мой защитникъ въ судѣ убѣдительно доказывалъ, что никакого преступленія я не совершилъ, а только приготовленіе къ нему, которое ненаказуемо. Я былъ доволенъ и тѣмъ, что избѣжалъ тюрьмы. Слѣдующій литературный процессъ о книгѣ Вундта «Душа животныхъ и растеній», доведенный до сената, установилъ ненаказуемость «покушенія на преступленіе», если книга была арестована до выхода въ свѣтъ. Книги сжигались, но авторы не наказывались.

«Процессъ мой тянулся долго. Книжка была арестована, кажется, 13-го апрѣля. Разбирательство въ окружномъ судѣ было 18-го августа 1866 года, въ судебной палатѣ 20-го декабря 1866 года. Книжка была препровождена приставомъ Васильевской части изъ типографіи въ главное управленіе по дѣламъ печати 22-го февраля 1867 г., причемъ приставъ оставилъ одинъ экземпляръ въ типографіи. Главное управленіе потребовало и этотъ экземпляръ и, получивъ его, просило г. оберъ-полицеймейстера, чтобъ при конфискаціи сочиненій въ типографіяхъ отбирались не только всѣ отпечатанные

экземпляры таковыхъ сочиненій, но даже корректурные и дефектные листы, дабы тѣмъ «прекратить возможность всякаго распространенія вышеупомянутыхъ сочиненій». Въ маѣ прокуроръ с.-петербургской судебной палаты запрашивалъ главное управленіе по дѣламъ печати, уничтожены ли 1462 экземпляра (арестовано было 1500) книги «Всякіе», и вмѣстѣ предлагалъ, чтобы отнынѣ уничтоженіе книгъ по приговорамъ суда производилось самою полиціею, а не доставлялись оныя для этого изъ типографіи въ главное управленіе по дѣламъ печати. 17-го іюня 1867 г. главное управленіе по дѣламъ печати увѣдомило прокурора, что книга «Всякіе» уничтожена, «за исключеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ, оставленныхъ для необходимыхъ справокъ, какъ въ этомъ управленіи, такъ и въ с.-петербургскомъ цензурномъ комитетѣ», а что касается до уничтоженія ихъ самой полиціей, то главное управленіе ничего противъ этого не имѣетъ. 14-го августа 1867 г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ въ главное управленіе по дѣламъ печати свое распоряженіе въ этомъ смыслѣ.

«Я посаженъ былъ на гауптвахту въ Старомъ Арсеналѣ (около Окружнаго суда) 27-го февраля 1867 года и 20-го марта пріѣхалъ домой. Несмотря на этотъ короткій срокъ, я узналъ, какъ тяжело лишніе свободы.

«Если бъ кто спросилъ меня, почему я перепечатываю эту книжку, я бы просто отвѣтилъ, что мнѣ пріятно вспомнить прошлое и вспомнить его въ другое время, когда мы ожидаемъ государственной думы и когда печать пользуется такой свободой, о которой въ 1865 г. никто и мечтать не смѣлъ. Къ тому же «Всякіе», литературные недостатки которыхъ мнѣ не могутъ быть не ясны, отличаются значительной долей искренности и даже наивности не столько человѣка наблюдательнаго, сколько чувствовавшаго въ общей уже наэлектризованной атмосферѣ, что наступаетъ неладное время. Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ своихъ книжка не лишена, такъ сказать, историко-литературнаго интереса, передавая въ извѣстной степени и тогдашнее настроеніе, какъ общества, такъ и правительства. Въ этомъ отношеніи процессъ въ окружномъ судѣ и въ особенности въ судебной палатѣ представляетъ много типическихъ и курьезныхъ подробностей, а потому я его печатаю въ приложеніи. Если бъ дѣло было не о перепечаткѣ «документа», то нѣкоторыя грубости «Всякихъ», полемическія выходки и плохіе анекдоты я теперь съ удовольствіемъ бы выкинулъ, хотя и эти грубости были стенографической передачей дѣйствительныхъ разговоровъ. Извѣстно, что мы, русскіе люди, никогда не стѣсняемся въ выраженіяхъ».

Книга «Всякіе» увидѣла свѣтъ только въ 1909 году и быстро разошлась въ двухъ изданіяхъ. Читая это произведеніе пера А. С. Суворина даже въ наши дни, удивительно живо чувствуешь вѣя-

ніе всей этой эпохи, и очерки «Всякіе» до сихъ поръ могутъ служить прекраснымъ источникомъ для исторіи первыхъ годовъ пореформенной Россіи въ ея столичномъ отраженіи.

III.

Блестящіе фельетоны въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», эпизодъ со «Всякими», сотрудничество въ «Русскомъ Инвалидѣ» создали изъ недавняго скромнаго бобровскаго учителя очень крупную величину, къ которой стало льнуть все выдающееся въ нашей литературѣ. Его выразительный, умный обликъ невольно привлекалъ къ себѣ вниманіе, и при одномъ взглядѣ на него чувствовалось, какая мощь вложена въ этого потомка сермяжной Россіи. Въ немъ сказывалось что-то мощное, широкое, что непосредственно говорило о самой безбрежной Россіи. И дальнѣйшая его жизнь явно показала, что дѣйствительно эта Россія нашла въ немъ дѣйствительное свое многогранное отраженіе.

Работая въ чужихъ повременныхъ изданіяхъ (кромѣ поименованныхъ, въ «Вѣстникѣ Европы», «Молвѣ» и др.), А. С. Суворинъ не специализировался на какомъ-нибудь особенномъ жанрѣ, и въ лицѣ его русская журналистика пріобрѣла и выдающагося критика, и театральнаго рецензента, и газетнаго «передовика», и памфлетиста, беллетриста, а также и историка. Во всѣхъ этихъ родахъ литературы онъ обнаруживаетъ выдающееся дарованіе, оригинальность ума, наблюдательность, широту взглядовъ и блескъ пера, который по всей справедливости вручилъ ему званіе «короля фельетонистовъ». Его полемики тонки, остроумны, язвительны; одною какой-нибудь коротенькою фразою, мѣткимъ словцомъ онъ бьетъ противника наповалъ, выставляетъ его въ убійственномъ видѣ и не даетъ ему отступленія. Возьмите его книгу «Очерки и картинки», составляющую (до середины 70-хъ годовъ) только малую часть его фельетоновъ, и вы убѣдитесь въ справедливости сказаннаго. Ознакомьтесь съ его полемикой съ Катковымъ, Леонтьевымъ, Мещерскимъ, прочтите его разоблаченія дѣятельности столичныхъ думскихъ воротилъ, желѣзнодорожныхъ авантюристовъ и пр. и пр. Чего они стоятъ! Вотъ чѣмъ объясняется, что его пера боялись до крайности, и воскресный фельетонъ «Незнакомца» составлялъ для своего времени событіе, рождалъ ему бездну враговъ и рядомъ съ этимъ поклоненіе читающей толпы. Въ число явныхъ враговъ записались Катковъ и Мещерскій, а также тѣ представители власти, которые имѣли касательство къ дѣлу печати. Имя Суворина-«Незнакомца» вызываетъ косые взгляды, имѣвшіе, между прочимъ, печальнымъ результатомъ то, что Коршъ былъ устраненъ отъ редактированія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и газета подъ флагомъ гр. Саліаса была передана въ охранительныя руки.

Замолкли въ этой газетѣ смѣлыя рѣчи «Незнакомца», рѣчи для того времени многознаменательныя, особенно въ виду надвинувшейся на Россію послѣ выстрѣла Каракозова невеселой эпохи. Такъ, между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, «Обѣдъ у В. А. Полетики», Суворинъ писалъ по поводу рѣчи Путилова, жаловавшагося, что Европа насъ «сосетъ»: «Мнѣ кажется, что Европа будетъ насъ сосать не до тѣхъ поръ, какъ думаетъ г. Путиловъ, пока правительство не станетъ дѣлать для русскихъ заводчиковъ того же, что оно дѣлаетъ для иностранныхъ, а до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ той же свободы экономической и гражданской жизни, какая существуетъ въ Европѣ. Г. Путиловъ сказалъ, что Борзигъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ былъ простымъ рабочимъ, а теперь милліонеръ, и такимъ благосостояніемъ, по смыслу рѣчи г. Путилова, этотъ нѣмецъ обязанъ заказамъ русскаго правительства. Мы-де всѣхъ выводимъ въ люди, а они насъ сосутъ. Но въ Европѣ подобные примѣры можно считать десятками, и русское правительство въ нихъ нимало не виновато. Ужъ не мы ли въ самомъ дѣлѣ вывели въ люди Стифенсона и множество другихъ энергичныхъ людей, которые составили себѣ огромныя состоянія, начавъ съ грошей? Нѣтъ, г. Путиловъ, на дѣло надо смотрѣть нѣсколько глубже. Въ даровитости русскаго народа я никогда не сомнѣвался; я знаю, что Богъ не обдѣлилъ его способностями, но я знаю въ то же время, что этотъ даровитый и трудолюбивый народъ мало выиграетъ отъ того, что правительство сдѣлаетъ милліонные заказы вашему заводу. Онъ выиграетъ гораздо болѣе, если, не дѣлая вамъ милліонныхъ заказовъ, государство освободитъ насъ отъ темнаго наслѣдства разныхъ стѣсненій въ экономической жизни. Когда мы будемъ поставлены въ такое положеніе, что успѣхъ всякаго дѣла будетъ зависѣть исключительно отъ нашей энергіи, нашего трудолюбія, нашего просвѣщенія, когда не нужно будетъ прибѣгать къ поклонамъ и т. п.,—тогда все быстро измѣнится. Я убѣжденъ, что мы придемъ къ этому... рано или поздно, и только тогда Европа перестанетъ насъ сосать.

«Г. Путиловъ, убѣдившійся за границей, что Европа насъ сосетъ, убѣдился ли въ томъ, что тамошняя экономическая жизнь несравненно выше нашей? Въ то время, когда у насъ только начинаютъ образовываться компаніи капиталистовъ, Европа покрыта уже ассоціаціями рабочихъ, въ Европѣ уже есть примѣры, что капиталистъ, владѣлецъ завода, не ограничивается поденною платой рабочему, а даетъ ему пай въ своемъ предпріятіи... Когда мы догонимъ Европу—я не знаю, но можно опасаться, что намъ придется догонять ее вѣчно, уподобляясь заднему колесу въ телѣгѣ, которое бѣжитъ такъ же быстро, какъ переднее, но остается отъ него на благородной дистанціи. Конечно, это грустно, но будемъ утѣ-

шаться тѣмъ, что еще недавно наше положеніе было несравненно грустнѣе. Теперь мы можемъ свободнѣе говорить, свободнѣе дѣйствовать, теперь больше простора энергіи, но нуженъ полный просторъ».

Для того времени такія рѣчи были смѣлы и, понятно, онѣ не могли приходиться по нутру вершителямъ тогдашней власти. Съ переходомъ въ работу подъ редакторство Полетики, перо «Незнакомца» не то что тускнѣетъ, а какъ-то теряетъ свою увѣренность. Видно, что писатель, лишившись насиженнаго мѣста, не можетъ примѣниться къ плутократической обстановкѣ своего новаго патрона и какъ бы останавливается въ раздумьѣ передъ своимъ литературнымъ будущимъ, къ которому рвется его душа. А эта душа говоритъ ему: основывай собственный органъ, не будь зависимъ ни отъ какихъ издателей и понеси въ русское общество всю ширь своего русскаго ума. Но для такого дѣла нуженъ былъ не только умъ, не только матеріальныя средства, но и громадное счастье. И волшебная фея удачи подарила этому потомку бородинскаго героя покрывало этого счастья: онъ скоро сталъ своего рода властелиномъ русскаго издательскаго дѣла.

Мы знаемъ, что еще въ юныхъ годахъ онъ занимался издательствомъ книжекъ для народа, засимъ, въ 1872 году онъ замышляетъ очень смѣлое и оригинальное предпріятіе — издаетъ книжку «Русскій Календарь», своего рода справочную энциклопедію, которая несетъ въ массу читающей публики большое количество практическихъ знаній по разнымъ отраслямъ русской жизни. Этимъ онъ, такъ сказать, облагораживаетъ русское календарное дѣло, столь охаенное Грибоѣдовымъ, и дѣлаетъ свой календарь необходимымъ пособіемъ въ обиходной жизни русскаго обывателя. Но все это были до тѣхъ поръ пробы издательскаго счастья, настоящая звѣзда его восходитъ съ 1876 года, когда онъ въ сообществѣ съ В. Лихачевымъ пріобрѣтаетъ отъ К. В. Трубникова право на изданіе газеты «Новое Время» и 29-го февраля (Касьяновъ день) выпускаетъ первый нумеръ этой газеты. Историческій моментъ для издательства былъ избранъ удивительно удачно. По небу Балканскаго полуострова плыли черныя тучи, небо прорѣзывали яркія молніи, издали до Россіи доходили крики ужаса и скорби славянъ. Русское общество охватывало трепетное чувство состраданія къ погибающимъ братьямъ, сознавался подъемъ общественнаго мнѣнія, который искалъ себѣ талантливаго выразителя и властнаго проводника опредѣленныхъ идей. «Голосъ» Краевскаго съ его умѣреннымъ либерализмомъ и скользкимъ западничествомъ не учелъ момента дня и, опираясь на книжное доктринерство, сталъ увѣрять, что вассальное славянство не имѣетъ права противодѣйствія своему сюзерену-падишаху. Въ противовѣсъ этому доктринерству Суворинъ заявилъ: «имѣетъ право на возстаніе», и поѣхалъ на Балканскій полуостровъ первымъ русскимъ корреспондентомъ на

арену кровавыхъ дѣйствій. Его корреспонденціи оттуда были блестящи, онъ какъ бы спаялъ своимъ словомъ русскій народъ съ южнымъ славянствомъ и какъ бы вывѣсилъ на своей газетѣ знамя, напоминающее былой завѣтъ А. С. Хомякова:

«Не гордись передъ Бѣлградомъ,
«Прага, чешскихъ странъ глава!
«Не гордись предъ Вышеградомъ,
«Златоверхая Москва!
«Вспомнимъ мы, родные братья,
«Дѣти матери одной:
«Братьямъ—братскія объятья,
«Къ груди грудь, рука съ рукой!
«Не гордися силой длани
«Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ!
«Не скорби, кто въ долгой брани
«Подъ грозой судьбины палъ!
«Испытанья время строго;
«Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
«Много милости у Бога,
«Безъ границъ его любовь!
«Пронесется мракъ ненастный,
«И—ожиданный давно—
«Возсіяетъ день прекрасный,
«Братья станутъ заодно!
«Всѣ велики, всѣ свободны—
«На враговъ побѣдный строй,
«Полны мысли благородной,
«Крѣпки вѣрою одной!»

Посвящая памяти Алексѣя Сергѣевича во время его похоронъ нѣсколько теплыхъ словъ отъ имени южнаго славянства, И. П. Табурно такъ характеризовалъ отношеніе Суворина къ славянской идеѣ:

«Въ лицѣ усопшаго Алексѣя Сергѣевича Суворина южные славяне оплакиваютъ потерю одного изъ великихъ своихъ друзей. Въ самомъ дѣлѣ, покойный Алексѣй Сергѣевичъ еще до освободительной войны сталъ въ противоположный лагерь той части печати, которая и тогда, какъ и теперь, считала работу Россіи на поприщѣ освобожденія славянъ работою антирусскою, а защитниковъ ея чуть ли не предателями идей свободы. Алексѣй Сергѣевичъ былъ искреннимъ русскимъ человѣкомъ, онъ не внялъ лжелиберальнымъ воплямъ и горячо сталъ на защиту томящихся въ оковахъ тяжелаго рабства славянъ. И не одни лишь гуманныя чувства имъ руководили, но и реальные интересы собственной родины, которой онъ искренно былъ преданъ. И вотъ его горячая проповѣдь въ большой долѣ способствовала подъему общественнаго мнѣнія, которое повліяло на правительственныя сферы въ пользу единовѣрныхъ и единокровныхъ славянъ: Россія выступила за ихъ освобожденіе и этимъ занесла на скрижали міровой исторіи одно изъ великихъ своихъ дѣлъ—освобожденіе милліоновъ славянъ отъ тяжелаго ига.

Если до сихъ поръ еще часть славянъ не освобождена, то этому причина не измѣнившееся настроеніе русскаго общества, а особенно сложившіяся политическія условія.

«Покойный Алексѣй Сергѣевичъ до послѣднихъ своихъ дней не измѣнилъ тѣмъ принципамъ и той идеѣ, которымъ онъ былъ вѣренъ и тридцать пять лѣтъ тому назадъ, связывая интересы славянъ съ интересами Россіи. Покойный мнѣ говорилъ: «Россія освободила славянъ, поставила ихъ на ноги, предоставивъ имъ самимъ развиваться. Благодарны ли они, или нѣтъ, безразлично: Россія, какъ любящая мать, радуется ихъ успѣху и прогрессу, и если они на своемъ пути встрѣтятъ такое препятствіе, которое не по силамъ имъ однимъ преодолѣть, Россія непремѣнно придетъ имъ на помощь».

Яркія корреспонденціи Суворина съ Балканскаго полуострова, его теплое отношеніе въ Черняеву, Скобелеву, а главное къ Александру II нѣсколько смущали Лихачева, его соиздателя по газетѣ, и онъ однажды не рѣшился даже дать мѣсто письму съ войны своего сотоварища. Но соредакторствовавшій ему въ то время В. П. Буренинъ спасъ положеніе дѣла. Корреспонденціи печатались и производили сенсацію, а вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣплялось и вліяніе «Новаго Времени». Вліятельный «Голосъ» терялъ свое значеніе и отступалъ передъ своимъ соперникомъ, который къ исходу семидесятыхъ годовъ занялъ позицію первой по своему вліянію и распространенію столичной газеты. Союзъ съ Лихачевымъ скоро распался, и А. С. Суворинъ сталъ единоличнымъ издателемъ «Новаго Времени». Съ того времени онъ становится передъ русскимъ обществомъ во весь свой могучій ростъ и съ удивительной энергіей, упорствомъ и просвѣтительною сознательностью развиваетъ всѣ свои начинанія на пользу дорогой ему родины.

Мѣсто и время не позволяютъ мнѣ касаться на этихъ страницахъ исторіи «Новаго Времени», поскольку она мнѣ извѣстна, и дать общую характеристику этой газеты. Изъ многочисленныхъ некрологическихъ статей, посвященныхъ Алексѣю Сергѣевичу я приведу въ выдержкахъ лишь двѣ, которыя до извѣстной степени характеризуютъ этотъ органъ печати. Такъ, въ «Голосѣ Москвы» (№ 167) профессоръ Г. Локоть, отвѣчая на вопросъ: «въ чемъ сила и значеніе А. С. Суворина?» говоритъ:

«Изъ крестьянской хаты, черезъ журналистику, выйти на вершины общественной мысли и жизни великой страны, пріобрѣсти неоспоримое вліяніе не только на общественное сознаніе, но и на всю государственность этой страны,—это значитъ не только сыграть крупную историческую роль, но и быть выраженіемъ и отраженіемъ цѣлой исторической эпохи!

«Какой же именно эпохи въ исторіи Россіи былъ продуктомъ, отраженіемъ и выраженіемъ А. С. Суворинъ? Безспорно, эпохи великихъ реформъ, эпохи возрожденія старой, крѣпостной Россіи къ жизни новой, свободной, зовущей къ пробужденію дремлющихъ или скованныхъ силъ народныхъ, выдвигающей изъ нѣдръ народныхъ все сильное, все живу-

чее, все творческое и въ то же время все близкое къ подлиннымъ тайникамъ народнаго духа!

«Не по чужой и не по готовой мѣркѣ и формѣ растутъ великіе и крупные люди въ такіе періоды народнаго пробужденія. Печать самобытности личной и въ то же время глубокаго соотвѣтствія образу того народнаго цѣлаго, которое они отражаютъ, лежитъ на крупныхъ людяхъ крупныхъ историческихъ періодовъ. Подъемъ народной жизни, народнаго духа, народной энергіи и силы какъ бы суммируется и въ такомъ суммированномъ видѣ отражается на отдѣльныхъ единицахъ, выдвигая ихъ въ качествѣ крупныхъ представителей эпохи. Суммируются и отражаются и отдѣльныя черты народнаго духа и генія. И чѣмъ полнѣе эта суммація и это отраженіе, тѣмъ крупнѣе и всестороннѣе значеніе крупныхъ людей эпохи.

«Освобожденіе Россіи отъ оковъ крѣпостного строя вызвало тотъ великій подъемъ общественной и народной энергіи, который подвинулъ на дружное, энергичное служеніе общенародному духу все лучшее изъ русскаго помѣстнаго дворянства, какъ бы торопившагося этимъ служеніемъ благородно посчитаться съ русскимъ крѣпостнымъ народомъ за все прошлое. И мы видимъ расцвѣтъ поры русскаго дворянскаго либерализма, дворянскаго народничества, навсегда остающагося одной изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ жизни русскаго дворянства.

«Но освобожденіе крестьянской Россіи и пробужденіе ея къ новой жизни, конечно, должно было вызвать еще болѣе крупное, еще болѣе активное и живучее общественное явленіе, а именно—ростъ общественныхъ и государственныхъ силъ изъ самой народной, крестьянской среды. Во всѣхъ сферахъ не только народнаго труда, но и общественной и государственной жизни долженъ былъ все шире и шире проявляться освобожденный народный, крестьянскій геній, неся съ собой всѣ характерныя черты низового народнаго духа: дѣловую энергію; крѣпкое, живучее, глубоко непосредственное общее міровоззрѣніе; чувство кровной любви къ народу, къ родинѣ, къ государству и вытекающую изъ этого чувства неизгладимую, безотчетную консервативность политическаго міровоззрѣнія, какими бы случайными налетами ни покрывалось и ни маскировалось это консервативное міровоззрѣніе, и въ то же время жажду общественнаго и политическаго творчества, созиданія, безъ котораго трудовые инстинкты народнаго духа никогда не чувствуютъ себя удовлетворенными...

«Оковы готовыхъ формъ общественной мысли и всякихъ преходящихъ условностей—не страшны для людей, на которыхъ лежитъ печать дѣйствительно народнаго духа и печать крупной эпохи. Эти формы и условности легко разрушаются ими съ той органической безотчетностью, безыскусственностью, которая характерна для народнаго духа. Сама живая жизнь, ея непререкаемые и неуловимые инстинкты, указывающіе наиболѣе вѣрные, ведущіе къ цѣли пути,—только эта реальная жизнь является истиннымъ руководителемъ людей, на долю которыхъ выпадаетъ счастье быть выразителями крупныхъ моментовъ и крупныхъ силъ исторіи.

«И если общественно-близорукіе или непримиримо-враждебные русскому народному духу люди всегда говорили и долго будутъ говорить, что А. С. Суворинъ съ его «Новымъ Временемъ» является только яркимъ представителемъ и выразителемъ «психологіи успѣха», то пусть не забываютъ они, что «успѣхъ» А. С. Суворина и «Новаго Времени» есть успѣхъ тѣхъ среднихъ и высшихъ слоевъ русскаго общества, которые по своему духу и частью по своему происхожденію кровно связаны съ русскимъ крестьянствомъ, съ русскими народными низами, т. е. съ самымъ живучимъ и вѣковѣчнымъ ядромъ русскаго народа!

«Успѣхъ» А. С. Суворина—успѣхъ народной, національно-русской «буржуазіи», быстро растущей съ эпохи великихъ реформъ, быстро пріобрѣтающей все болѣе и болѣе замѣтное мѣсто въ общественной и государственной жизни Россіи. Имя А. С. Суворина будетъ исторически связано съ ростомъ, съ общественнымъ и политическимъ вліяніемъ «средняго сословія» въ Россіи, а слѣдовательно и со всѣми крупнѣйшими реформами, созданными въ интересахъ среднихъ общественныхъ слоевъ Россіи, не исключая и послѣдней, величайшей въ исторіи Россіи реформы—народнаго представительства!

«Не подпольной работой на пользу революціи и сочувствіемъ этой революціи, не какими-либо либеральными «выступленіями» и не какими-нибудь закулисными вліяніями въ тѣхъ бюрократическихъ верхахъ, въ близости къ которымъ обычно обвиняли слѣва А. С. Суворина и его газету,—не этими механическими путями «успѣхъ» А. С. Суворина связанъ съ успѣхомъ идеи народнаго представительства въ Россіи, а только простымъ, но глубоко жизненнымъ и важнымъ фактомъ общественнаго объединенія тѣхъ среднихъ слоевъ Россіи, которые кровно связаны съ русскимъ народомъ и типичнѣйшимъ представителемъ которыхъ является самъ А. С. Суворинъ.

«Аристократъ русскаго народнаго ума, А. С. Суворинъ въ общественно-политическомъ своемъ значеніи является крупнѣйшимъ, истиннымъ представителемъ русской средней имущей демократіи—русскаго «средняго сословія», которому впереди предстоитъ все болѣе и болѣе крупная общественно-политическая роль. Въ этомъ—«успѣхъ» А. С. Суворина, и въ этомъ источникъ того небывалаго въ исторіи русской журналистики вниманія и вліянія въ политическихъ сферахъ не только Россіи, но и Европы, какое выпало на долю потомка бобровскаго крестьянина Воронежской губерніи!»

Въ томъ же «Голосѣ Москвы» (№ 186) г. М. Любимовъ, характеризуя покойнаго Суворина, говоритъ:

«Имя Суворина принадлежитъ исторіи. Намъ, современникамъ, въ непосредственной къ нему близости, да еще подъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, трудно цѣликомъ охватить эту огромную самобытную фигуру, трудно оцѣнить все то, что онъ сдѣлалъ въ разнообразныхъ отрасляхъ жизни, литературы и искусства, въ которыхъ работалъ его неутомимый умъ... Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ первый создалъ въ Россіи большую «политическую газету», съ которой, какъ съ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, вскорѣ стали считаться не только въ Россіи, но и за границей.

«Онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ все яркое, все талантливое, и многіе изъ писателей, нынѣ подвизающихся въ оппозиціонномъ и даже революціонномъ лагерѣ и считающихъ своей обязанностью при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ ругать «суворинскую газету», именно въ ней начали свою карьеру, были выдвинуты Суворинымъ, обласканы имъ, часто обезпечены. Можетъ быть, не у одного «революціонера» искренней затаенной скорбью сожмется сердце при извѣстіи о смерти «старика Суворина». Нужны ли имена?

«Талантливыя литературныя силы, привлеченныя въ «Новое Время»,—а больше всего, конечно, самъ Суворинъ,—неутомимый организаторъ, редакторъ и писатель,—создали газетѣ огромный кругъ читателей.

«И этотъ успѣхъ не былъ созданъ угодничествомъ, стремленіемъ подладиться подъ вкусы толпы. Наоборотъ, Суворинъ часто, очень часто шелъ противъ теченія, никогда не кривя душой, чтобы попасть въ тонъ

«моднымъ вѣяніямъ», каковы бы они ни были. Его «Маленькія письма» нерѣдко шли вразрѣзъ съ тѣмъ, что въ ту минуту считалось непреложнымъ. Это создавало ему массу враговъ. Бывали случаи, когда на страницахъ враждебныхъ ему газетъ, не могшихъ простить ему блестящаго успѣха, раздавался откровенный призывъ къ «бойкоту» «Новаго Времени». Печатались «коллективныя» письма будто бы нововременскихъ читателей, отрекавшихся отъ «Новаго Времени» и клявшихся отнынѣ читать только «Новости» Нотовича. Но «Новости» хирѣли и, зачахнувъ, тихо скончались, а «Новое Время» развивалось и крѣпло.

«Въ безумномъ 1905 году, когда, какъ грибы, нарождались откровенно революціонныя газеты, когда общество почти поголовно было охвачено революціоннымъ бредомъ, старикъ Суворинъ не потерялъ головы, и только со страницъ «Новаго Времени» раздался спокойный, трезвый голосъ. Въ лѣвомъ лагерѣ были увѣрены: теперь «Новому Времени»—конецъ! Кто будетъ читать «Новое Время», когда есть «Товарищъ», «Сынъ Отечества» и чуть не десятокъ другихъ изданій, выходившихъ съ печатавшимся крупными буквами девизомъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» Но и изъ этого кошмарнаго времени суворинская газета вышла невредимой и еще болѣе укрѣпила свое положеніе.

«Секретъ этого постояннаго успѣха заключался не только въ силѣ вліянія литературнаго и организаторскаго таланта старика Суворина, но и, главнымъ образомъ, въ строго опредѣленной національной позиціи, съ которой никогда и ни при какихъ условіяхъ не сходила его газета.

«Суворинъ былъ просвѣщенный и терпимый человѣкъ. Не признавая узкихъ партійныхъ рамокъ, онъ называлъ свою газету «парламентомъ» и не стѣснялъ сотрудниковъ «направленіемъ». Свобода мнѣній—было его девизомъ, и, правда, нерѣдко на страницахъ «Новаго Времени» встрѣчались противоположныя мнѣнія, нерѣдко возгоралась ожесточенная полемика между постоянными сотрудниками газеты. Но зато въ національномъ вопросѣ тамъ никогда не было разногласій, и прежде всего всегда стояли интересы Россіи и русскихъ.

«Это самоотверженное служеніе русскому народу, его національнымъ интересамъ проводилось съ непреклонной прямолинейностью, и съ этой позиціи, какъ безсмѣнный часовой, Суворинъ не отступалъ никогда. Въ дѣлѣ воспитанія русскаго національнаго самосознанія покойный Суворинъ сыгралъ выдающуюся роль,—и эту роль со временемъ по заслугамъ оцѣнитъ потомство.

«Малый театръ не зовутъ иначе, какъ «Суворинскій». И такъ это и есть въ дѣйствительности. Суворинъ вложилъ въ него массу личной энергіи и огромныя средства и почти единолично создалъ театръ, считающійся образцовымъ наравнѣ съ Императорской сценой.

«Суворинскій театръ создалъ новую эру въ театральномъ дѣлѣ. Онъ широко открылъ свои двери драматургамъ и артистическимъ силамъ, затиравшимся монопольной «казенной» дирекціей, у которой были свои любимчики, властвовавшіе въ театрѣ. Многіе драматурги, многіе артисты, пользующіеся теперь огромной извѣстностью, начинали свою карьеру у Суворина. Многіе артисты императорскихъ театровъ, не уживавшіеся въ ихъ душной казеной атмосферѣ, опять-таки уходили къ Суворину и въ его театрѣ находили просторъ для своего творчества. Въ параллельныхъ постановкахъ Александринскаго и Суворинскаго театровъ побѣда нерѣдко оставалась за послѣднимъ.

«А. С. Суворинъ и самъ былъ драматургомъ. Его «Татьяна Рѣпина» обошла всѣ театры и до сихъ поръ не сходитъ съ репертуара.

«Въ кипучей неустанной работѣ А. С. Суворинъ дожилъ до глубокой старости. Три года тому назадъ онъ праздновалъ пятидесятилѣтіе своей

литературной дѣятельности и удостоился Высочайшей милости и признанія его заслугъ съ высоты Престола. Какъ ни старалась тогда лѣвая печать преуменьшить значеніе этого юбилея, онъ все-таки былъ крупнымъ общественнымъ фактомъ, и тысячи привѣтствій со всѣхъ концовъ Россіи показали, что недаромъ прожилъ Суворинъ свою жизнь, что работа его встрѣтила и сочувствіе и поддержку.

«Теперь—умеръ старикъ Суворинъ. Но не умерло дѣло, которому отдалъ онъ свою жизнь, и на закатѣ дней онъ могъ убѣдиться, что не пропали брошенныя имъ сѣмена, что растетъ и крѣпнетъ русское національное дѣло, и никакія усилія враговъ ему уже не страшны».

Всѣмъ сказаннымъ, конечно, не исчерпывается ни общее значеніе А. С. Суворина, какъ характерной исторической фигуры, ни его главнаго литературнаго начинанія—газеты «Новое Время». Онъ какъ бы стоялъ на стражѣ судьбы Россіи на собственный страхъ и рискъ, порой бичуя ее, подобно Гоголю и Хомякову, своимъ литературнымъ бичомъ, порою обливая слезами любви и радости. Читая его «Маленькія письма», нѣкоторые иногда улавливали какъ бы измѣнчивость его принципіальныхъ воззрѣній. Но это только кажущееся: Суворинъ оставался тѣмъ же, какимъ вышелъ на свою литературную дорогу. Вопросъ сводился къ обстоятельствамъ времени, къ извѣстной нужной позиціи, стоя на которой возможно было добиться желаннаго, а желанное это было: свобода Россіи, ея просвѣщеніе, ея національное самосознаніе, ея міровое могущество.

Сознавая, что изданіемъ одной лишь газеты далеко не достигнешь намѣченныхъ цѣлей, Алексѣй Сергѣевичъ рядомъ съ нею открываетъ издательство общедоступныхъ дешевыхъ книгъ и, по словамъ покойнаго профессора Кирпичникова, «становится Наполеономъ русскаго книжнаго дѣла». Въ то время, какъ академія наукъ, какъ министерство народнаго просвѣщенія и прочія просвѣтительныя учрежденія и установленія пребывали въ завидномъ покоѣ, онъ съ неутомимой энергіей двигаетъ въ русскую публику сначала «Дешевую Библіотеку», затѣмъ «Новую Библіотеку», гдѣ даетъ виднѣйшія произведенія русской и западной литературы, причемъ всѣ эти изданія намѣчаются имъ по собственному выбору и можно только удивляться, какъ хватало у этого человѣка, котораго буквально разрывала вся Россія, еще времени на созданіе этихъ библіотекъ. Если ознакомиться съ однимъ спискомъ этихъ изданій, то увидишь тутъ громадную безпристрастную и безпартійную обширную энциклопедію гуманитарныхъ наукъ, на которой воспитались ряды поколѣній. Чтобы двигать эти библіотеки, онъ создаетъ въ Петербургѣ одинъ изъ первыхъ въ столицѣ книжныхъ магазиновъ и открываетъ его отдѣленія въ разныхъ городахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ создаетъ и типографію, гдѣ устанавливаетъ необычныя у насъ условія труда. Очерчивая эти условія, представитель журнала «Наборщикъ и Печатный Міръ» А. А. Филипповъ повѣдалъ по сему предмету на могилѣ Суворина слѣдующее:

«Если мы безпристрастно взглянемъ на исторію книгопечатанія въ Россіи, то увидимъ, что въ ней есть два имени, которыя особенно ярко обрисовываются. Это—первопечатникъ Иванъ Федоровъ и Алексѣй Суворинъ. Многострадальная исторія первопечатника извѣстна, но исторія продолжателя его еще начинается, и главнымъ образомъ, благодаря удивительной скромности покойнаго, видѣвшаго рекламу даже тамъ, гдѣ была только правда. И здѣсь, надъ раскрытой могилой, смѣло можно сказать, что Алексѣй Сергѣевичъ, устроивъ въ 1884 году первую частную школу въ Россіи, на широкихъ началахъ, первый, какъ типографъ, пошелъ навстрѣчу назрѣвшей необходимости поднять технику печатнаго дѣла.

«Имѣя въ виду свое же изреченіе: «Давайте больше доброты особенно тѣмъ, кто хочетъ жить и трудиться», Алексѣй Сергѣевичъ устроилъ для работающихъ въ типографіи и ихъ семей медицинскую помощь въ своемъ домѣ. Врачъ вызывался служащими даже на домъ, какъ это дѣлается въ вспомогательной кассѣ наборщиковъ. Затѣмъ при типографіи «Новаго Времени» была устроена ссудо-сберегательная касса, библіотека и прочее. На рождественскую елку, которую Алексѣй Сергѣевичъ очень любилъ посѣщать, собиралось до 1000 дѣтей его служащихъ отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ. Если къ этому прибавить, что неспособные къ труду, а также вдовы и сироты работавшихъ въ «Новомъ Времени» никогда не оставались безъ матеріальной помощи, то получится, что ни одинъ владѣлецъ печатнаго заведенія въ Россіи не заботился о своихъ рабочихъ такъ, какъ Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ, къ слову сказать, особенно радѣвшій о тѣхъ работникахъ, которые вмѣстѣ съ нимъ начинали тяжелую и отвѣтственную газетную работу. Широкой волной разливалась доброта Алексѣя Сергѣевича, и доброта эта бодрила, одухотворяла рабочихъ. Несомнѣнно, имена Ивана Федорова и Алексѣя Суворина являются въ исторіи Россіи самыми свѣтлыми, прекрасными, и не только современники, но и потомки никогда ихъ не забудутъ».

IV.

Въ 1880 году, послѣ того, какъ С. Н. Шубинскій потерпѣлъ своего рода крушеніе съ изданіемъ «Древней и Новой Россіи», онъ съ помощью Алексѣя Сергѣевича создалъ «Историческій Вѣстникъ». Вотъ что по сему предмету редакторъ нашего журнала повѣствуетъ въ имѣющейся у меня его автобіографической запискѣ:

«Какъ-то разъ, если не ошибаюсь, въ мартѣ мѣсяцѣ (1879 года), я зашелъ къ А. С. Суворину, всегда любезно относившемуся ко мнѣ лично и къ «Древней и Новой Россіи», для которой онъ даже написалъ года три назадъ, по моей просьбѣ, статью о Пушкинѣ. Въ откровенной бесѣдѣ я между прочимъ разсказалъ ему поло-

женіе дѣлъ «Древней и Новой Россіи» и безъ всякой задней мысли, кстати, спросилъ, не укажетъ ли онъ мнѣ на кого-нибудь, къ кому я могъ бы обратиться съ предложеніемъ пріобрѣсти этотъ журналъ. Къ величайшему моему изумленію, онъ, не задумываясь, выразилъ готовность купить и продолжать изданіе. Предложеніе это было такъ для меня неожиданно, что я счелъ его не болѣе, какъ пустой фразой. Я просилъ Суворина посерьезнѣе подумать объ этомъ и сказалъ, что зайду черезъ недѣлю. Въ назначенное время я явился и услышалъ то же согласіе, но выраженное уже въ положительной формѣ, при чемъ онъ уполномочилъ меня войти въ соглашеніе съ Граціанскимъ. Желая разстаться съ моимъ издателемъ самымъ дружелюбнымъ образомъ и заботясь искренно о томъ, чтобы облегчить ему, насколько возможно, понесенныя на журналѣ потери, я предложилъ Суворину уплатить Граціанскому за право изданія 5.000 рублей и безъ возраженія получилъ согласіе и на это.

«Обрадованный, я поспѣшилъ въ тотъ же день передать Граціанскому мой разговоръ съ Суворинымъ. Онъ выслушалъ мои объясненія съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и не далъ никакого рѣшительнаго отвѣта, обѣщаясь подумать. Въ послѣдующіе дни я настаивалъ на какомъ-нибудь рѣшеніи, но, несмотря на всѣ усилія, не могъ ничего добиться. Меня это ужасно волновало, и я тщетно ломалъ себѣ голову, стараясь разгадать причину такого образа дѣйствій Граціанскаго. Онъ самъ разъяснилъ мнѣ ее впослѣдствіи. Постоянный сотрудникъ «Древней и Новой Россіи» П. А. Гильтебрандтъ, узнавъ о переговорахъ моихъ съ Граціанскимъ, убѣждалъ его не продавать изданія, увѣряя, что оно погибаетъ единственно отъ моей неумѣлости, и вызывался поднять его подъ своимъ редакторствомъ. Однако я продолжалъ требовать категорическаго рѣшенія и наконецъ поставилъ вопросъ ребромъ. Граціанскому уже нельзя было долѣе уклоняться, и онъ объявилъ свое «послѣднее слово». Онъ потребовалъ, чтобы Суворинъ, кромѣ уплаты 5,000 рублей за право изданія, додалъ бы на свой счетъ подписчикамъ остающіяся восемь книжекъ «Древней и Новой Россіи» за 1879 годъ, что, по меньшей мѣрѣ, равнялось еще 12,000 рубл. Условіе было невозможное, и я съ тяжелымъ чувствомъ ушелъ отъ Граціанскаго, пожелавъ ему не раскаяться въ томъ, что онъ не воспользовался моимъ посредничествомъ, въ которомъ я руководился единственно сердечнымъ побужденіемъ оказать ему услугу.

«Тогда мы съ Суворинымъ рѣшили основать новый историческій журналъ. Я составилъ программу, въ которую, соображаясь съ вкусами публики, ввелъ историческій романъ и повѣсть и иностранную исторіографію, а Суворинъ придумалъ, нельзя сказать, чтобы очень удачно, названіе «Историческій Вѣстникъ». Я поѣхалъ къ тогдашнему предсѣдателю главнаго управленія по дѣламъ печати,

В. В. Григорьеву, объяснилъ ему все дѣло и получилъ увѣреніе, что новое изданіе не встрѣтитъ ни малѣйшихъ препятствій. На слѣдующій же день Суворинымъ было подано офиціальное прошеніе о разрѣшеніи издавать «Историческій Вѣстникъ», а я, согласно условію, заключенному со мною при основаніи «Древней и Новой Россіи» Граціанскимъ, заявилъ послѣднему, что съ 1-го октября оставляю редактированіе этого журнала [1]). Съ энергіей и надеждою на хорошее будущее отдался я организаціи новаго предпріятія. Все шло очень успѣшно и радовало меня, какъ вдругъ разразился ударъ съ той стороны, откуда я всего менѣе могъ его ожидать. Однажды вечеромъ подаютъ мнѣ пакетъ за казенной печатью. Развернувъ заключавшуюся въ немъ бумагу, я остолбенѣлъ. Главное управленіе по дѣламъ печати увѣдомляло меня, что министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ не разрѣшилъ изданіе «Историческаго Вѣстника».

«Я провелъ очень скверную ночь и на другой день, рано утромъ, надѣвъ мундиръ, отправился къ Макову. Онъ принялъ меня довольно любезно и откровенно объяснилъ причину своего отказа.

«— Въ послѣднее время,—сказалъ онъ,—въ печати стали появляться неблаговидные, пошлые намеки на то, что будто бы я и въ особенности В. В. Григорьевъ оказываемъ какое-то исключительное благоволеніе къ Суворину; во всемъ ему мирволимъ и предупредительно исполняемъ всѣ его желанія. Разрѣшить ему еще новое изданіе, когда только недавно разрѣшено «Еженедѣльное Новое Время», значитъ дать его противникамъ поводъ къ новымъ инсинуаціямъ. Господа журналисты дошли до того, что въ полемикѣ между собой не стѣсняясь обливаютъ друга другъ помоями, и я не хочу, чтобы брызги отъ этихъ помоевъ попадали въ меня и В. В. Григорьева, котораго я уважаю. Вамъ лично я разрѣшу изданіе, а Суворину нѣтъ.

«Отъ Макова я поѣхалъ къ Суворину и сообщилъ ему о происшедшемъ, разумѣется, со всѣми мелочами. Хотя онъ старался казаться совершенно равнодушнымъ, но я замѣтилъ, что разсказъ мой о неожиданномъ для него препятствіи, встрѣченномъ на первомъ же шагу «Историческимъ Вѣстникомъ», охладилъ его къ задуманному изданію. Онъ старался меня успокоить и сказалъ, чтобы я просилъ о разрѣшеніи изданія на свое имя, а онъ не отказывается, какъ уже обѣщалъ, давать всѣ матеріальныя средства для его осуществленія и веденія. Это было благородно и не могло не тронуть меня. Я опять поѣхалъ къ Макову и съ трудомъ убѣдилъ его позволить мнѣ напечатать въ объявленіяхъ объ изданіи «Историческаго

[1]) Послѣ меня Граціанскій выпустилъ нѣсколько книжекъ «Древней и Новой Россіи», подъ редакціей П. А. Гильтебрандта, а затѣмъ, въ мартѣ 1880 года, прекратилъ изданіе.

Вѣстника», что этотъ журналъ будетъ издаваться «при содѣйствіи А. С. Суворина», и что «отвѣтственность за исправный выходъ книжекъ и аккуратность всѣхъ расчетовъ принимаетъ на себя книжный магазинъ «Новаго Времени». Первый (1880-й) годъ «Историческій Вѣстникъ» выходилъ съ моей на немъ подписью, какъ «редактора-издателя», но черезъ годъ обстоятельства перемѣнились, и Суворину безъ всякихъ затрудненій разрѣшили подписываться издателемъ, которымъ онъ и былъ въ дѣйствительности».

Въ созданіи «Историческаго Вѣстника» сказались, какъ то я и отмѣтилъ въ своей рѣчи на могилѣ Алексѣя Сергѣевича, вся типичность, благородство и широта его природы. Будучи дѣятелемъ очень опредѣленнаго политическаго стяга, онъ предоставилъ редактору журнала, принадлежавшему скорѣе къ западнической либеральной фракціи, полную свободу дѣйствія, полную независимость, охотно допуская, чтобы въ журналѣ, издаваемомъ подъ его флагомъ, работали не только люди ему единомышленные, но и инако вѣрующіе и даже принципіальные противники. Если вспомнить исторію журнала, то мы увидимъ въ ряду его сотрудниковъ В. О. Михневича, Г. К. Градовскаго, Р. И. Сементковскаго, В. И. Модестова и др., которые, будучи постоянными работниками «Новостей» О. К. Нотовича, почти ежедневно вели принципіальную борьбу и съ «Новымъ Временемъ», и съ самимъ Суворинымъ, какъ авторомъ «Маленькихъ писемъ». Такого рода терпимостью издатель «Историческаго Вѣстника» какъ бы отмежевалъ газетное преходящее и повседневное отъ журнальнаго научно-литературнаго.

Онъ горячо любилъ этотъ издаваемый имъ журналъ, высоко цѣнилъ своего редактора и когда мнѣ приходилось по тѣмъ или другимъ редакціоннымъ поводамъ обращаться къ нему въ дни тяжкихъ болѣзней С. Н. Шубинскаго по дѣламъ журнала, все лицо Суворина расцвѣтало лаской и радостной улыбкой и ясно говорило о воодушевляющихъ его добрыхъ чувствахъ. За мѣсяцъ до кончины Суворина мнѣ пришлось навѣстить его по одному случаю. Исхудалый, осунувшійся, блѣдный, сидѣлъ онъ у окна своего кабинета, видимо, страшно страдая отъ неизлечимаго недуга. И нужно было видѣть это сіяніе добрыхъ глазъ, когда я сталъ ему говорить о журналѣ, о планахъ на будущее, о здоровьи его друга-редактора!..

Страстный любитель исторіи, Алексѣй Сергѣевичъ, кромѣ названныхъ періодическихъ изданій, охотно шелъ навстрѣчу и роскошнымъ издательствамъ въ интересахъ все того же русскаго просвѣщенія. Такъ, имъ изданы: «Иллюстрированная исторія Петра Великаго» и «Иллюстрированная исторія Екатерины II», «Картины Лондонской національной галереи», «Картины императорскаго Эрмитажа», «Историческая портретная галерея», «Дрезденская картинная галерея» съ текстомъ г. Люке, «Императоръ Павелъ I»,

«Императоръ Александръ I» и «Императоръ Николай I» Н. К. Шильдера, «Олеарій, описаніе путешествія въ Московію», и другихъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи: Герберштейна, Флетчера, Плано Карпини, Корба, «Палестина» А. А. Суворина, «Историческіе очерки и разсказы» С. Н. Шубинскаго и мн. др.

Благодаря любезному вниманію Алексѣя Сергѣевича къ моей скромной литературной дѣятельности, онъ согласился и на изданіе моихъ очерковъ по исторіи русской революціи, которые въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ.

Напрасно было бы думать, что, издавая роскошныя книги, Суворинъ руководился какими-нибудь коммерческими расчетами; это была потребность его души, потребность сѣять въ Россіи «разумное и вѣчное», и въ этомъ отношеніи мнѣ ярко вспоминается одинъ характерный случай, обрисовывающій его какъ крупнаго издателя-мецената. Провинціальный нашъ сотрудникъ С. Н. Браиловскій дѣлаетъ предложеніе объ изданіи полнаго собранія сочиненій поэта Пушкинской плеяды Туманскаго. Предполагая, что это изданіе будетъ носить характеръ изданій «Дешевой Библіотеки», вродѣ Веневитинова, Дельвига, Баратынскаго, Одоевскаго, Цыганова и другихъ, С. Н. Шубинскій, по соглашенію съ Суворинымъ, даетъ предлагающему благопріятный отвѣтъ: «присылайте, молъ, собранное съ вашимъ предисловіемъ». Лѣтомъ прошлаго года С. Н. Шубинскій тяжко заболѣлъ, а въ это время отъ Браиловскаго получается тяжеловѣсная посылка—стихи, письма Туманскаго, его, Браиловскаго, обширное предисловіе. Суворинъ въ городѣ, и больной редакторъ «Историческаго Вѣстника» поручаетъ мнѣ съ нимъ повидаться и сказать отъ его имени, что такого громоздкаго изданія нельзя предпринимать, что оно явно убыточно, что вышло недоразумѣніе и что посылку нужно вернуть Браиловскому при объяснительномъ письмѣ. Исполняю возложенную на меня миссію и слышу отвѣтъ:

— Конечно, гдѣ теперь предпринимать такое изданіе...

— Такъ я такъ и напишу Браиловскому и верну ему рукопись?

— Нѣтъ, оставьте это все у меня. Я тутъ кое-что посмотрю.

— Сергѣй Николаевичъ боится, что вы куда-нибудь засунете эти бумаги и потомъ ихъ не найти.

— Что это за анекдоты! Ничего я не теряю. А вы вотъ что лучше сдѣлайте: повидайтесь на всякій случай съ Богдановымъ (управляющій типографіей) и Кормилицынымъ (управляющій магазиномъ), пусть сдѣлаютъ смѣту и выскажутся, стоитъ ли городъ городить.

Навожу всѣ справки, въ точности выясняю, что изданіе несомнѣнно убыточно. Докладываю объ этомъ Суворину.

— Конечно, конечно, убыточно... Не до того теперь.

— Такъ позволите взять пакетъ?

— Что вы ко мнѣ пристали? Я еще тамъ не все просмотрѣлъ. Заходите черезъ три дня.

Прихожу въ назначенное время.

— Что скажете, голубчикъ?

— Да вотъ насчетъ Тумапскаго опять...

— А что такое? Я ужъ все отправилъ въ типографію для набора. Я его издамъ. Третьяго дня ночью мнѣ не спалось, сталъ я все это перечитывать и такъ на меня пахнуло стариной тридцатыхъ годовъ, эпохой Пушкина и такъ стало хорошо... Что тутъ какіе-то рубли считать!

Затѣмъ съ точно виноватой улыбкой добавляетъ:

— Вы ужъ тамъ какъ-нибудь умилостивьте Шубинскаго, чтобъ онъ не сердился, что я не послушался его совѣта. Надо же и мнѣ побаловаться!

Уже тяжко больной и въ значительной степени сокращая издательскую дѣятельность меценатскаго порядка, онъ все же отъ времени до времени посылалъ свои неразборчиво написанныя записочки С. Н. Шубинскому съ запросами, нѣтъ ли въ его библіотекѣ чего-нибудь рѣдкаго по исторіи Россіи, что бы стоило издать. Приближенные часто должны были употреблять усилія, чтобы оберечь пылкаго издателя отъ его невыгодныхъ въ матеріальномъ отношеніи замысловъ и остановить его рвеніе.

Кромѣ только что перечисленныхъ изданій историческаго характера, имъ выпущено въ свѣтъ не мало крупныхъ литературныхъ произведеній и сочиненій, какъ-то: Пушкина (подъ редакціей П. А. Ефремова), Лермонтова, Авсѣенка, Апухтина, Бѣжецкаго, П. П. Гнѣдича, Григоровича, Е. П. Карновича, А. Ѳ. Кони, В. Крестовскаго (псевдонимъ Хвощинской), Вас. Немировича-Данченка, Фофанова, Щеглова и другихъ, а также и переводныя: Жюль-Верна, Данте, Фаррара, Фламмаріона, Шиллера, Шопенгауэра, классиковъ—Плутарха, Еврипида, Софокла, Эсхила, Эзопа и другихъ.

Кромѣ любви къ журналистикѣ и издательству, у Суворина была особенная страсть къ театру. Можно сказать, что исторія русскаго театра за послѣдніе двадцать пять лѣтъ непосредственно связана съ его именемъ. Еще на страницахъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» онъ выступилъ въ роли театральнаго рецензента и сразу обратилъ на себя вниманіе, какъ чуткій цѣнитель талантовъ и пониматель задачъ сценическаго искусства. Съ тѣхъ поръ въ теченіе сорока лѣтъ онъ не отходилъ отъ сцены, внимательно слѣдя за всѣми ея перипетіями, за нарожденіемъ новыхъ талантовъ и пробивая черезъ казенную рутину офиціальнаго театра новые пути. Не удовлетворенный въ концѣ концовъ состояніемъ и репертуаромъ казенной сцены, онъ съ 1895 года становится во главѣ театральнаго предпріятія Литературно-Художественнаго общества (Малый театръ); онъ открываетъ борьбу съ театральной цензурой и добивается разрѣшенія постановки такихъ драматическихъ произведеній, которыя были подъ строгимъ запретомъ, какъ-то: трилогія графа А. Толстого,

«Власть тьмы» Л. Н. Толстого; ставитъ па сценѣ «своего» театра рядъ пьесъ изъ западно-европейской жизни и даетъ дорогу многимъ русскимъ талантамъ, которые безъ его содѣйствія со своими драматическими произведеніями оставались бы не у дѣлъ. Я не имѣю возможности здѣсь говорить объ этой сторонѣ дѣятельности Алексѣя Сергѣевича; отмѣчу лишь, что въ своей кипучей театральной дѣятельности онъ не только проявлялъ свои силы, какъ организаторъ и новаторъ, но и какъ выдающійся драматургъ, произведенія котораго съ большимъ успѣхомъ обошли всѣ сцены русскихъ театровъ. Такъ, совмѣстно съ В. П. Буренинымъ онъ написалъ драму «Медея», самостоятельно комедію «Татьяна Рѣпина», «Вопросъ», рядъ мелкихъ пьесъ и, наконецъ, пятиактную драму «Царь Дмитрій Самозванецъ и царевна Ксенія».

Послѣдняя пьеса взяла свое происхожденіе изъ тѣхъ его трудовъ, которые были посвящены спеціально смутному времени; это время и таинственная личность Самозванца привлекали издавна его особое вниманіе. Онъ усматривалъ здѣсь своимъ критическимъ чутьемъ историка особенно рельефное проявленіе всѣхъ сторонъ русской жизни и силою глубокаго анализа по случайнымъ чертамъ возстановлялъ истину о трагически погибшемъ первомъ Самозванцѣ. Тождество послѣдняго съ царевичемъ Дмитріемъ было для него несомнѣнно, и въ цѣломъ рядѣ блестящихъ историческихъ статей со свойственной ему страстностью и талантомъ онъ доказывалъ свое излюбленное положеніе. Труды А. С. Суворина по смутному времени—богатый вкладъ въ нашу литературу и будутъ безпристрастными историками поминаться, какъ прекрасный источникъ для изученія того загадочнаго времени.

Оставивъ по себѣ слѣдъ въ исторической наукѣ, онъ связалъ свое имя и съ исторіей литературы, какъ знатокъ Пушкина при разоблаченіи извѣстной поддѣлки «Русалки» въ «Русскомъ Архивѣ». Тонкость его критическихъ методовъ тутъ изумительна, и нужно только удивляться, что эта сторона его литературной дѣятельности осталась не оцѣненною нашимъ высшимъ разсадникомъ просвѣщенія въ день его пятидесятилѣтняго литературно-общественнаго юбилея. Печальная политическая партійность сыграла тутъ свою роль, и, конечно, во всякой другой странѣ, гдѣ культура стоитъ выше, имя Алексѣя Сергѣевича не было бы забыто аналогичными учрежденіями.

Не считая мелкихъ повѣстей, написанныхъ имъ въ началѣ его литературной дѣятельности, онъ написалъ и большой романъ «Въ концѣ вѣка. Любовь», гдѣ онъ тонко подмѣтилъ тяготѣніе нашего общества къ тому таинственному невѣдомому, спросъ на которое сейчасъ у насъ такъ великъ. Онъ въ этомъ отношеніи какъ бы опередилъ общественную мысль и еще много лѣтъ тому назадъ сказалъ то, чѣмъ нынѣ такъ заняты г.г. Розановъ, Философовъ и другіе.

Когда озираешь всю эту кипучую работу русскаго журналиста, этого организатора разныхъ предпріятій, этого представителя русской общественности и политической мысли, если попытаешься заглянуть за завѣсу его жизни, гдѣ шла непрестанная работа по сношенію съ видными дѣятелями русской и иностранной государственности, то приходишь положительно въ недоумѣніе, откуда этотъ колоссъ труда бралъ силъ и времени для всего имъ дѣлаемаго. Я думаю, что въ нашей общественной жизни второго Суворина еще не было—по крайней мѣрѣ я въ исторіи нашей литературы такого не знаю. Журналистика, историческая и литературная работа, дѣятельность по театру, непрерывная политическая борьба, вѣчное кипѣніе вопросами дня, и все это въ крупномъ масштабѣ, въ яркомъ, подчасъ феерическомъ освѣщеніи! И при всемъ томъ удивительная простота личной жизни, полное отсутствіе тщеславія и нежеланіе выставлять впередъ своего имени для знаковъ признательности и благодарности. Онъ даже не хотѣлъ, чтобы справляли юбилей пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, грозясь уѣхать въ этотъ день изъ Петербурга и не появиться на торжествѣ, если его организуютъ, и только просьбы и уговоры близкихъ убѣдили его согласиться на этотъ праздникъ, къ которому радостно готовились многіе и многіе русскіе люди. И празднество 27-го февраля 1909 года вышло, дѣйствительно, на славу, какъ празднество общественное и политическое. Возстановляемъ описаніе этого знаменательнаго въ жизни А. С. Суворина дня по статьѣ, которая была напечатана въ нашемъ журналѣ.

V.

Празднованіе началось съ утра 27-го февраля. Начала его типографія «Новаго Времени». Здѣсь въ классѣ школы при типографіи собрались, во главѣ съ управляющимъ г. Богдановымъ, всѣ служащіе типографіи, метранпажи и наборщики, служащіе въ главной конторѣ во главѣ съ управляющей ея, г-жой Леонтьевой, администрація и служащіе въ книжномъ магазинѣ, во главѣ съ управляющимъ г. Кормилицынымъ, администрація экспедиціи газеты, разсыльные при редакціи и типографіи, рабочіе, ученики школы. Законоучитель школы протоіерей Любославскій совершилъ торжественное молебствіе, передъ которымъ обратился къ присутствовавшимъ съ краткимъ словомъ.

Послѣ молебствія отправилась на квартиру юбиляра депутація отъ всѣхъ учрежденій типографскихъ, газетныхъ, книжнаго магазина и школы привѣтствовать А. С., при чемъ самый младшій изъ учениковъ вручилъ юбиляру букетъ цвѣтовъ.

Рано утромъ А. С. Суворину былъ присланъ отъ Государя кабинетный фотографическій портретъ Его Величества въ драго-

цѣнной рамѣ съ собственноручною надписью: «*А. С. Суворину, честно проработавшему на литературномъ поприщѣ въ теченіе 50 лѣтъ на пользу родной страны*».

Однимъ изъ первыхъ поздравилъ А. С. сербскій посланникъ, затѣмъ онъ же пріѣхалъ вторично, потому что получилъ телеграмму отъ сербскаго министра-президента съ порученіемъ поздравить Алексѣя Сергѣевича отъ имени королевскаго сербскаго кабинета министровъ. Изъ русскихъ сановниковъ посѣтили юбиляра министры: военный—генералъ Редигеръ, морской—свиты Его Величества контръ-адмиралъ Воеводскій, финансовъ—статсъ-секретарь Коковцовъ, юстиціи—тайный совѣтникъ Щегловитовъ, народнаго просвѣщенія—тайный совѣтникъ Шварцъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода тайный совѣтникъ Лукьяновъ, государственный контролеръ тайный совѣтникъ Харитоновъ, дворцовый комендантъ генералъ-лейтенантъ Дедюлинъ, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, министръ иностранныхъ дѣлъ гофмейстеръ Извольскій, министръ путей сообщенія тайный совѣтникъ Рухловъ, свиты Его Величества генералъ-майоръ князь Оболенскій, графъ Витте, статсъ-секретарь Куломзинъ, директоръ императорскихъ театровъ г. Теляковскій, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Чарыковъ, членъ государственнаго совѣта графъ С. Д. Шереметевъ, русскій министръ-президентъ въ Черногоріи дѣйствительный статскій совѣтникъ Максимовъ, с.-петербургскій градоначальникъ генералъ Драчевскій.

Дамы—жены сотрудниковъ, вмѣстѣ съ Е. И. Сувориной, женой редактора Мих. Ал. Суворина, привѣтствовали юбиляра въ часъ дня на квартирѣ и поднесли хрустальную въ художественной серебряной оправѣ вазу съ живыми цвѣтами; на вазѣ надѣта на цѣпочкѣ серебряная дощечка съ именами всѣхъ подносившихъ. Было много подношеній и подарковъ отъ частныхъ лицъ.

Въ Дворянскомъ собраніи торжественный юбилейный актъ начался молебствіемъ. Залъ былъ полонъ: въ немъ собралось свыше 4,000 человѣкъ, всѣ по именнымъ билетамъ. Даже были заняты всѣ хоры, опоясывающіе огромный залъ. Въ молебнѣ приняли участіе въ сослуженіи преосвященному Евлогію цензоръ архимандритъ Меѳодій, настоятель Казанскаго собора протоіерей Сосняковъ, настоятель Воскресенскаго женскаго монастыря протоіерей Буткевичъ, законоучитель школы при типографіи Суворина протоіерей Любославскій.

Въ глубинѣ зала, на эстрадѣ, обведенной бордюромъ тропическихъ деревьевъ, размѣстился оркестръ графа А. Д. Шереметева и пѣвцы соединенныхъ хоровъ Архангельскаго и Славянской.

При появленіи А. С. Суворина залъ задрожалъ отъ рукоплесканій, и оркестръ присоединилъ къ нимъ «Славу» (композиція М. Владимирова).

А. С. Суворинъ сталъ внизу у эстрады. Съ лѣвой стороны въ золотыхъ облаченіяхъ вышло духовенство, въ предпесеніи свѣтильниковъ шелъ преосвященный Евлогій холмскій; на приготовленномъ передъ эстрадой мѣстѣ стоялъ молебный столикъ съ крестомъ и евангеліемъ и иконою Спасителя. Его окружило духовенство, и преосвященный совершилъ благодарственное молебствіе. Хоръ Архангельскаго прекрасно исполнилъ концертное «Тебе Бога хвалимъ». Послѣ того придворный протодіаконъ Громовъ возгласилъ царское многолѣтіе и многая лѣта Державѣ Россійской.

Тогда преосвященный Евлогій, осѣнивъ крестомъ собраніе, обратился къ А. С. съ слѣдующей рѣчью:

«Глубокоуважаемый

«Алексѣй Сергѣевичъ!

«Мнѣ выпала высокая честь вашъ прекрасный юбилейный праздникъ, праздникъ печатнаго слова—освятить словомъ Божіимъ и молитвой.

«Сейчасъ въ ушахъ вашихъ прозвучали великія, святыя слова нашего Божественнаго Учителя: «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ». Эти слова, мнѣ кажется, являются лучшимъ эпиграфомъ вашей трудовой жизни, которая была единымъ, непрерывнымъ подвигомъ служенія нашей родинѣ. На необозримыя родныя поля своимъ печатнымъ словомъ вы сѣяли обильно сѣмена правды и добра. Теперь долгій тяжелый рабочій день вашъ склонился къ вечеру, когда усталому труженику, быть можетъ, пора и отдохнуть. Да будетъ же тихъ и ясенъ этотъ вечеръ вашей жизни, озаряемый кроткими лучами любви и благословеніемъ Того, Кто есть свѣтъ, истина и жизнь, и въ Комъ всѣ труждающіеся и обремененные дѣйствительно находятъ отраду и покой душамъ своимъ».

Послѣ слова архіерея протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе Алексѣю Сергѣевичу Суворину. Преосвященный осѣнилъ юбиляра крестомъ. Кончилось молебствіе, публика въ залѣ сѣла на мѣста. Съ эстрады тогда сообщено было о царскомъ подаркѣ юбиляру.

Зарукоплескалъ залъ, хоры и оркестръ слились въ звукахъ народнаго гимна, повтореннаго трижды при громѣ рукоплесканій и крикахъ «ура».

А. С. Суворинъ занялъ мѣсто за почетнымъ столомъ на эстрадѣ, окруженный членами юбилейнаго комитета и сотрудниками своей газеты.

Начался длинный рядъ поздравленій. Вереницей, одна за другой, подходили къ столу депутаціи и подносили свои адреса, читали ихъ, говорили привѣтствія.

Первымъ читался адресъ отъ Литературно-Художественнаго общества, устраивавшаго юбилей; читалъ его директоръ театральной школы имени Суворина г. Далматовъ.

Громъ рукоплесканій привѣтствовалъ адресъ.

Второй адресъ подносили сотрудники газеты. А. А. Столыпинъ заявилъ, что сотрудники газеты собрали 15,000 р. на премію имени Суворина при императорской академіи наукъ за лучшее литературное сочиненіе.

Одинъ изъ старыхъ сотрудниковъ прочиталъ самый адресъ, также вызвавшій рукоплесканія всего зала.

Послѣ того привѣтствовали юбиляра адресомъ фракціи государственной думы—союзъ 17 октября во главѣ съ А. И. Гучковымъ, фракція умѣренно-правыхъ во главѣ съ г. Балашовымъ, фракція націоналистовъ во главѣ съ епископомъ Евлогіемъ, клубъ общественныхъ дѣятелей во главѣ съ М. В. Красовскимъ, разные общества, журналы, изданія, словомъ—болѣе 80 депутацій. Дефилировали передъ юбиляромъ тутъ и ученыя общества, и военные, и женщины, привѣтствовали артисты и артистки... Императорская русская опера поднесла золотой вѣнокъ. Другой вѣнокъ отъ русскихъ драматурговъ вручилъ г. Протопоповъ. Громадныхъ размѣровъ адресъ, едва вмѣстившійся на ширинѣ стола, прочиталъ и передалъ отъ москвичей г. Ежовъ, но еще большихъ размѣровъ вѣнокъ вручили драматическіе артисты. Старообрядцы поднесли икону.

Закончилось торжество въ шестомъ часу кантатой музыки М. М. Иванова на слѣдующія слова Шуфа:

Свѣтлой увѣнчанной славой,
Въ царствѣ безвѣстномъ дотоль,
Правилъ своею державой
Старый и мудрый король.
Грозенъ онъ рѣчью громовой,
Внемлетъ той рѣчи земля.
Властно правдивое слово—
Блещущій мечъ короля.
Мчатся послушныя стрѣлы,
Слову весь міръ покоренъ,
Царства все шире предѣлы,
Гордо возвысился тронъ.
Солнце взошло величаво,
Будемте солнце встрѣчать!
Славься, шестая держава,
Слава Суворину, слава!
Славься имъ наша печать!
Сердцемъ свой край возлюбившій,
Вѣрный отечества сынъ,
Ты—полстолѣтья служившій,
Русской земли исполинъ!
Скипетръ желѣзный взявъ въ руки,
Творчествомъ ты вдохновленъ.
Ты для искусствъ и науки
Свѣтлый открылъ Пантеонъ.
Даръ твой высокій безспоренъ,
Полонъ живой онъ любви,—
Славься вовѣки, Суворинъ,

Долгіе годы живи!
Солнце взошло величаво,—
Будемте солнце встрѣчать!
Славься, шестая держава,
Слава Суворину, слава!
Славься имъ наша печать!

Къ концу акта почетный столъ былъ заваленъ: цѣлая гора дипломовъ, адресовъ и т. д. закрывала сидящихъ за столомъ.

Телеграммъ и писемъ получены тысячи во всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы.

Здѣсь были привѣтствія печати, русской и иностранной, писателей, ученыхъ, художниковъ, музыкантовъ, артистовъ, городскихъ управленій, земскихъ учрежденій и т. д. Изъ-за границы съ особенной сердечностью откликнулись представители славянства. До поздней ночи продолжали поступать телеграммы съ разныхъ концовъ свѣта.

Литературно-Художественное общество поднесло дипломъ на званіе почетнаго члена. Дипломъ стильный, въ видѣ старой грамоты, въ футлярѣ изъ желтой свиной кожи. Дипломъ написанъ на пергаментѣ, весь орнаментъ и буквы—разныхъ красокъ, но блѣдныхъ цвѣтовъ, исполнены въ стилѣ эпохи Дмитрія Самозванца; его рисовалъ художникъ Курдиновскій по указаніямъ профессора Соболевскаго. Съ середины пергамента спускается привѣшенная на шнурѣ печать изъ краснаго воска Литературно-Художественнаго общества. Печать въ стилѣ той же эпохи. Адресъ читалъ г. Далматовъ. Взрывъ аплодисментовъ всего зала сопровождалъ чтеніе адреса.

Оригиналенъ затѣмъ адресъ сотрудниковъ «Новаго Времени»; онъ въ кожаномъ бюварѣ—стиля empire. Внутри первый листъ—точная копія перваго нумера «Новаго Времени», какъ онъ вышелъ 29-го февраля 1876 г.; въ листъ вложенъ адресъ съ виньеткою художника Соломко и закрываетъ адресъ—копія съ послѣдняго юбилейнаго номера, портретъ юбиляра, какъ онъ отпечатанъ въ послѣднемъ нумерѣ 27-го февраля. Послѣ заявленія предсѣдателя юбилейнаго комитета А. А. Столыпина объ учрежденіи сотрудниками преміи (процентовъ съ собраннаго капитала въ 15 тысячъ) при академіи наукъ за лучшее литературное произведеніе, г. Прокофьевъ прочиталъ адресъ. Чтеніе покрыто рукоплесканіями.

Думская фракція союза 17 октября привѣтствовала адресомъ, прочитаннымъ А. И. Гучковымъ. Чтеніе адреса прерывалось бурными аплодисментами. Адресъ заключенъ въ раму и украшенъ группою портретовъ октябристовъ.

Отъ умѣренныхъ правыхъ адресъ читалъ г. Балашовъ.

Депутацію думскихъ націоналистовъ составили епископъ Евлогій, читавшій адресъ, князь Урусовъ и г. Бѣляевъ.

Клубъ общественныхъ дѣятелей выдѣлилъ депутацію изъ своего предсѣдателя, члена государственнаго совѣта г. Красовскаго, гг. Дурнякина и Чистякова.

Воронежскій кадетскій корпусъ, гдѣ воспитывался А. С. Суворинъ, и воронежское городское училище, гдѣ онъ училъ, поднесли свои адресы.

Депутатъ бобровскаго земства г. Звегинцевъ произнесъ прекрасную рѣчь:

Алексѣй Сергѣевичъ!

«Я посланъ къ вамъ отъ того уголка Русской земли, гдѣ вы родились, гдѣ протекли ваши дѣтскіе годы.

«Что тѣ или иныя захолустья помнятъ своихъ большихъ людей, чествуютъ ихъ—что въ томъ удивительнаго? Вѣдь часть блеска, часть извѣстности распространяется и на нихъ, недаромъ же въ путеводителяхъ въ числѣ достопримѣчательностей указывается: «здѣсь родился такой-то». Гораздо рѣже люди, выбившіеся въ верхи общественнаго положенія, охотно вспоминаютъ тѣ мѣста, гдѣ имъ приходилось бороться на первыхъ порахъ ихъ работы. Но когда оно бываетъ, то это вѣрный признакъ истиннаго благородства души. Вы, Алексѣей Сергѣевичъ, никогда не забывали своего Коршева, а за нимъ и Бобровскаго уѣзда. Вы и въ печати объ нихъ не разъ вспоминали; вы всегда чутко отзывались на нужды народнаго просвѣщенія въ вашемъ родномъ краю. Отъ васъ шли деньги; наконецъ вы и садъ вашъ, и усадьбу, гдѣ родились, отдали земству, чтобы поставить школу, построенную на ваши же средства.

«Сегодня мы пользуемся днемъ вашей золотой литературной свадьбы, чтобы на людяхъ выразить нашу глубокую благодарность и привѣтствовать щедраго для насъ жертвователя, для родины—безкорыстнаго славнаго работника».

Адресъ отъ петербургской городской думы, поднесенный тремя гласными, былъ въ роскошномъ переплетѣ стиля empire, съ громадными золотыми иниціалами въ серединѣ верхней крышки и эмалевымъ гербомъ столицы.

Отъ старой Москвы—громаднѣйшій бюваръ съ многими сотнями подписей, среди нихъ—самыя блестящія имена москвичей.

Русское общество драматическихъ писателей поднесло золоченый лавровый вѣнокъ на бѣломъ бархатномъ щитѣ:

Отъ Николаевской академіи генеральнаго штаба было сказано привѣтствіе, также отъ союза націоналистовъ.

Отъ «Историческаго Вѣстника»—адресъ въ серебряномъ бюварѣ, верхняя доска котораго, работы Треймана, художественно изображаетъ обложку журнала.

Отъ театра Литературно-Художественнаго общества адресъ прочла г-жа Миронова.

Отъ императорскаго Александринскаго театра адресъ читалъ г. Давыдовъ, тутъ же стояли г-жа Савина и г. Варламовъ. По-

слѣдній, поздравляя юбиляра, по-русски его обнялъ и поцѣловалъ.

Императорская русская опера поднесла золотой лавровый вѣнокъ на бархатномъ голубомъ щитѣ. Депутацію составляли гг. Ершовъ, Тартаковъ и Филипповъ.

Адресъ итальянской оперы читалъ г. Нардуччи, въ депутацію вошла г-жа Л. Кавальери, г. Наварини и г. Гвиди.

Далѣе шли:

Александровскій комитетъ о раненыхъ.

Общество повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ.

Русское собраніе—въ составѣ предсѣдателя князя Шаховского, товарища предсѣдателя графа Гейдена и трехъ членовъ совѣта.

Газета «Голосъ Москвы» (профессоръ Грибовскій и Ф. И. Гучковъ).

Газета «Голосъ Правды» (г. Бобрищевъ-Пушкинъ).

Театральное общество (за вице-президента тайный совѣтникъ Плющевскій-Плющикъ).

Библіологическое общество (профессоръ Ловягинъ).

Славянское общество.

Галицко-Русское общество (предсѣдатель графъ Бобринскій, профессоръ Кулаковскій).

Газета «Россія».

Газета «Свѣтъ» (редакторъ г. Комаровъ и княгиня Бебутова).

«Московскія Вѣдомости».

Лига обновленія флота (генераломъ Беклемишевымъ сообщено постановленіе о присужденіе юбиляру золотой медали лиги).

Чешскій національный совѣтъ.

Монахъ-чехъ Вячеславъ, подойдя къ юбиляру съ большой просфорой, привѣтствовалъ его отъ всѣхъ чеховъ православныхъ стихотворнымъ экспромтомъ.

А затѣмъ, передавая чувства чеховъ къ русскимъ людямъ, высказалъ, что безъ Россіи не можетъ жить и бороться славянство, а пока жива Россія—будутъ и славяне. Это онъ произнесъ въ такомъ восторженномъ, энергичномъ тонѣ, что наэлектризовалъ весь залъ, и громъ рукоплесканій понесся къ оратору-славянину.

Общество востоковѣдѣнія—предсѣдатель генералъ-майоръ Шведовъ.

Типографія «Новаго Времени».

Театральная школа имени А. С. Суворина.

Русское окраинное общество.

Газета «Кіевлянинъ»—редакторъ г. Пихно.

Петровская колонія русскаго общества печатнаго дѣла.

Вспомогательная касса наборщиковъ.

Редакція «Zeitung».

«Петербургскій Листокъ»—редакторъ Скроботовъ, адресъ съ виньеткою художника Владимирова.

«Русскій Инвалидъ».

Газета «Русская Правда».

Общество поощренія женскаго профессіональнаго образованія.

Газета «Вечеръ».

Общество «Русское Зерно».

Петровское общество вспоможенія бѣднымъ.

Военные журналы (изданія Березовскаго) «Развѣдчикъ», «Витязь» и «Вѣстовой» поднесли юбиляру хлѣбъ-соль на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ съ деревянною солонкой, покрытой полотенцемъ, въ которое вдѣланы поперечныя полосы атласа, на нихъ напечатанъ текстъ адреса, картинныя заголовки трехъ изданій и кусочекъ фельетона «Новаго Времени» 1885 г., имѣющій отношеніе къ журналу «Развѣдчикъ».

Изъ депутацій особенно надо выдѣлить двѣ депутаціи: людей русской старой вѣры—старообрядцевъ петроградской Громовской общины и старообрядческаго братства св. ап. Петра и Павла.

Отъ академическаго союза спб. политехническаго института и отъ академической корпораціи при спб. университетѣ. Адресъ послѣдней былъ украшенъ университетскимъ знакомъ.

Далѣе шли: составъ служащихъ въ учрежденіяхъ А. С. Суворина, учредившихъ стипендію въ 2½ тысячи рублей въ одномъ изъ столичныхъ среднихъ учебныхъ заведеній имени юбиляра.

Отъ спб. комитета Краснаго Креста района Московской заставы.

Отъ графини Апраксиной, учредившей стипендію имени А. С. въ торговой школѣ Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

Екатеринославское литературно-просвѣтительное общество въ память Гоголя.

Редакція «Литературнаго Обозрѣнія».

Учебный воздухоплавательный паркъ.

Общество служащихъ въ книжныхъ и музыкальныхъ торговляхъ и библіотекахъ.

Товарищество Сытина.

Журналъ «Шутъ».

Журналъ «Осколки».

Редакція журнала «Обозрѣніе психіатріи, невропатологіи и экспериментальной психологіи».

Хоръ Архангельскаго.

Театръ «Фарсъ».

Литейный театръ.

Народный журналъ «Дружескія Рѣчи».

Редакція «Свѣтлый Лучъ».

Словолитня Лемана.

Переплетная и типографія Гаевскаго.

Общество служащихъ въ печатныхъ заведеніяхъ.

Общество взаимопомощи служащихъ въ музыкальныхъ магазинахъ и библіотекахъ.

Артель газетчиковъ.

Товарищество «Контрагентъ печати».

Вечеромъ въ Маломъ театрѣ, переполненномъ снизу доверху, состоялся блестящій спектакль, данный въ честь А. С. Суворина. Долго не смолкавшіе аплодисменты привѣтствовали появленіе юбиляра. Представленіе началось его одноактной пьесой «Онъ въ отставкѣ», мастерски разыгранной г-жой Рощиной-Инсаровой, гг. Давыдовымъ, Нерадовскимъ и Чубинскимъ. Давыдовъ въ роли отставного министра былъ великолѣпенъ. Авторъ былъ неоднократно вызванъ. Затѣмъ шелъ 3-й актъ «Татьяны Рѣпиной» въ исполненіи артистовъ Александринскаго театро во главѣ съ создательницей заглавной роли—М. Г. Савиной. Артистка сразу захватила вниманіе зрителей своей художественной, нервной игрой. Очень хороши были М. П. Домашева и г. Долиновъ-Зонненштейнъ. Новыя оваціи заставили А. С. Суворина снова выйти на сцену. Въ дивертисментѣ пѣли г. Ершовъ и г-жи Кузнецова-Бенуа и Лина Кавальери танцовали г-жи Кшесинская, Павлова 2-го и г. Кусовъ. Шумный успѣхъ сопровождалъ ихъ художественное исполненіе. Г-жѣ Кузнецовой пришлось повторить безъ конца; она прямо очаровала своимъ голосомъ, исполнивъ съ удивительной тонкостью вальсъ изъ «Ромео и Джульетты». Удивительно красивой вышла «Русская» въ исполненіи г-жи Кшесинской и ея кавалера. Г-жа Павлова въ своемъ танцѣ была самой поэзіей, едва уловимой мечтой.

Въ заключеніе была поставлена живая картина—поставлена такими мастерами искусства и техники, какъ Куинджи, К. Маковскій и Голике.

Второй занавѣсъ изображалъ Эртелевъ переулокъ съ колоссальнымъ домомъ, гдѣ помѣщается «государство Суворина». На авансценѣ была представлена картина обычнаго трудового дня въ типографіи «Новаго Времени».

Вертѣлись цилиндры-ротаціонки, ходилъ печатный станокъ, фальсовщицы на первомъ планѣ торопливо складывали отпечатанные листы, наборщики набирали у станковъ, отъ рабочаго къ рабочему ходилъ настоящій метранпажъ, корректоръ судорожно выправлялъ корректуру.

Потомъ занавѣсъ съ Эртелевымъ переулкомъ поднялся, и чудесный апоѳеозъ—фантастическая группа красиво расположившихся актеровъ и статистовъ въ эффектныхъ костюмахъ—завершилъ зрѣлище.

Лина Кавальери съ пылающимъ факеломъ въ рукѣ увѣнчивала эту капризно-красивую пирамиду изъ человѣческихъ тѣлъ—красавцевъ и красавицъ, какъ геній искусства и всепобѣждающаго знанія или—въ спеціальномъ примѣненіи къ случаю—символъ таланта и энергіи, освѣщающихъ путь другимъ.

Картина вызвала живые апплодисменты. Подъ громъ ихъ закончился спектакль почти ровно въ полночь.

Юбилейный день закончился ужиномъ въ ресторанѣ «Медвѣдь». Въ огромномъ залѣ было болѣе 500 человѣкъ. Длинные столы, усыпанные цвѣтами, тянулись по срединѣ, а по стѣнѣ были разставлены маленькіе—на десять человѣкъ каждый. Шумными, долгими апплодисментами встрѣтили А. С. Суворина. Около него, кромѣ членовъ семьи, за столомъ помѣстились: Н. А. Хомяковъ, А. И. Гучковъ, А. С. Ермоловъ, П. Н. Крупенскій, П. М. Балашовъ, гр. Вл. Бобринскій, М. Г. Савина, А. И. Куинджи, Н. Н. Фигнеръ, кн. Л. С. Голицынъ, Н. П. Шубинскій, М. М. Алексѣенко и другіе. За другими столами сидѣло до 80 членовъ государственной думы, многіе видные члены государственнаго совѣта—Черепанскій, М. А. Стаховичъ, А. П. Никольскій, Неклюдовъ... Высшіе сановники, выдающіеся военные, множество литераторовъ, журналистовъ, большинство участвовавшихъ днемъ въ депутаціяхъ.

Первый тостъ «по лестному для меня порученію юбиляра» за Государя Императора—провозгласилъ Н. А. Хомяковъ. Оркестръ отвѣчалъ гимномъ, который и былъ повторенъ трижды. Среди пѣвшихъ были г-жа Кузнецова, гг. Ершовъ, Фигнеръ, Филипповъ, Давыдовъ и другіе артисты. Образовался мощный и стройный хоръ. Начались рѣчи. Въ нихъ не было недостатка, но за шумомъ въ большомъ залѣ ораторовъ не всѣмъ было слышно. Членъ государственной думы Н. П. Шубинской произнесъ рѣчь, которую мы здѣсь и возстановляемъ:

«Глубокоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Мнѣ выпала честь въ этотъ вечерній часъ выразить вамъ отъ себя и моихъ политическихъ друзей нашъ искренній привѣтъ. Была минута, когда я хотѣлъ отказаться сдѣлать это. Послѣ тѣхъ безпримѣрныхъ овацій, какими сегодня днемъ увѣнчали васъ разнообразные представители земли русской, мнѣ показалось, что человѣческое слово не въ состояніи чѣмъ-либо дополнить испытанныя вами впечатлѣнія. Но мысль моя обратилась къ прошлому, къ вашей полувѣковой блестящей дѣятельности, напоминавшей мнѣ чрезвычайную безпредѣльность предстоящей темы. Съ другой стороны, многіе изъ насъ ушли бы не удовлетворенными, не сказавъ вамъ, почему и за какое время намъ особенно дорога ваша дѣятельность и вашъ образъ чуткаго, могучаго журналиста земли русской. Позвольте начать съ далекихъ воспоминаній моего перваго знакомства съ вами. Это было очень давно. Я былъ совсѣмъ юношей, вы—журналистомъ, уже покрытымъ славой. Это были первые шаги вашей самостоятельной издательской дѣятельности. Помню ту рѣдкую энергію, то исключительное мужество, какія тогда свѣтились въ вашихъ глазахъ. Не внѣ себя вы искали точекъ

опоры, какъ мыслитъ теперь огромное большинство, для задуманнаго вами дѣла. Только опираясь на свой блестящій публицистическій талантъ, на свою энергію, вы начинали рискованное дѣло издательства. Ожиданія ваши оправдались вполнѣ. Хирѣвшая до васъ газета отъ одного прикосновенія вашего таланта, подобно жезлу Аарона, покрылась блестящей листвой. Успѣхъ опередилъ всѣ надежды. Скоро выступила и вторая черта вашихъ рѣдкихъ дарованій—умѣнье чутко угадывать таланты, притягивать ихъ къ себѣ, объединять въ одну мощную силу и тѣмъ сообщать несравненный блескъ предпринятому вами дѣлу. Недавно скромное газетное изданіе быстро завоевало господствующую роль въ русской журналистикѣ и получило широкое и почетное признаніе и распространеніе— таковы первыя заслуги ваши передъ страной. Упрочивъ изданіе вашей газеты, вы не замкнулись въ нее, вы обогатили русскую жизнь цѣлымъ рядомъ другихъ блестящихъ изданій. Рядомъ съ газетой вы предприняли изданіе историческаго журнала, имѣющаго широкое признаніе и большую извѣстность. Драгоцѣннѣйшіе историческіе памятники, изданные вами, восполнили страницы вашего вниманія къ русской исторіи. А общія задачи просвѣщенія получили отъ васъ величайшіе дары въ родѣ дешевыхъ изданій, доступныхъ самымъ широкимъ слоямъ общества.

«Довольно бы и этого для имени славнѣйшаго русскаго журналиста, но ваша мысль неумолчно стремилась и къ инымъ областямъ человѣческаго творчества, къ сценическому искусству. Его вы обогатили многими страницами вашего вдохновенія, въ немъ вы создали славу лучшимъ его дѣятелямъ, въ немъ вы создали организацію, которая въ исторіи театра сохранитъ ваше имя. Здѣсь къ голосу моихъ привѣтствій позвольте присоединить голосъ близкаго мнѣ человѣка, посвятившаго всю свою жизнь сценическому искусству, который чтитъ васъ, какъ славнаго служителя этого дѣла и друга сценическаго искусства и его жрецовъ.

«Конечно, рядомъ съ великими тріумфами, какіе доставилъ вашъ полувѣковой подвигъ, были и великіе терніи, какіе переживала русская журналистика въ недавнее время русской жизни. Кто не помнитъ той неустойчивости, перемѣнчивости и тѣхъ угрозъ, среди которыхъ весьма недавно протекала жизнь русскаго журналиста? Едва вспыхнувшая заря относительной свободы мгновенно смѣнилась долгою и непроглядною тьмой. Чья карающая рука не управляла мыслью, разумомъ, вдохновеніемъ журналиста, иногда полная гнѣва, опасныхъ угрозъ, и тутъ же чуждая нерѣдко пониманія тѣхъ великихъ проблемъ, какія журналистика вносила въ русскую жизнь. Но, слава Богу, это пережито. А сегодняшній день къ радости торжества только присоединяетъ мысль, какою цѣной досталось оно. Да, тяжелая была эпоха, когда полуслова, намеки, сказанные сегодня, завтра объявлялись преступленіемъ, и наоборотъ.

«Нужно было много осторожности, энергіи, чтобы пройти среди этихъ подводныхъ скалъ и удержать любимое дѣло въ полосѣ относительной безопасности. Многія недосказанныя тогда слова стали теперь фактами, и мы склоняемъ передъ вами за эти прошлыя усилія нашу благодарную рѣчь.

«Особенно же дорого для насъ стало ваше имя въ тяжелые смутные дни русской жизни. Еще столь надалеки они. Чтобы разобраться въ нихъ, нужно возвратиться къ далекому прошлому.

«Всѣ мы съ раннихъ лѣтъ жизни воспитывались въ идеалахъ свободы. Свобода воспѣвалась въ прозѣ, въ стихахъ. На театральныхъ подмосткахъ герои, поучая насъ, боролись и умирали за нее. Свобода являлась завѣтной мечтой, конечной цѣлью нашихъ желаній, нашей обѣтованной землей. Мы ждали, что придетъ она, одѣтая въ бѣлыя пелены, съ лучезарнымъ вѣнцемъ на головѣ, и принесетъ въ нашу жизнь всѣ лучшія ду-

ховныя блага: дастъ намъ миръ, спокойствіе, общую любовь, братство. справедливость... И мы ужаснулись, когда она явилась передъ нами истерзанная, покрытая багряницей, отливавшей пожарами, кровью, когда она принесла намъ ужасы гнѣва, ненависти, насилія и убійствъ. Мы ужаснулись ея, и въ нашихъ глазахъ мракъ печали и ужасовъ окуталъ русскую жизнь. Эта тяжелая эпоха имѣла своихъ глашатаевъ, своихъ герольдовъ, своихъ проповѣдниковъ. Разгоряченныя страсти чуть не въ первую линію выносили ихъ на арену публичнаго вниманія. Вы не убоялись уступить имъ минутное торжество, минутное первенство—и стать вмѣстѣ въ нами въ ряды отсталыхъ. Вы не разукрасились ни красными флагами, ни зелеными кокардами; вы, какъ вѣковой утесъ, среди величайшей бури остались вѣрны себѣ. Буря пройдетъ, море уляжется, и утесъ попрежнему будетъ господствовать надъ нимъ. Вы не убоялись тогда сказать слова правды, призвать къ порядку, напомнить о великихъ національныхъ историческихъ основахъ государственной жизни. Вы были маякомъ въ тяжелую ночь, когда мракъ окуталъ русскую жизнь, когда не было ни святыхъ, ни человѣческихъ законовъ, которые не попирались бы дерзновенными кликами минутныхъ вдохновителей народныхъ массъ. Вы изъ первыхъ угадали, что, переставъ быть цѣлью и сдѣлавшись средствомъ, свобода для блага страны должна стать достояніемъ народа, подготовленнаго понять ее,—понять не только въ смыслѣ огромныхъ правъ, какія она несетъ, но и еще большихъ обязательствъ въ отношеніи другихъ, какія налагаетъ она. Въ рукахъ подготовленнаго народа всюду свобода источникъ величайшихъ благополучій; въ рукахъ не подготовленныхъ—источникъ великихъ горестей и золъ. Наши мысли направлены сейчасъ сдѣлать все доступное нашимъ силамъ для подготовки народа къ воспринятію всѣхъ свободъ для мирнаго благополучія и счастья всѣхъ людей. Мы чувствуемъ, что на этомъ пути вы идете рядомъ съ нами, иногда опережаете насъ. Но вы поучаете, а мы дѣлаемъ. Такъ и должно быть. И мы вѣримъ, что и на этомъ пути вы окажете новыя великія услуги нашей странѣ вашимъ несравненнымъ талантомъ, вашимъ полувѣковымъ опытомъ, вашимъ великимъ благоразуміемъ, вашей вдохновенной мудростью. Да процвѣтутъ ваши силы еще на многіе годы для блага и славы родной земли».

А. С. Ермоловъ поднялъ бокалъ за жену юбиляра Анну Ивановну, членъ думы Кривцовъ сказалъ нѣсколько словъ отъ бывшихъ питомцевъ воронежскаго корпуса, М. Д. Челышевъ предложилъ тостъ «за русскихъ матерей, рождающихъ такихъ богатырей», какъ Суворинъ. Среди рѣчей съ эстрады неожиданно раздалось пѣніе «Налейте, налейте бокалы полнѣе...» Пѣли Кузнецова-Бенуа и Фигнеръ. Это было красиво и неожиданно.

Много еще было тостовъ, и большинство оставалось въ ресторанѣ долго послѣ отъѣзда юбиляра, который уѣхалъ въ три часа. Многіе оставались до утра, только въ восьмомъ часу опустѣлъ залъ.

Послѣ этого дня всѣ ждали, что въ газетахъ появится новое «Маленькое письмо» Алексѣя Сергѣевича, гдѣ онъ такъ или иначе отзовется на всѣ принесенныя ему привѣтствія и выраженія добрыхъ чувствъ. Но таковаго письма не послѣдовало. Перо могучаго публициста точно сломилось, и онъ литературно замолкъ. Теперь изъ

данныхъ о болѣзни почившаго писателя мы узнаемъ, что вѣроятною причиною тому была надвинувшаяся на него тяжкая болѣзнь. Какъ это теперь установлено, у Алексѣя Сергѣевича Суворина три года назадъ обнаружилось заболѣваніе голосовыхъ связокъ.

Первымъ врачомъ, осматривавшимъ больного, былъ проф. Симановскій, который не нашелъ въ недугѣ ничего опаснаго. Слѣдующимъ врачомъ былъ докторъ Поляковъ. Онъ совершенно разошелся съ мнѣніемъ проф. Симановскаго и опредѣлилъ начало злокачественнаго новообразованія. Послѣ консиліума петербургскихъ врачей А. С. уѣхалъ сначала въ Берлинъ къ тамошнему знаменитому профессору Френкелю, который констатировалъ у больного наличіе рака гортани. Профессоръ предложилъ Алексѣю Сергѣевичу выщипываніе образовавшейся опухоли, на что тотъ не согласился и пожелалъ посовѣтоваться съ другими европейскими знаменитостями и прежде всего онъ поѣхалъ въ Гейдельбергъ, къ профессору Кальяну, и этотъ спеціалистъ горловыхъ болѣзней подтвердилъ діагнозъ профессора Френкеля и, съ своей стороны, сдѣлалъ предложеніе—удалить оперативнымъ путемъ больную гортань. И на это предложеніе не послѣдовало согласія Суворина, и онъ предпочелъ проѣхать въ Эмсъ къ доктору Мюллеру, который примѣнилъ въ леченіи терапевтическія средства и, между прочимъ, ингаляцію; но эти методы не давали ближайшихъ добрыхъ результатовъ, и потому въ Эмсъ былъ вызванъ изъ Франкфурта-на-Майнѣ знаменитый докторъ Шписсъ. Подъ давленіемъ авторитета послѣдняго, Алексѣй Сергѣевичъ согласился, наконецъ, на выщипываніе злокачественной опухоли, что и начали ему дѣлать въ теченіе полуторыхъ мѣсяцевъ во Франкфуртѣ. Результаты оказались блестящими, и докторъ Шписсъ согласился на возвращеніе тосковавшаго по родинѣ Суворина въ Россію. На прощаніе Шписсъ заявилъ ему:

— Я вамъ сдѣлалъ какъ бы радикальную операцію. Я удалилъ всю опухоль, и, если бы прежде осматривавшіе васъ врачи снова посмотрѣли ваше горло, они нашли бы его совершенно чистымъ и не повѣрили бы, что у васъ была раковая опухоль. Но я не ручаюсь, чтобы удаленная нынѣ опухоль вновь не появилась, если вы не будете беречь себя. Поэтому прошу васъ непремѣнно черезъ шесть недѣль вновь ко мнѣ пріѣхать и показаться. Это безусловно необходимо.

Суворинъ обѣщалъ выполнить наставленіе спасшаго его врача, но, вернувшись въ родную стихію и очутившись въ водоворотѣ своихъ дѣлъ, позабылъ о требуемой осторожности: много говорилъ, порою, волнуясь, кричалъ, простужался, засорялъ ѣздою по улицамъ пылью горло. Наконецъ, онъ пропустилъ назначенный срокъ явки во Франкфуртъ и, когда съ опозданіемъ на двѣ недѣли прибылъ туда, то оказалось уже поздно: опухоль снова появилась, и

былая болѣзнь сдѣлала рѣзкій прогрессирующій скачокъ. Опять примѣнено было выщипываніе, но на сей разъ этотъ методъ врачеванія не удался, такъ какъ горловыя ткани оказались сильно воспаленными. Больному грозило удушеніе и пришлось сдѣлать трахеотомію, лишившую Суворина рѣчи уже до послѣднихъ часовъ его жизни. Послѣ этой операціи общее, однако, состояніе его здоровья стало улучшаться.

Покойный вновь началъ интересоваться газетой, снова началъ много читать, много гулялъ и подолгу бесѣдовалъ съ близкимъ ему людьми.

Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ во Франкфуртѣ, Алексѣй Сергѣевичъ пожелалъ непремѣнно возвратиться въ Петербургъ, куда и вернулся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Пользовавшіе Алексѣя Сергѣевича врачи говорили, что могучій организмъ успѣшно борется со страшнымъ недугомъ.

До конца іюня Алексѣй Сергѣевичъ жилъ въ Эртелевомъ переулкѣ въ своемъ домѣ. Онъ не хотѣлъ покидать Петербурга. Но недугъ развился, и, по настоянію близкихъ, Алексѣй Сергѣевичъ переѣхалъ въ Царское Село на дачу.

Здѣсь онъ почувствовалъ себя много лучше. Онъ много гулялъ, читалъ и принималъ близкихъ, по нѣсколько часовъ сряду катался въ автомобилѣ. 8-го августа Алексѣй Сергѣевичъ почувствовалъ приступъ слабости. Прибывшіе къ нему врачи признали осложненіе со стороны легкихъ. Къ 10 часамъ вечера Алексѣю Сергѣевичу стало значительно лучше, сознаніе, нѣсколько омрачившееся во время начала болѣзни, возвратилось, и онъ бесѣдовалъ съ окружающими.

Къ ночи, однако, находившійся при немъ врачъ заявилъ, что положеніе внушаетъ значительныя опасенія, такъ какъ появилась слабость сердечной дѣятельности.

Вскорѣ выяснилась безнадежность положенія, и въ ночь на 11-е августа знаменитаго публициста и общественнаго дѣятеля не стало.

Вѣсть объ этой кончинѣ, хотя и не явившаяся неожиданностью для широкихъ круговъ русскаго общества, произвела, однако, и на друзей, и на враговъ покойнаго глубокое впечатлѣніе. Всѣ поняли, что отошелъ въ вѣчность крупный историческій человѣкъ, съ именемъ котораго тѣсно связаны были многія и многія страницы отечественной жизни. Выраженія скорби семьѣ и редакціи «Новаго Времени» посылались со всѣхъ угловъ Россіи и за границы, и по сю пору, когда пишется эта срочная статья, продолжается опубликованіе соболѣзнующихъ телеграммъ; газеты продолжаютъ посвящать почившему рядъ статей, и общій голосъ печати, подводящій ей суммарный итогъ, тотъ, что Россія понесла тяжелую утрату,

Бренное тѣло Алексѣя Сергѣевича уже 11-е августа было перевезено изъ Царскаго на квартиру въ Эртелевомъ переулкѣ, и безпрерывныя панихиды по почившемъ «бояринѣ Алексіи» стали наполнять своды бѣлаго зала. Толпы народа приходили поклониться праху усопшаго, свидѣтельствуя о томъ значеніи, которое онъ имѣлъ для этой толпы. Гробъ утопалъ въ цвѣтахъ и зелени, и безконечныя вереницы депутацій, одна смѣняя другу, возлагали къ подножью катафалка роскошные вѣнки съ разнообразными трогательными надписями.

14-го августа состоялись торжественныя похороны, носившія, несмотря на глухое лѣтнее время, величественный характеръ. Согласно описанію «Вечерняго Времени» (№ 222), это печальное торжество протекло въ слѣдующемъ порядкѣ.

Величественную картину представлялъ собой Эртелевъ переулокъ къ моменту выноса тѣла А. С. Суворина.

Тысячная толпа запрудила тротуаръ, далеко выдвинувшись на мостовую.

Среди этихъ живыхъ стѣнъ стояли въ два ряда роскошныя бѣлыя колесницы, сплошь увѣшанныя вѣнками, среди которыхъ и скромные металлическіе вѣнки отъ служащихъ различныхъ учрежденій покойнаго и драгоцѣнные серебряные вѣнки отъ разныхъ общественныхъ организацій и высокопоставленныхъ лицъ.

Столь же разнообразна и толпа, запрудившая улицы: тутъ и жены рабочихъ въ скромныхъ платочкахъ, и артистки разныхъ театровъ въ траурныхъ туалетахъ; малозамѣтная фигура разносчика газетъ съ бляхой на блузѣ рядомъ съ генераломъ, грудь котораго украшена орденами.

И никто не замѣчаетъ этой разницы положеній и состояній: всѣ стоятъ, какъ равные, одинаково желая почтить память почившаго.

Около девяти часовъ утра въ квартиру въ Эртелевомъ переулкѣ, гдѣ жилъ покойный Алексѣй Сергѣевичъ, стали съѣзжаться представители печати, театра, общественные дѣятели и многочисленные почитатели покойнаго.

Тутъ были старѣйшіе сотрудники «Новаго Времени», которые вмѣстѣ съ покойнымъ основали газету: В. П. Буренинъ, Б. В. Гей, Л. К. Поповъ (Эльпе) и нѣкоторые другіе.

Проводить покойнаго явились всѣ артисты Литературно-Художественнаго общества (Малаго театра).

Артисты Александринскаго театра Юрьевъ, Корвинъ-Круковскій и многіе другіе. Редакторъ «Свѣта» И. А. Баженовъ и издатель камеръ-юнкеръ Г. В. Комаровъ, редакторъ «Петербургскаго Листка» г. Мамоновъ, редакторъ «Обозрѣнія театровъ» г. Осиповъ, Л. Л. Толстой, извѣстная женщина-врачъ Волкова, помощникъ редактора «Историческаго Вѣстника» Б. Б. Глинскій, членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати тайный совѣтникъ Муромцевъ, главный

режиссеръ Панаевскаго театра Е. П. Карповъ, бывшій долгое время главнымъ режиссеромъ Малаго театра, писательница Жуковская, А. А. Плещеевъ, В. А. Прокофьевъ, А. А. Пиленко, С. И. Смирнова и корреспондентъ «Times» и «Matin» Вильтонъ.

Тутъ также находился товарищъ министра торговли и промышленности тайный совѣтникъ Баркъ, командиръ сотни конвоя Его Величества Тускаевъ, профессоръ Кайгородовъ, главный режиссеръ Малаго театра Н. Н. Арбатовъ, директоръ «Паласъ-театра» и «Буффъ» И. Н. Мозговъ и уполномоченный этихъ театровъ И. Г. Яронъ, драматургъ Островскій, извѣстный издатель Голике, сотрудникъ «Историческаго Вѣстника» К. А. Военскій, представитель «Русскаго Слова» въ Петербургѣ А. В. Румановъ, секретарь «Союза» драматическихъ писателей Б. И. Бентовинъ, лейбъ-медикъ двора Его Величества Л. Б. Бертенсонъ, поэтъ В. А. Шуфъ, корреспондентъ парижской газеты «Temps» Ривэ, писательница Загуляева, директоръ института гражданскихъ инженеровъ В. А. Косяковъ, камеръ-юнкеръ Высочайшаго двора Гарфельдъ, писательница Грипевская, управляющій книжнымъ магазиномъ «Новаго Времени» Кормилицынъ, редакторъ «Земщины» Глинка-Янчевскій и многіе другіе общественные дѣятели и представители литературы и публицистики.

Тутъ находились всѣ сотрудники «Новаго Времени», редакторъ М. Н. Мазаевъ и секретари редакціи Н. И. Афанасьевъ и Н. И. Жухинъ.

Распорядительная часть по похоронамъ была поручена сотрудникамъ «Новаго Времени» Ю. Д. Бѣляеву, А. И. Ксюнину, П. П. Конради, К. Я. Шумлевичу, сотрудникамъ «Вечерняго Времени» В. С. Зыбину и Ѳ. Н Молодзинскому, а также представителямъ типографіи: управляющему И. Ѳ. Богданову и его помощнику В. М. Терскому.

Около половины десятаго собралась такая масса народу, что было трудно протолкаться; вся лѣстница была занята лицами, явившимися отдать послѣдній долгъ усопшему Алексѣю Сергѣевичу.

У гроба усопшаго Алексѣя Сергѣевича собралась вся семья: вдова покойнаго Анна Ивановна Суворина, Михаилъ Алексѣевичъ, Алексѣй Алексѣевичъ, Борисъ Алексѣевичъ Суворины, Анастасія Алексѣевна Мясоѣдова-Иванова, внуки покойнаго и другіе члены семьи.

Началась литія, которую совершали протоіереи Сперанскій, Любославскій, Орнатскій и Антоновъ при протодіаконѣ Солярскомъ и двухъ діаконахъ.

Во время литіи пѣлъ хоръ Преображенскаго полка.

Безъ десяти десять часовъ утра литія окончилась.

Гробъ съ останками покойнаго Алексѣя Сергѣевича вынесли на рукахъ: Михаилъ Алексѣевичъ, Алексѣй Алексѣевичъ, Борисъ

Алексѣевичъ и Борисъ Михайловичъ Суворины и внукъ покойнаго капитанъ Д. А. Коломнинъ.

Толпа народа, расположившаяся по всему Эртелеву переулку, обнажила головы.

За гробомъ слѣдовали супруга покойнаго Анна Ивановна, дочь ея Мясоѣдова-Иванова и другіе близкіе.

Число лицъ, сопровождавшихъ прахъ покойнаго Алексѣя Сергѣевича, все увеличивалось.

Печальный кортежъ растянулся на огромное разстояніе.

Въ тотъ моментъ, когда голова процессіи съ Жуковской улицы сворачивала на Надеждинскую, хвостъ процессіи былъ еще у Бассейной.

За гробомъ—одиннадцать колесницъ съ вѣнками.

Въ самый послѣдній моментъ почитатели покойнаго Алексѣя Сергѣевича проносили вѣнки.

По дорогѣ къ процессіи присоединились многіе видные представители петербургской журналистики, литературы и артисты.

Выйдя на Знаменскую площадь, процессія широкимъ моремъ разлилась вокругъ памятника Александра III. Гробъ пронесли правой стороной мимо Николаевскаго вокзала. На ступеняхъ послѣдняго снизу доверху толпилась публика.

Тысячныя толпы народа стояли по обѣимъ сторонамъ Невскаго проспекта и въ пересѣкающихъ улицахъ, съ живымъ интересомъ слѣдя за шествіемъ. Окна домовъ также во всѣхъ этажахъ были усѣяны зрителями. Въ одиннадцать часовъ процессія наконецъ подошла къ воротамъ Александро-Невской лавры—мѣста вѣчнаго покоя усопшаго Алексѣя Сергѣевича. Количество публики было здѣсь такъ велико, что народъ проходилъ чрезъ узкія Благовѣщенскія ворота въ теченіе получаса.

Около лавры огромная толпа. Издали доносится трогательно-торжественный напѣвъ «Святый Боже», траурное шествіе все ближе и ближе.

Вотъ и въ лаврѣ.

Сыновья, сотрудники, друзья вносятъ гробъ въ церковь Святаго Духа и устанавливаютъ среди церкви на возвышеніи, утопающемъ въ зелени и цвѣтахъ, внизу и по бокамъ располагаютъ тѣ вѣнки, которые присланы прямо въ церковь. По толпѣ проносится говоръ: сейчасъ привезенъ на гробъ покойнаго роскошный вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ отъ Государя Императора.

У церкви образовалась громадная толпа, всѣмъ хочется попасть внутрь, но пропускаютъ только близкихъ, родныхъ и служащихъ. Начинается литургія, служатъ архимандритъ Макарій, благочинный столичныхъ монастырей, іеромонахи Вячеславъ и Александръ, при іеродіаконѣ Романѣ. Поетъ полный митрополичій хоръ, подъ управленіемъ г. Тернова.

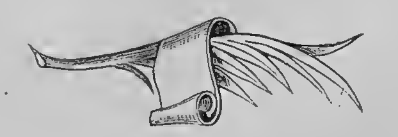
На отпѣваніи въ Александро-Невской лаврѣ присутствовалъ товарищъ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ камергеръ Д. Н. Любимовъ.

Въ церковь постепенно прибываютъ писатели: В. П. Буренинъ, П. П. Гнѣдичъ, И. М. Потапенко, А. Т. Аверченко, Б. Б. Глинскій, В. А. Мазуркевичъ, А. Н. Чеховъ, С. Н. Сыромятниковъ, драматургъ Острожскій, Б. В. Гей, Ю. Д. Бѣляевъ, Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ, А. А. Плещеевъ, В. Я. Свѣтловъ, И. А. Гриневская, Н. И. Кравченко, М. М. Ивановъ, Н. В. Снѣссаревъ, В. Е. Рудаковъ и многіе другіе; артисты: Ю. М. Юрьевъ, Ю. В. Корвинъ-Круковскій, Нерадовскій, Стропскій, В. Ю. Вадимовъ, Э. А. Миронова и Чижевская, товарищъ министра торговли и промышленности Баркъ; пріѣхали: В. И. Ковалевскій, сенаторъ Бельгардъ, генералъ Винтуловъ, командиръ гвардейскаго экипажа свиты Его Величества контръ-адмиралъ графъ Толстой, капитанъ Подгурскій, полковникъ Елецъ, членъ городской управы Бодиско, сенаторъ Васильевъ и многіе другіе.

Только въ два часа кончилась отпѣваніе и надгробныя рѣчи духовенства. Сквозь тысячную толпу съ трудомъ пробивается процессія съ прахомъ почившаго, и тѣло опускается въ семейный склепъ. За рѣшетку могилы пропускаются только представители семьи и лица, собирающіяся почтить память усопшаго надгробнымъ словомъ. Говорятъ А. А. Пиленко, членъ государственной думы Н. П. Шубинской, Н. А. Энгельгардтъ, Б. Б. Глинскій, И. П. Табурно, Н. В. Никаноровъ (отъ думской фракціи союза 17-го октября), представитель редакціи «Times» Р. А. Вильтонъ, наборщикъ А. Тюхтяевъ, А. А. Филипповъ, сотрудникъ «Русскаго Чтенія» г. Мисюревичъ; въ заключеніе произноситъ свое краткое слово протоіерей Орнатскій, приглашая окружающихъ продолжать дружно дѣло А. С. Суворина, на благо Россіи.

Въ началѣ четвертаго часа печальная церемонія кончилась и на фонѣ голубого неба, утопая въ зелени и цвѣтахъ, возвысился новый бѣлый могильный крестъ, на которомъ было начертано историческое имя: «Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ».

Б. Глинскій.

ЖЕНА МИНИСТРА.

(Романъ [1]).

XII.

КОГДА Башиловъ уходилъ и Людомирова, обдавая его жеманными улыбками и вызывающими взглядами подведенныхъ глазъ, просила непремѣнно быть у нея на балу, назначенномъ черезъ двѣ недѣли, онъ очень охотно поспѣшилъ дать свое согласіе и мысленно рѣшилъ не упустить удобнаго случая встрѣтиться еще разъ съ Еленой. Въ этотъ же вечеръ онъ разсказалъ Данцовой объ ихъ знакомствѣ.

— Ну, какъ ты ее нашелъ?

— Сознаюсь тебѣ, она меня просто поразила: удивительно интересная женщина. Ты мнѣ никогда не говорила, что она такъ умна. Красивыхъ женщинъ, душа моя, много, а этакія умницы прямо наперечетъ. И ловка должна быть; кого угодно за поясъ заткнетъ. Молодецъ. Король-баба. Это я понимаю.

Башиловъ какъ будто бы забылъ, что излишняя похвала другой женщинѣ можетъ отозваться болью въ сердцѣ Евгеніи Михайловны, и, заложивъ, по обыкновенію, руки въ карманы и тяжело шагая взадъ и впередъ по кабинету, восхищался каждымъ жестомъ, каждымъ словомъ Карцевой.

— Скажи пожалуйста, Женичка, а ты очень дружна съ ней?

— Очень, она хорошая и добрая.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. [illegible], стр. 401.

— Слѣдовательно, наши отношенія для нея не секретъ?

— Я никогда ничего не скрывала отъ Елены, но это единственный случай, что я не только скрыла, но даже солгала ей и отреклась отъ всего, что ей наговорила Людомирова. Я не въ силахъ была посвятить ее въ мою тайну; ты знаешь, Володя, какъ мнѣ дороги наши отношенія и какъ я оберегаю ихъ отъ людей.

Башиловъ испыталъ почти радостное чувство, что Елена не посвящена въ его отношенія къ Данцовой. Почему?—онъ не задавался этой мыслью, но поспѣшилъ замаскировать передъ Евгеніей Михайловной это чувство удовлетворенія.

— Что жъ, это умно съ твоей стороны. Зачѣмъ посвящать людей въ свои дѣла, тѣмъ болѣе, что твоя Елена, какъ видно, достаточно умна и деликатна, чтобы не злоупотреблять своей дружбой; быть можетъ, она и догадывается, но изъ деликатности не вызываетъ тебя на откровенность; и умно!

Въ этотъ вечеръ Башиловъ, незамѣтно для Данцовой, не разъ переводилъ разговоръ на Елену и мало-по-малу узналъ о ней многое, что его интересовало. Онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы всѣ поклонники Елены были только ея друзьями, и, какъ Данцова ни увѣряла его, что жизнь Елены ей извѣстна до мельчайшихъ подробностей, онъ настаивалъ на своемъ:

— Ну, это она тебѣ очки втираетъ; я съ нею всего полчаса поговорилъ и скажу тебѣ, что она очень опытная и бывалая и если за ней хорошенько пріударить, то...

— То и останешься съ носомъ,—засмѣялась Евгенія Михайловна.

— И ты въ этомъ такъ увѣрена?

— Увѣрена, потому что знаю Елену.

— А хочешь я попробую? Но предупреждаю тебя, что съ полдороги сворачивать не люблю.

— Если бы вопросъ былъ не объ Еленѣ, то я сказала бы: «не хочу», но въ этомъ случаѣ я совершенно спокойна; ты потерпишь полное фіаско; Елена живетъ, не зная страстей.

— Что жъ она—святоша или уродъ?

— Ни то, ни другое. Познакомься съ ней и убѣдишься, что съ флирта перейдешь на товарищескія отношенія.

— Признаюсь, со мной этого не случалось

Когда они разставались, Башиловъ спросилъ полушутя:

— Такъ что жъ, Женичка, разрѣшаешь пріударить за твоей подругой? Я это на твоихъ глазахъ попробую, у Людомировой на балу. Только ужъ ты не выдавай меня, а то если предупредишь, то, конечно, она такую броню надѣнетъ, что и не подступишься.

Данцова напомнила ему, что Елена не предполагаетъ, что они могутъ вести подобные разговоры.

Башиловъ, во всемъ пунктуальный и предусмотрительный, отмѣтилъ на передвижномъ календарѣ день бала у Людомировой;

возможность встрѣтить на томъ же балу Бергъ его не особенно смущала: рѣшивъ пріударить за Еленой, онъ имѣлъ въ виду доставить удовольствіе себѣ и обезпечить спокойствіе обѣихъ соперницъ, такъ какъ каждой изъ нихъ онъ объяснитъ этотъ поступокъ желаніемъ отвлечь вниманіе любопытныхъ глазъ и злыхъ языковъ отъ той, которая его дѣйствительно интересуетъ; къ тому же Евгенія Михайловна уже предупреждена, хотя и въ шутливой формѣ, и съ ея стороны не только никакой обиды быть не можетъ, но она еще убѣдится, что по отношенію Бергъ у него нѣтъ никакихъ обязательствъ, и онъ свободенъ ухаживать за кѣмъ ему вздумается.

Башиловъ имѣлъ громадный навыкъ въ отношеніяхъ съ женщинами и, какъ опытный рулевой, умѣлъ такъ осторожно вести свой корабль между подводныхъ скалъ и мелей, что никогда еще не терпѣлъ аварій. Зачастую его занимали трудность и рискъ положенія, и съ его осторожностью и присутствіемъ духа онъ всегда выходилъ сухъ изъ воды.

Данцова время отъ времени заѣзжала къ Кольцовой (для гадающей публики Степановой); гадалка въ концѣ концовъ сама повѣрила въ то, что гадала, такъ какъ Башиловъ однажды, какъ въ былое время, былъ у нея, засидѣлся за чашкой чая и намекнулъ на свой проектъ женитьбы.

— Конечно, почему бы вамъ на ней не жениться? Очень она вамъ подходящая и ужъ любитъ васъ безъ ума. Начну раскладывать ей карты—она и блѣднѣетъ, и краснѣетъ... такъ и вопьется въ меня глазами, какъ стану о червонномъ королѣ говорить. Всю душу вамъ отдала... А и подлецы же вы всѣ мужчины! Стоите ли вы этакой любви? Ей-Богу, иной разъ языкъ такъ и чешется сказать ей, что такая любовь ровно ни къ чему; насмѣетесь, плюнете и все тутъ... Да ужъ, если бы не моя дружба къ вамъ, я бы ее поостерегла отъ этого червоннаго короля; онъ, пожалуй, еще почище многихъ.

— Ну, полно, полно... Это вы ужъ слишкомъ на меня напали, Марія Ивановна.

— Напала?—Марія Ивановна подперла ладонью подбородокъ и, покачивая головой, смотрѣла на него умными, проницательными глазами.—Я-то напала? А хотите вамъ сейчасъ карты разложу, такъ и докажу вамъ, что моя правда. Эхъ, милый вы мой. Мало ли слезъ-то я изъ-за васъ пролила за тѣ три года, что ко мнѣ чай пить по вечерамъ жаловали? Мало ли ночей не спала въ то время, какъ вы ужинали то съ той, то съ другой? Многое я знала, хотя и не все говорила. Думаете, про вашу эту артистку чернобровую не знала? И посейчасъ съ ней иногда часы проводите... Все знаю. Всѣ вы на одинъ ладъ—подлецы; и дуры тѣ, которыя вамъ душу свою отдаютъ: только наплачутся. Откровенно скажу вамъ, что эту вашу даму мнѣ отъ души жаль; у нея, что называется, вся душа на ладони. Пора бы вамъ угомониться: женились бы на ней; бу-

детъ добрая и хорошая жена и красива къ тому же, чего вамъ еще искать?

— Ишь вы какой адвокатъ... а руки все такія же бѣлыя и сдобныя... русская красавица...

Башиловъ по старой памяти принялся гладить и пожимать выше локтя обнаженныя пухлыя, дебелыя руки, притянулъ ихъ къ себѣ, положилъ на плечи и, быстрымъ жестомъ обхвативъ шею Маріи Ивановны, жаднымъ поцѣлуемъ впился въ губы.

Оставалось нѣсколько дней до бала, и Людмирова была въ такихъ хлопотахъ, что едва успѣвала обѣдать и завтракать. Но зато эта суета давала ей возможность безконтрольно отдавать по нѣсколько часовъ въ день на свиданіе съ барономъ, которымъ она была увлечена очень серьезно. Его сдержанность, корректность, полная уравновѣшенность и отсутствіе пылкости хотя и вызывали досаду, тѣмъ не менѣе разжигали еще сильнѣй ея чувство къ нему настолько, что она становилась неосторожной, нелогичной, требовательной и подозрительной. Мужа своего она побаивалась, такъ какъ, невзирая на все свое добродушіе, онъ принадлежалъ къ тѣмъ типамъ, добродушіе которыхъ имѣло свою границу; если бы до него дошли какіе-нибудь слухи, онъ попросту отколотилъ бы ее, и даже пребольно. Людмировой приходилось очень лавировать, а въ особенности въ тѣ дни, когда пріѣзжалъ Бергъ, такъ какъ послѣдній былъ далекъ отъ хладнокровнаго ухаживанія барона, избалованнаго успѣхами у женщинъ. Какъ ни хитрила Людмирова, однако баронъ уже начиналъ кое-что подмѣчать; съ присущей ему выдержкой, онъ только вскользь намекнулъ ей, что не привыкъ къ соперникамъ, не предложилъ ей ни одного нескромнаго вопроса и не измѣнилъ своихъ отношеній, но Людмирова знала отъ Елены, что если барону что-нибудь не нравилось въ отношеніяхъ съ женщинами или задѣвало его самолюбіе, онъ безъ упрековъ и сценъ уходилъ и дѣлалъ это такъ холодно и безповоротно, что вернуть его не было возможности. Людмирова, всегда крайне осторожная и скрытная, мало-по-малу, сама того не замѣчая, посвящала Елену въ свою тайну. Сперва она сговаривалась съ барономъ и, какъ бы невзначай, встрѣчалась съ нимъ у Елены; въ послѣднее время она въ минуты раздраженія жаловалась на него Еленѣ, даже спрашивала совѣтовъ, со слезами на глазахъ называла эгоистомъ, холоднымъ, неспособнымъ понять женское сердце... потомъ спохватывалась, что, быть можетъ, сказала лишнее.

— Ты понимаешь, Елена, что вѣдь не могу же я оставаться къ нему равнодушной послѣ всѣхъ его увѣреній любви и обожанія ко мнѣ. Признаюсь, что я могла бы и сама его полюбить, если бы дала себѣ волю, но я не хочу. Представь себѣ, вчера у меня отъ двѣнадцати до часу съ половиной утра, благодаря хлопотамъ о балѣ, была возможность удрать отъ домашняго завтрака; я ему те-

лефонирую, что ровно въ двѣнадцать буду у Лѣтняго сада, что поѣдемъ завтракать куда-нибудь, а онъ мнѣ отвѣчаетъ, что можетъ дать мнѣ всего полчаса, такъ какъ въ двѣнадцать съ половиной долженъ завтракать у матери. Разумѣется, я взбѣсилась, и мы поссорились. Такъ не отвѣчаютъ любимой женщинѣ; точно онъ не можетъ другой разъ позавтракать у матери? Это ничего болѣе, какъ холодный эгоизмъ, нежеланіе ни на іоту измѣнить своимъ привычкамъ.

— Нѣтъ, Мариша, ты не права. Штаденъ изъ ряду выдающійся нѣжный сынъ. Онъ обожаетъ мать и, зная ея обожаніе къ себѣ, скорѣе поссорится съ кѣмъ угодно, чѣмъ опоздаетъ хоть на минуту, если она его ждетъ. Тутъ, Мариша, совсѣмъ особенный и очень симпатичный міръ глубочайшей сыновней любви, уваженія и преданности. Его мать—очаровательная, умная старуха, и онъ правъ, что не нарушаетъ гармоніи своихъ отношеній съ ней ради каприза женщинъ, съ которыми флиртуетъ.

— Тутъ не флиртъ... ты не знаешь, что онъ мнѣ говоритъ!..

— Ни на какую безумную любовь Штаденъ не способенъ; я его знаю давно, и о многомъ мы съ нимъ говорили; я его очень люблю, но ты права, называя это эгоистомъ; онъ страшно избалованъ и женщинъ любитъ для себя, для своего удовольствія, а не ради жертвъ.

— Ну, для этого онъ можетъ искать другую... ты ему, пожалуйста, это передай...

— И не воображаю. Съ чего это ты вздумала, Мариша. Собственно говоря, я не понимаю, для чего ты съ нимъ ссоришься, если онъ тебѣ нравится? Бери его, каковъ онъ есть, и не дѣлай изъ любви драмы.

— Я тебѣ повторяю, что это невыносимый эгоистъ.

Людмирова, взволнованная, подурнѣвшая отъ слезъ, обмахивала разгоряченное лицо платкомъ и пудрила покраснѣвшій кончикъ носа. Уходя, она просила Елену «отъ себя» поговорить съ барономъ. Такимъ образомъ, Елена не разъ налаживала ихъ отношенія, стараясь обѣ стороны выставить въ выгодномъ свѣтѣ. Дѣлала она это потому, что Мариша плакала, и она ее жалѣла, но въ душѣ роль посредницы ей не нравилась, и она неохотно выслушивала Штадена, когда онъ въ отвѣтъ на заступничество, негодуя, разсказывалъ о странныхъ отношеніяхъ Людмировой къ Бергу. Елена отмалчивалась, но однажды предупредила Людмирову, что если ей дороги отношенія къ барону, то чтобы она была осторожнѣе съ Бергомъ. Людмирова не сумѣла оцѣнить добраго отношенія къ себѣ Елены и затаила противъ нея мелкую злобу за то, что ей оказались извѣстными тѣ несимпатичныя стороны ея жизни, которыя она считала ловко скрытыми, и тѣ слабости женскаго сердца, которыя громогласно съ большимъ паѳосомъ называла «непорядочностью для честной женщины».

Она давала волю своему злословію и посвящала барона во всѣ детали, правдивыя и лживыя, которыя ей удавалось узнать насчетъ Евгеніи Михайловны, Башилова и Любови Ивановны. Такимъ образомъ, онъ былъ въ курсѣ сердечныхъ дѣлъ подруги Елены, но хранилъ глубокое молчаніе и ни однимъ жестомъ не выдалъ себя, когда однажды Елена заговорила съ нимъ о Башиловѣ и о той якобы сплетнѣ, которую пустили насчетъ его и Евгеніи Михайловны. Баронъ зналъ кое-что и помимо разсказовъ Людомировой, такъ какъ кто-то случайно видѣлъ раза два Евгенію Михайловну, когда она входила или выходила изъ служебнаго кабинета Башилова. Она была достаточно элегантна и красива, чтобы заинтересовать собой, и довольно скоро служащіе въ отдѣлѣ Башилова уже знали ея фамилію. Объ этихъ посѣщеніяхъ узналъ и Штаденъ и, вспомнивъ смущенный и радостный видъ Данцовой въ тотъ день, когда онъ впервые встрѣтилъ у нея Башилова, и сопоставивъ все слышанное отъ Людомировой, онъ уже не сомнѣвался въ своихъ догадкахъ; но онъ молчалъ и уже не поддразнивалъ Евгенію Михайловну, однако не могъ воздержаться отъ нѣкоторой критики, когда Елена отзывалась о Башиловѣ, какъ о человѣкѣ интересномъ и симпатичномъ.

— Удивляюсь вашему вкусу. Чѣмъ же онъ интересенъ? Вульгаренъ и не достаточно воспитанъ.

— Да совсѣмъ нѣтъ. Онъ очень милый; пожалуй, немного слишкомъ смѣлъ, но это ничего.

— Онъ долженъ быть большой нахалъ съ женщинами.

— Съ чего вы это взяли? Вамъ, кажется, не понравилось, что онъ у Людомировой довольно безцеремонно разсматривалъ меня? Сознайтесь, вы приревновали? Оттого онъ вамъ и не нравится.

Баронъ не счелъ нужнымъ разсказывать Еленѣ, что такимъ же взглядомъ, возмутившимъ его, Башиловъ оглядывалъ и Евгенію Михайловну. Штаденъ всегда отличался громадной выдержкой и деликатностью по отношенію чужихъ дѣлъ; онъ зналъ многое, много ему довѣряли, но никогда никто не слыхалъ, чтобъ онъ что-нибудь передавалъ или разспрашивалъ. Еленѣ хотѣлось, шутя, подразнить барона.

— Такъ какъ мой поклонникъ и кавалеръ, Михаилъ Михайловичъ Орловъ, отсутствуетъ, а вы мнѣ измѣнили и промѣняли меня на Маришу, то въ наказаніе вамъ я завербую Башилова себѣ въ поклонники и на балу у Мариши буду съ нимъ кокетничать и даже скажу ему, что онъ мнѣ очень нравится.

— Не совѣтую вамъ этого дѣлать,—серьезно проговорилъ баронъ, предвидя, какую боль можетъ нанести Елена сердцу Евгеніи Михайловны.

— Почему, позвольте узнать?..

— Мнѣ это будетъ непріятно, какъ другу, потому что Башиловъ мнѣ несимпатиченъ.

— Однакоже вы избаловались, мой добрый другъ, мало ли что вамъ непріятно... А, можетъ быть, и мнѣ не нравилась ваша влюбленность въ Маришу, а я, какъ добрый товарищъ, еще и помогала вамъ.

— Если вы думаете, что ваша помощь мнѣ была пріятна, то вы глубоко ошиблись: этой помощью вы доказали полное безразличіе ко мнѣ.

— Разъ я увидѣла, что вы увлеклись Маришей...

— А вы и обрадовались?

— Ну, ужъ какъ бы тамъ ни было, но теперь вашъ чередъ помогать мнѣ, если и я влюблюсь, а не протестовать и не мѣшать.

— Если въ Башилова, то буду и протестовать и мѣшать.

— Ахъ, вотъ какъ! Посмотримъ, кто сильнѣе...

Елена смѣялась и, думая, что дразнитъ барона, долго еще увѣряла его, что Башиловъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе и что она рада будетъ встрѣтиться съ нимъ на балу.

Уходя отъ Елены и нѣжно цѣлуя ея руку, баронъ еще разъ вернулся къ этому разговору.

— А все-таки, mon ange, прошу васъ оставить этого accroche-coeur въ покоѣ; предоставьте его кому-нибудь другому,—мало ли у васъ болѣе интересныхъ поклонниковъ.

XIII.

Двухъэтажный особнякъ Людомировыхъ былъ залитъ сверху донизу электричествомъ; кареты и автомобили тѣсными рядами стояли по обѣ стороны улицы. Къ подъѣзду, обтянутому полосатой парусиной, несмотря на поздній часъ, все еще подъѣзжали экипажи, распахивались дверцы, и изъ-подъ высоко подобранныхъ шелковыхъ волановъ быстро мелькали стройныя дамскія ножки въ свѣтлыхъ чулкахъ и туфелькахъ, или не менѣе элегантнаго покроя лакированные и нелакированные ботинки штатскихъ, моряковъ, гвардейскихъ офицеровъ, генераловъ, сановниковъ и министровъ. Въ просторномъ, крытомъ яркимъ сукномъ вестибюлѣ на руки ливрейныхъ лакеевъ сбрасывались отороченныя мѣхами нарядныя шубки, шелковыя, подбитыя плюшемъ и мѣхомъ манто, газовые всѣхъ цвѣтовъ и тѣней шарфы и длинныя боа; мимоходомъ заглядывали въ громадныя простѣночныя зеркала нарядныя женщины съ обнаженными плечами и руками, благоухающія и загадочныя въ своихъ воздушныхъ нарядахъ. Кругомъ все сверкало; зеркала отражали блескъ мундировъ, орденовъ и драгоцѣнностей; сверкали глаза, сверкали улыбки, сверкала бѣлизна открытыхъ плечъ; мраморная широкая лѣстница, покрытая алымъ ковромъ, сверкала холоднымъ блескомъ; плафонъ вычурной, изящной работы, сверкалъ безконечнымъ количествомъ огней, преломлявшихся въ хрусталѣ

люстръ. На верхней площадкѣ лѣстницы стояли два негра, неподвижные, точно окаменѣвшіе, безучастные къ проходящей мимо ихъ нарядной толпѣ. При взглядѣ на ихъ обожженныя зноемъ лица рождалась мимолетная иллюзія далекихъ и горячихъ лучей тропическаго солнца. Громадные гобелены матовыми полутонами смягчали переливы блеска и огней. Въ бѣломъ овальномъ залѣ, гдѣ на хорахъ игралъ оркестръ, плавно скользила пара за парой подъ темпъ мелодичнаго вальса. Людомирова, въ бѣломъ, затканномъ серебромъ роскошномъ платьѣ, вся блистающая брильянтами, сильно декольтированная, съ замѣтно подведенными линіями бровей и слишкомъ яркими губами, привѣтливо встрѣчала у входа въ залъ все еще прибывающую публику. Ея голубые и продолговатые глаза горѣли оживленнымъ блескомъ; она была довольна: балъ вполнѣ удался. Ея домъ былъ извѣстенъ Петербургу; знали, что шампанское и веселье здѣсь льются рѣкой; дѣвицъ сюда не возили, но замужнія женщины и мужчины ѣздили на обѣды и на балы Людомировой съ большой охотой. Правда, нѣкоторыя изъ дамъ считали нужнымъ маскировать это удовольствіе, увѣряя, что ѣдутъ только изъ любопытства къ этому «cabaret aristocratique». Лакеи ловко лавировали между танцующими парами и стоящими группами, разнося на громадныхъ серебряныхъ подносахъ мороженое, крюшонъ и конфеты. Вслѣдъ за танцовальнымъ заломъ шла анфилада комнатъ, каждая въ особомъ стилѣ. Всюду стоялъ гулъ голосовъ, вырывались отдѣльныя фразы, мѣшалась русская рѣчь съ французской, чувствовалось непринужденное оживленіе; не было и помина о той бальной чопорности, граничащей со скукой, которую петербургское общество испытываетъ почти на всѣхъ великосвѣтскихъ балахъ. Здѣсь всѣ чувствовали себя весело, развязно, слышались раскаты звонкаго смѣха, шептались на ухо вольныя рѣчи, въ уютныхъ уголкахъ за тропическими растеніями мелькали пары. Артистки, актрисы и даже цыганки, приглашенныя исполнять сольные номера, придавали какой-то особенный тонъ не то клубнаго, не то курзальнаго характера. Хозяинъ дома, радушный и оживленный, легкой, эластичной походкой поспѣвалъ во всѣ комнаты, во всѣ концы своего нарядного праздничнаго дома. То онъ почтительно, съ чувствомъ собственнаго достоинства шелъ навстрѣчу сѣдому сановнику и, потирая бѣлыя, выхоленныя, пахнувшія одеколономъ руки, предлагалъ провести его къ карточнымъ столамъ, приготовленнымъ въ большомъ отдаленномъ залѣ библіотеки, то дружелюбно угощалъ шампанскимъ щеголеватаго, подтянутаго лицеиста и тутъ же, круто поворачиваясь, предлагалъ туръ вальса очутившейся безъ кавалера дамѣ; бросалъ нѣсколько словъ запыхавшемуся картавящему дирижеру и черезъ минуту былъ уже въ другой комнатѣ, подходя то къ одной, то къ другой группѣ гостей. Онъ чувствовалъ себя радушнымъ, богатымъ хозяиномъ, у кото-

раго гостямъ весело, и отъ этого сознанія ему самому становилось еще веселѣе и еще радушнѣе сіяла улыбка на его свѣжемъ, здоровомъ лицѣ съ яркимъ румянцемъ и искрилась въ карихъ, полныхъ жизни глазахъ. Женѣ онъ предоставлялъ вести дипломатію и расточать любезности нужнымъ людямъ, будучи совершенно увѣренъ, что она безраздѣльно принадлежитъ домашнему очагу, и всѣ ея улыбки, маленькія вольности и поклонники—не болѣе, какъ свѣтскій мундиръ. Самъ онъ относился добродушно-безразлично къ ея стремленіямъ завоевать ему видное положеніе и званіе камергера; онъ довольствовался сознаніемъ своей полной независимости, благодаря крупному состоянію, и пользовался жизнью широко, но не безразсудно; про него говорили, что пороху онъ не выдумаетъ, но добрый малый.

Было поздно, когда въ дверяхъ появилась Бергъ въ бѣломъ кружевномъ платьѣ съ яркими цвѣтами крупнаго мака въ рыжеватыхъ волосахъ. Людомирова увидала ее съ другого конца и, подойдя къ ней и зорко оглядывая ея туалетъ, взяла подъ руку и на минуту остановилась.

— Я ужъ думала, что съ тобой что-нибудь случилось. Ты хорошо одѣта и къ лицу... Башилова я видѣла мелькомъ; очень интересенъ сегодня... Подожди, я сейчасъ позову мужа, и ты съ нимъ пройди къ буфету, вѣроятно, онъ тамъ гдѣ-нибудь. Главное, пусть улыбка не сходитъ у тебя съ лица... Наша мадонна, я тебѣ скажу, просто очаровательна сегодня; она пріѣхала минутъ пять тому назадъ... кажется, не танцуетъ... такъ ты иди, я васъ найду.

Любовь Ивановна съ немного дѣланной улыбкой и ямочками на розовыхъ щекахъ, поддерживая одной рукой трепъ и опираясь другой на руку Людомирова, разсѣянно раскланиваясь со знакомыми, проходила анфиладу пышныхъ комнатъ, отыскивая Башилова среди нарядной толпы; замѣтивъ Данцову въ небольшой группѣ мужчинъ, она вздрогнула, всмотрѣлась, но между ними не нашла его и прошла дальше.

— Куда же мы собственно идемъ?—спросилъ Людомировъ.

— Покажите мнѣ всѣ комнаты; я ихъ совершенно не узнаю; вы сдѣлали полную перетасовку. Прелестно! Великолѣпно!

— Въ такомъ случаѣ пройдемте еще, я вамъ покажу Маришину затѣю, очень удачную.

Въ самомъ концѣ парадныхъ комнатъ былъ устроенъ настоящій café concert. Небольшіе столики, за которыми сидѣла нарядная и шумная публика, были ярко освѣщены электрическими лампами съ яркими разноцвѣтными абажурами; прекрасный цимбалистъ игралъ бьющую по нервамъ мелодію; публика стояла у дверей, такъ какъ внутри было полно. Людомировъ осторожно провелъ Бергъ впередъ, и она сразу узнала Башилова, стоящаго съ бокаломъ въ рукѣ въ противоположномъ концѣ комнаты. Подлѣ него

въ гладкомъ шелковомъ платьи золотого цвѣта сидѣла на высокомъ табуретѣ Елена; облокотясь одной рукой о прилавокъ, въ другой она держала живую розу и, медленно вдыхая ея ароматъ, слушала цимбалиста и то, что ей говорилъ Башиловъ. Къ ея матовой кожѣ очень шелъ этотъ яркій золотой шелкъ обтянутаго, какъ перчатка, платья. Пышные каштановые волосы оттѣняли бѣлизну правильнаго лба; почти черные глаза, слегка прищуренные, горѣли ровнымъ и спокойнымъ блескомъ. Башиловъ, не отрываясь, разсматривалъ ея гибкую фигуру, ея интересное, умное и энергичное лицо и чѣмъ больше всматривался, тѣмъ больше находилъ въ ней какую-то скрытую прелесть.

— Да-съ, въ жизни я признаю только одинъ трудъ, трудъ завоевателя; чтобъ каждый день былъ движеніемъ впередъ; только тогда я спокойно сплю и бодро просыпаюсь. Я, изволите ли видѣть, не люблю такъ называемыхъ широкихъ натуръ, которыя могутъ сдѣлать все, въ которыя вложены сѣмена всѣхъ талантовъ, но онѣ всю свою жизнь раскидываютъ на мелочи, сгораютъ въ огнѣ экстаза и въ итогѣ ничего не дѣлаютъ и остаются за штатомъ; я стою за систему. Я труженикъ и люблю трудъ ради самаго труда. Ни почести, ни богатства для меня не имѣютъ цѣны, если они не добыты собственнымъ трудомъ.

— Да, вы правы,—задумчиво проговорила Елена.

— Этой праздной жизни, этого хроническаго бездѣлья большей части людей я понять не могу. Въ трудѣ они видятъ обузу, а не радость, средство, а не цѣль; они изнашиваются и старѣютъ преждевременно, потому что праздный умъ изобрѣтаетъ излишества, отъ которыхъ гибнутъ и тѣло и душа. Въ мои сорокъ пять лѣтъ, увѣряю васъ, я здоровѣе вонъ того юнца, тратящаго свои ночи на безпутное, уже надоѣвшее ему веселье, а дни—на нездоровый и ненормальный сонъ... Такъ вотъ-съ, очаровательная Елена Павловна, какъ видите, вы ошиблись и совсѣмъ меня не разгадали. Очень я далекъ-съ отъ того типа, который вы во мнѣ предполагали.

— Я очень рада, что ошиблась. Цѣльныхъ натуръ такъ мало, такъ отрадно встрѣтить человѣка мыслящаго, со здоровой индивидуальностью.

— А я думаю, что васъ мнѣ удалось разгадать и думаю, что безошибочно съ перваго же раза.

— Что же вы обо мнѣ думаете?—Елена вскинула на него улыбающіеся глаза.

Только что Башиловъ собирался заговорить, какъ Людомировъ подвелъ къ нимъ Бергъ, ожидавшую прочесть на лицѣ Башилова удивленіе при видѣ ея, такъ какъ въ одномъ изъ своихъ писемъ она вскользь упоминала, что ни ея мужъ, ни она, къ сожалѣнію, не могутъ пріѣхать на этотъ балъ. Башиловъ очень радушно, безъ

тѣни удивленія, поцѣловалъ протянутую руку, придвинулъ табуретъ и предложилъ бокалъ шампанскаго.

— Mesdames, вы танцуете?—обратился хозяинъ дома къ Бергъ и Карцевой.

— Я, кажется, не хочу танцовать,—вопросительно глядя на Башилова, отвѣтила Бергъ.

— А я танцую котильонъ съ Рихтеромъ; пожалуйста, направьте его сюда, если увидите; иначе онъ, пожалуй, не отыщетъ меня,—проговорила Елена.

Людомировъ перекинулся еще двумя-тремя словами и исчезъ.

— Вы удивлены, что видите меня здѣсь?—обратилась Бергъ къ Башилову, желая въ отвѣтѣ разгадать его настроеніе.

— Нисколько. Было бы очень жаль пропустить такой интересный балъ. Хотя Оттонъ Александровичъ писалъ мнѣ, что ни онъ, ни вы быть не можете, но я былъ увѣренъ, что вы побѣдите препятствія.

Ни въ словахъ, ни въ тонѣ голоса Бергъ не уловила ни намека на раздраженіе, ни намека на радость. Онъ былъ такъ естественъ и простъ, что Елена съ любопытствомъ и удовольствіемъ наблюдала за нимъ, припоминая все, что ей разсказывала Людомирова объ его давнишней связи съ Бергъ, въ которой она сейчасъ же уловила что-то безпокойное, какое-то напряженіе въ не совсѣмъ искренней улыбкѣ и едва замѣтную дрожь въ уголкахъ пухлаго рта.

— Что же, Владиміръ Ивановичъ, я жду отъ васъ обѣщанной характеристики, я очень заинтересована, насколько вы проницательны.

— Нѣтъ, ужъ увольте-съ. Я не люблю публичныхъ экзаменовъ; если вы мнѣ разрѣшите, то я къ вамъ пріѣду и съ глазу на глазъ буду исповѣдываться.

— Я буду очень рада видѣть васъ у себя.

— У васъ секреты... я помѣшала, кажется...

— Помилуйте, Любовь Ивановна... это я изъ чувства самосохраненія. Боюсь, что Елена Павловна поставитъ мнѣ скверный баллъ за психологію и въ ея глазахъ я не выиграю, и въ вашихъ, чего добраго, проиграю; нападете на меня вдвоемъ, а я хоть съ характеромъ, а если попадусь между двухъ интересныхъ женщинъ, то сильно трушу и теряюсь... Вотъ вы меня, ваше превосходительство Любовь Ивановна, не первый годъ знаете; скажите, развѣ я не тихій, не миролюбивый человѣкъ? Здѣсь, передъ вашимъ приходомъ, Елена Павловна наградила меня всѣми пороками... заступитесь за меня.

— Пожалуйста, Любовь Ивановна, не вѣрьте ему, онъ страшно преувеличиваетъ.

— Кому же мнѣ вѣрить, вамъ или ему?

— Конечно, мнѣ. Могутъ ли быть сомнѣнія,—шутилъ Башиловъ.

— Кто знаетъ, не слишкомъ ли я много довѣряю вамъ...

— Ого!—подумала про себя Елена:—тутъ что-то есть.

Башиловъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ намека, и непринужденно разсмѣялся.

Бергъ его начинала раздражать. Онъ сразу почувствовалъ ея нервно-враждебное настроеніе и спрашивалъ себя, кому онъ обязанъ ея очевидному желанію сдѣлать ему «сцену». Эта мысль его бѣсила до того, что онъ почувствовалъ, что стоитъ Любови Ивановнѣ сказать ему первое непріятное слово, какъ онъ безъ жалости тутъ же сообщитъ ей о своемъ рѣшеніи ликвидировать ихъ отношенія и свое намѣреніе жениться. Онъ не выносилъ сценъ: становился безжалостнымъ, холоднымъ, почти грубымъ. Внезапное появленіе Любови Ивановны, на которое онъ не разсчитывалъ, его сильно раздосадовало, и чѣмъ онъ казался любезнѣе и привѣтливѣе, тѣмъ недружелюбнѣе вспыхивалъ минутами огонекъ въ его близорукихъ глазахъ. Въ то время, какъ къ Любови Ивановнѣ подошелъ маленькій сѣденькій генералъ и, цѣлуя ея руку, принялся подробно разсказывать о внезапной болѣзни своей дочери, Башиловъ предложилъ Еленѣ пройтись къ танцовальному залу. Въ ту минуту, какъ они протискивались къ дверямъ сквозь толпу, Башилова обдало запахомъ тонкихъ Елениныхъ духовъ, ея плечо коснулось его плеча и ему неудержимо захотѣлось шепнуть ей на ухо что-нибудь ласковое, но онъ благоразумно воздержался и только положилъ на ея пальцы, опиравшіеся на его руку, свою широкую, всегда горячую ладонь, слегка сжалъ ихъ и проговорилъ добродушнымъ, дружескимъ тономъ, глядя ей прямо въ глаза:

— Удивительная вы женщина: съ вами поговоришь и не хочется отходить, кажется скучно съ другими женщинами. Признаться, я не охотникъ на балы ѣздить; не танцую, въ карты не играю и за женщинами ухаживать въ такой сутолокѣ не люблю. Если бы меня не смущала соблазнительная мысль встрѣтить васъ, я бы ни за что сюда не пріѣхалъ.

— Владимиръ Ивановичъ, если вамъ приходитъ въ голову говорить мнѣ комплименты, такъ это напрасно потраченное время: я имъ не вѣрю и не люблю ихъ.

— Я прекрасно вижу, съ кѣмъ имѣю дѣло: вы слишкомъ умны, избалованны и требовательны, чтобы васъ могли занять пошлыя любезности; я очень далекъ отъ желанія дискредитировать себя въ вашихъ глазахъ такими избитыми пріемами, но я привыкъ говорить то, что думаю. Меня поразилъ и плѣнилъ вашъ блестящій, острый и удивительно тонкій умъ, и я ѣхалъ сюда съ исключительнымъ желаніемъ еще разъ поговорить съ вами и просить вашего разрѣшенія быть у васъ и...

— И зачислиться въ ряды моихъ поклонниковъ?—съ легкой ироніей докончила за него Елена.

— Никакъ нѣтъ-съ. Поклонниковъ у васъ, вѣрно, очень много, а я не люблю сливаться съ толпой, потому что не люблю ея. Толпу я признаю только какъ средство для достиженія...

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я на нее смотрю глазами коршуна и жду того момента, когда она станетъ моей добычей, сперва повинуясь мнѣ, какъ послушное стадо барановъ, а затѣмъ, обратясь въ стихійную силу, однимъ мощнымъ крикомъ вознесетъ меня на колесницу побѣдителя, и я, колѣнопреклоненный и умиленный, склоню предъ ней свое чело, чтобы ею же быть увѣнчаннымъ вѣнцомъ побѣдителя.

— Вы такъ честолюбивы?

— Безумно.

Елена посмотрѣла ему въ лицо; оно дышало силой, отвагой и энергіей.

— Право, мнѣ это нравится. Мысленно жму вашу руку.

— А я мысленно крѣпко цѣлую обѣ ваши.

— Женя, я тебя не узнала. Здравствуй.

Елена тронула вѣеромъ обнаженное плечо Данцовой.

— Я тебя нѣсколько разъ искала, гдѣ ты была?

— Мы пили шампанское и слушали цимбалиста въ барѣ; Владимиръ Ивановичъ очень милый собесѣдникъ; я жалѣю, что онъ не танцуетъ, и я должна его скоро покинуть.

— Я сожалѣю вдвойнѣ, такъ какъ рискую не найти васъ послѣ котильона.

— Да, слишкомъ много публики, я не люблю этого.

— Елена, постой, я хотѣла просить тебя подвезти меня домой послѣ ужина.

— Прекрасно, но для этого будемъ ужинать за однимъ столикомъ, а то потеряемся.

— Mesdames, разрѣшите мнѣ предложить вамъ свои услуги; у меня четырехмѣстный автомобиль.

— Отлично. Въ такомъ случаѣ возьмите на себя трудъ не потерять насъ обѣихъ изъ виду и быть вмѣстѣ за ужиномъ... Александръ Александровичъ, остановитесь: я здѣсь и жду васъ. Вы знакомы? Башиловъ, Рихтеръ.

— Какъ же-съ. Въ одномъ министерствѣ служимъ,—отвѣтилъ Башиловъ, пожимая руку Рихтера.

— Позвольте васъ увлечь. Уже всѣ на мѣстахъ.

Завладѣвъ рукой Елены, Рихтеръ заговорилъ по-французски:

— А вы, Евгенія Михайловна, развѣ не танцуете? Если разрѣшите, я вамъ сейчасъ кавалера найду... да вотъ Владимиръ Ивановичъ.

— Никакъ-съ нѣтъ, я не танцую,—отвѣтилъ Башиловъ по-русски.

«Онъ не знаетъ французскаго языка—это жаль», мелькнуло въ умѣ Елены.

— Мерси, Александръ Александровичъ, не хлопочите, я не расположена танцовать.

Данцовой хотѣлось побыть съ Башиловымъ, и она съ удовольствіемъ отказывалась отъ танцевъ, но, вспомнивъ его намѣреніе пріударить за подругой, предложила пройти въ танцовальный залъ, гдѣ они усѣлись подлѣ стѣны, за стульями танцующихъ, причемъ каждый разъ, какъ Еленѣ не хотѣлось участвовать въ какой-нибудь фигурѣ, они вели вчетверомъ оживленный разговоръ. Пробираясь между танцующими парами, раскраснѣвшаяся, оживленная, съ блестящими глазами, къ нимъ подошла Людомирова.

— Сидите, сидите, Владиміръ Ивановичъ, я на одну минуту. Сейчасъ будетъ полонезъ, и парами всѣ пройдутъ къ ужину; вы предложите руку Евгеніи Михайловнѣ, и мы небольшой компаніей займемъ столикъ, чтобы безъ церемоніи повеселиться и посмѣяться. Любовь Ивановну я уже предупредила—она съ нами; вы согласны, Евгенія Михайловна?

— Разумѣется. Я очень рада.

— Въ такомъ случаѣ наша компанія увеличивается,—замѣтилъ Башиловъ:—мы уже сговорились съ Еленой Павловной занять общій столикъ, а такъ какъ она танцуетъ съ Рихтеромъ, то, вѣроятно, и онъ...

— Ну, нѣтъ! Александръ Александровичъ очень милый человѣкъ, но сегодня онъ можетъ намъ помѣшать; вы сами видите, у насъ образовался свой тѣсный кружокъ, и мы не будемъ стѣсняться болтать всякій вздоръ.

— Но позвольте, Марья Константиновна, это выходитъ я одинъ на три дамы? Не берусь...

— Съ нами баронъ. Я отвѣчаю за то, что скучно не будетъ... Рихтера я уже пристроила, онъ мнѣ будетъ благодаренъ; тутъ есть его пассія, и онъ долженъ ужинать съ ней; пусть Елена это ему передастъ, она знаетъ, о комъ рѣчь. Такъ, господа, занимайте второй столикъ отъ окна, я распорядилась, и онъ оставленъ для насъ, а пока убѣгаю...

Сверкнувъ глазами въ сторону Башилова, Людомирова кивнула привѣтливо Евгеніи Михайловнѣ и, расчищая себѣ дорогу вѣеромъ, которымъ шаловливо хлопала по плечамъ и спинамъ кавалеровъ, сверкая брильянтами на слишкомъ обнаженной груди, высоко приподнявъ тренъ роскошнаго платья, она быстро направилась въ противоположный конецъ зала, гдѣ ее ожидалъ баронъ, которому было поручено разыскать Бергъ, чтобы вмѣстѣ сойтись къ ужину. Ему не нравилась затѣя Людомировой, такъ какъ онъ не симпатизировалъ Башилову, отношенія котораго къ Бергъ и Евгеніи Михайловнѣ зналъ отъ нея же, и находилъ неосторожнымъ соединять ихъ за общимъ столомъ; Людомирова, зная корректность и исключительную порядочность барона, конечно, остереглась объяснить ему подкладку этой затѣи.

— Елена ужинаетъ съ нами; оказывается, она уже раньше сговорилась съ Башиловымъ.

— Очень радъ. Въ случаѣ чего она и выручитъ.

— А ты ожидаешь конфликта?

Людомирова разсмѣялась.

— Будьте осторожны, не говорите «ты»... Со стороны Евгеніи Михайловны,—конечно, нѣтъ; у нея громадная выдержка, а Любовь Ивановну я вѣдь мало знаю. Во всякомъ случаѣ вы поступили неудобно... къ чему это?

— Не извольте ворчать. Я забочусь объ общемъ весельи: и одной и другой хочется быть съ Башиловымъ, и я его посажу между ними, мнѣ хочется быть и съ моими пріятельницами, имъ, вѣроятно, со мной, а вамъ хочется быть со мной и съ Еленой... ну, вотъ всѣ и будутъ довольны. Вѣдь я и о васъ позаботилась, такъ какъ посажу между собой и Еленой и не буду вамъ мѣшать шептаться.

— Неостроумно,—баронъ пожалъ плечами.

XIV.

Когда Елена послѣ продолжительнаго grand rond вернулась на свое мѣсто, и Евгенія Михайловна передала ей о новомъ составѣ компаніи для ужина, Елена на секунду недовольно наморщила брови.

— Мариша дуритъ. Я вижу, что она затѣяла. Пожалуйста, не безпокойся. Владимиръ Ивановичъ,—обратилась она къ Башилову,— ради Бога подзовите ко мнѣ вонъ того моряка, онъ мнѣ нуженъ, я забыла мое обѣщаніе взять его ужинать за нашимъ столикомъ.

Черезъ минуту Юрьевъ, почти красавецъ въ своемъ морскомъ мундирѣ, безпечно, по-мальчишески веселый, скользя по блестящему паркету лакированными ботинками, съ размаху подлетѣлъ къ Еленѣ, едва удерживаясь на ногахъ, и остановился, приложивъ руку какъ подъ козырекъ:

— Есть.

— Георгій Михайловичъ, вы ужинаете въ нашей компаніи; второй столъ отъ окна. Сейчасъ же послѣ полонеза мчитесь сюда, такъ какъ Александра Александровича будетъ ждать его дама, чтобъ вести ее къ ужину.

— Есть,—Юрьевъ дурачливо вытаращилъ глаза.

— Cavalliers, à vos places!—раздался картавый голосъ дирижера; Юрьевъ сорвался съ мѣста и черезъ весь залъ, скользя, какъ по льду, помчался къ своему мѣсту.

— Какой красавецъ!—громко произнесъ Башиловъ. «Молодецъ», подумалъ онъ про себя, смѣющимися глазами окидывая всю стройную фигуру Елены, которая, положивъ руку на плечо Рихтера, готова была начать туръ вальса. Башиловъ, конечно, понялъ, что у Людомировой была какая-то затаенная мысль въ желаніи свести его за однимъ столомъ съ двумя соперницами, и если бы не присутствіе Елены, онъ отказался бы отъ ужина и уѣхалъ, не изъ страха, а изъ желанія показать Людомировой, что онъ понялъ ее; но присутствіе Елены его настраивало на особый весело-миролюбивый ладъ, и вмѣсто гнѣва Людомирова возбудила въ немъ чувство задорнаго любопытства узнать, какъ же разыграется задуманный ею, а, можетъ быть, и Бергъ планъ поставить его въ неловкое положеніе. За себя онъ былъ спокоенъ. Ему было весело, и чувствовалъ онъ себя очень увѣренно. Онъ сейчасъ же сообразилъ, что Елена тоже кое-что поняла и что Юрьева зоветъ на зло Людомировой и, вѣроятно, въ защиту Данцовой. «Молодецъ!» мысленно повторилъ онъ, слѣдя за ней и разсѣянно слушая Данцову, слова которой заглушались звуками оркестра. Ею онъ былъ вполнѣ доволенъ: она была крайне осторожна и безъ малѣйшей натяжки держала себя съ нимъ какъ съ мало знакомымъ, сдѣлавшимъ ей одолженіе человѣкомъ: просто и любезно.

Подъ звуки полонеза нарядныя пары красивой, волнообразной линіей направились черезъ длинную анфиладу комнатъ къ ужину. Въ обширной столовой и сосѣдней комнатѣ были красиво сервированы небольшіе столы, убранные букетами благоухающихъ цвѣтовъ. У одного изъ нихъ Людомирова, баронъ и Любовь Ивановна высматривали въ проходящихъ мимо парахъ остальную часть своей компаніи.

Елена, съ громаднымъ букетомъ роскошныхъ цвѣтовъ-премій котильона, подъ руку съ Башиловымъ оживленно присоединилась къ нимъ.

— А гдѣ же Евгенія Михайловна?—озабоченно спросила Людомирова.

— Сейчасъ придетъ съ Юрьевымъ; онъ ужинаетъ съ нами.

Башиловъ осторожно укладывалъ на подоконникѣ рядомъ со столомъ Еленины цвѣты.

— Что же мы стоимъ? Господа, садитесь. Люба, ты здѣсь, Владиміръ Ивановичъ ваше мѣсто подлѣ, съ другой стороны сядетъ Евгенія Михайловна.

— Pardon, chère amie, я протестую: возлѣ Владиміра Ивановича сажусь я и никому моего мѣста не уступаю.

Елена взялась за стулъ, который Башиловъ почтительно ей отодвинулъ.

— Нѣтъ ужъ, Елена, ты не путай, пожалуйста...

— Я вѣдь сказала тебѣ, что никому моего сосѣда не уступлю. Объявляю во всеуслышаніе, что Владимиръ Ивановичъ мнѣ очень нравится, и на сегодняшній вечеръ я его завербовала въ свои кавалеры.

Съ этими словами Елена рѣшительно заняла мѣсто рядомъ съ Башиловымъ; поймавъ укоризненный взглядъ барона, она засмѣялась, быстрымъ жестомъ сдернула длинныя, какъ чулокъ, бѣлыя перчатки, свернула ихъ въ маленькій комочекъ и бросила въ бокалъ, стоявшій передъ приборомъ Башилова. Подошли Юрьевъ, Евгенія Михайловна, и всѣ разсѣлись. Въ столовой было шумно, ослѣпительно свѣтло и весело. Оркестръ, помѣщенный рядомъ, заглушалъ звонъ бокаловъ и серебра. Оживленіе нарастало. Одно за другимъ подавались утонченныя блюда, бокалы наполнялись шампанскимъ, которое своей холодной янтарной влагой начинало туманить умы, развязывать языки. Слышались взрывы смѣха, возгласы, смѣлыя фразы... За однимъ изъ столиковъ шумная компанія подхватила цыганскую мелодію, исполнявшуюся оркестромъ, сперва вполголоса, потомъ громче; выдѣлился чей-то контральтовый голосъ, кто-то крикнулъ «браво», кто-то провозгласилъ тостъ за хозяйку дома, мужчины поднялись со своихъ мѣстъ, шумно отодвигая стулья. Людомирова бросала направо и налѣво привѣтливыя улыбки, сверкала брильянтами, и глаза ея начинали горѣть возбужденнымъ огонькомъ съ каждымъ лишнимъ бокаломъ. Ей становилось неудержимо весело, хотѣлось хохотать и болтать всякій вздоръ, но она еще сдерживала себя, руководимая сознаніемъ, что завтра же объ ея балѣ будетъ много разговоровъ и не слѣдуетъ допускать никакихъ шероховатостей, тѣмъ болѣе со стороны ея самой, какъ хозяйки дома. Баронъ былъ мало разговорчивъ; онъ слѣдилъ за Еленой; она кокетливо и вызывающе все время о чемъ-то говорила съ Башиловымъ, вниманіе котораго исключительно было сосредоточенно на ней. Данцова ласково и сдержанно отвѣчала на шутки Юрьева; тотъ такъ же, какъ и Людомирова, легко пьянѣлъ и становился шумно-веселымъ. Любовь Ивановна перебрасывалась отдѣльными фразами съ Людомировой и казалась совершенно сбитой съ толку. Она приготовилась дать отпоръ соперницѣ въ лицѣ Евгеніи Михайловны, которая спокойно смѣялась и шутила съ Юрьевымъ, совершенно безучастная къ ухаживанію Башилова. Любовь Ивановна отлично изучила Башилова за эти четыре года и по тону его голоса, по смѣху, по невольно вырывавшимся горячимъ ноткамъ, для нея было ясно, что онъ комедіи не играетъ и совершенно искренно увлекается разговоромъ съ Еленой. Всѣ приготовленныя въ мучительныя безсонныя ночи язвительныя полуслова, намеки, которыми она хотѣла сразить соперницу, оказались совершенно излишними. Кто же соперница? Да и существуетъ ли она? Отъ Людомировой Бергъ знала, что съ Карцевой онъ едва знакомъ. Пой-

мавъ взглядъ подруги, она осторожно повела глазами въ сторону Башилова.

— Ровно ничего не понимаю...

— Нечего и понимать: комедія.

— Ошибаешься. Никакой.

— Посмотримъ... Баронъ,—вдругъ сразу обернулась Людомирова къ Штадену:—какой вы невыносимый, право. Хоть бы разъ вы сбросили съ себя скучнѣйшую корректность... точно замороженный. Извольте пить шампанское и говорить глупости: надоѣло слушать одни умныя слова; что же вы не пьете? Я хочу, чтобы вы выпили залпомъ. Ну, я васъ прошу... ну, милый... ну, хорошій... ну, дорогой...

— Тише, тише, Марья Константиновна... извольте, я выпью, но съ условіемъ, что вы не сдѣлаете больше ни одного глотка...

— Вотъ еще что за глупости! Господа, за веселье!...—Людомирова высоко подняла свой бокалъ и осушила его залпомъ. Баронъ пожалъ плечами и нехотя отпилъ глотокъ изъ своего бокала.—Господа, теперь каждый изъ васъ долженъ провозгласить тостъ. Георгій Михайловичъ, начинайте.

— Wein, Weib und Gesang! Ура!—Юрьевъ чокнулся съ Данцовой, залпомъ выпилъ шампанское и, быстро обернувшись, поймалъ за рукавъ мимо бѣгущаго лакея съ бутылкой, обернутой въ салфетку.

— Браво, Юрочка. Я и не знала, что вы такъ хорошо владѣете нѣмецкимъ языкомъ,—разсмѣялась Елена.

— Баронъ, ждемъ вашего тоста, сейчасъ, сію минуту.

— Я за выдержку и за хладнокровіе,—спокойно проговорилъ баронъ.

— Фу, какая гадость! Не желаю пить.

— А я съ удовольствіемъ. Вы напрасно, Марія Константиновна, забраковали тостъ барона; позвольте чокнуться.

Башиловъ протянулъ свой бокалъ Штадену, который холодно до него дотронулся.

— Вы что-то не въ духѣ, mon ange?—насмѣшливо глядя въ глаза, проговорила Елена.

— А вотъ пересядь сюда рядомъ,—еще разъ попыталась Людомирова, но Елена отрицательно кивнула головой.

— Владимиръ Ивановичъ, ждемъ вашего тоста.

— За обаятельныхъ и умныхъ женщинъ.—Башиловъ выразительно и въ упоръ взглянулъ на Елену и протянулъ къ ней первой свой бокалъ.

— Однако, Владимиръ Ивановичъ, я что-то замѣчаю. Ты его тостамъ не вѣрь, Елена: онъ коваренъ; способенъ протягивать бокалъ одной, а думать о другой.

— Это правда?—глаза Елены смѣялись.

— Ей Богу-же нѣтъ. Во всеуслышаніе исповѣдуюсь, что, подымая бокалъ, думалъ только о васъ.

— Ну, однако! Люба, что же ты молчишь? Я бы на твоемъ мѣстѣ обидилась. Сидитъ между двухъ дамъ, а пьетъ за одну.

— Это ужъ вина ваша-съ, я предупреждалъ, что меня можетъ достать только на одну даму, да и то голова съ непривычки кружится.

— Я пью за постоянство въ любви,—напряженно улыбаясь, громко проговорила Любовь Ивановна.

— Ура! Ура! Я постояненъ въ любви къ Бахусу.—Юрьевъ хохоталъ до упаду и смѣшилъ Евгенію Михайловну, которая очень искренно веселилась.

— Елена Павловна, почему вы игнорируете тостъ? Развѣ вы его не раздѣляете?—спросилъ Башиловъ.

— Если бы говорилось о постоянствѣ въ дружбѣ, конечно, и я присоединилась бы, но въ любви я ровно ничего не смыслю.

— Это что же—своего рода кокетство?

— Спросите Женю, она меня хорошо знаетъ.

— Помилуйте-съ, смѣю ли я провѣрять.

Становилось такъ шумно, что общій разговоръ вести было невозможно, и Людомирова, видя, что ея планъ, благодаря непредвидѣнной случайности рушился, предалась бурному веселью, вовлекая въ него своихъ сосѣдей. Она такъ много пила вина, что баронъ шепнулъ ей, что если она еще разъ наполнитъ свой бокалъ, то онъ сейчасъ же послѣ ужина уѣдетъ.

Было очень поздно. Елена взглянула въ окно. Надъ пустынной улицей чуть начинало свѣтлѣть блѣдно-голубое небо, и въ рѣдѣющей тьмѣ расплывающимися пятнами тянулись по обѣимъ сторонамъ улицы линіи мерцающихъ фонарей. Громады безмолвныхъ, будто дремлющихъ, домовъ и небо были окутаны какимъ-то неопредѣленнымъ свѣтло-сиреневымъ тономъ, который заглядывалъ черезъ окно и, тутъ же сливаясь съ яркимъ блескомъ электричества, давалъ впечатлѣніе странной, декадентской картины. Фіалки, блѣдныя, пахучія розы, упругія, свѣжія лиліи и левкои, разсыпавшіяся на подоконникѣ, еще болѣе вовлекали внезапно захваченную этой картиной фантазію Елены въ чуждый этого шума и смѣха міръ, погружали въ исканіе какой-то идеи, неслышно налетѣвшей и безмолвно ставшей на порогѣ шумнаго веселья и молчаливыхъ неуловимыхъ настроеній.

— Отчего вы замолкли? На что вы смотрите?—намѣренно слишкомъ близко наклоняясь къ плечу Елены, спросилъ Башиловъ.

— Взгляните на подоконникъ, на цвѣты... Какой на нихъ странный таинственный колоритъ... Они лежатъ на грани двухъ міровъ:

безшабашнаго, всепоглощающаго дурмана веселья и задумчиваго, неподвижнаго покоя. Яркій блескъ огней съ одной стороны и предутренняя голубоватая полутьма съ другой—слились, окутали ихъ и придали имъ тревожащій душу колоритъ.... Я не могу оторваться, глядя на нихъ... Вы знаете, это моя эмблема, это моя душа, стоящая на порогѣ двухъ граней...

— О, да вы поэтесса! Я открываю въ васъ все новыя и новыя достоинства. Какъ вы удивительно впечатлительны, какъ красива ваша фантазія! Какъ тѣ цвѣты тревожатъ вашу душу, такъ вся вы тревожите мою... Я хочу пить за ваше здоровье, за нашу первую встрѣчу... Елена Павловна, вы слышите?

— Слышу и не придаю особеннаго значенія вашимъ словамъ.

— Вѣрьте мнѣ, я искрененъ.

— Въ данную минуту, да. Это вопросъ настроенія и обстановки. Вы поглядите на Юрочку, онъ сейчасъ будетъ стоять на колѣняхъ передъ кѣмъ угодно... Юрочка, вы совсѣмъ ошалѣли! Женя, угомони его!

— Это вашъ родственникъ?

— Кто? Юрочка? Нисколько.

— Почему же такая интимность?

— Задушевный онъ человѣкъ, вотъ почему.

— Ну, это не резонъ-съ.

Елена медленно повернулась всѣмъ корпусомъ въ сторону Башилова и широко открыла удивленные глаза.

— Что вы на меня такъ смотрите? Что осмѣлился мнѣніе высказать?

— Въ вашемъ мнѣніи звучитъ осужденіе.

— А если бы и такъ?

— Слишкомъ смѣло, Владимиръ Ивановичъ.

— Я всегда говорю, что думаю.

— Ну, такъ думайте до конца—это интересно.

— Если вамъ угодно! Когда съ молодымъ и красивымъ мужчиной не менѣе молодая и красивая женщина усваиваетъ шаловливо-интимный тонъ, то это даетъ всегда поводъ къ подозрѣнію...

— Чего? Ну, чего же?

— Какъ бы это выразиться... да... просто влюбленныхъ отношеній-съ.

— И что же изъ этого? Почему же это не «резонъ»?

— Да къ чему же афишировать?

— А отъ кого скрывать?

— Однако вы, Елена Павловна, смѣлая! Это вы такъ, для шутки, или по убѣжденію?

— А вы какъ думаете?

— Да я сбитъ съ толку. То говорите: въ любви ничего не смыслю, то вдругъ «Юрочка».

— А по-вашему, если «Юрочка», то, несомнѣнно, и любовь?

Въ это время Людомирова шумно отодвинула свой стулъ, оркестръ замолкъ, и гости въ приподнятомъ настроеніи, съ отуманенными слегка головами, медленно стали подвигаться къ танцовальному залу. Многіе уѣзжали. Въ залѣ было прохладно и пусто. Оркестръ заигралъ вальсъ. Valmons своей волнообразной походкой направилась къ Людомировой; очень изящный стильный туалетъ дѣлалъ ее похожей на декадентскія фигуры такихъ женщинъ, которыхъ рисуютъ съ длинными лиліями въ рукахъ или простирающими тонкія руки навстрѣчу блѣднымъ лучамъ луны.

— Chère madame, votre bal a été ravissant!... [1])

Она томно полузакрыла глаза и протянула Людомировой руку.

— Какъ! вы хотите уѣзжать? Ни за что! Я не пущу васъ. Мы еще повеселимся. Я непремѣнно хочу, чтобы вы остались dans le petit cercle intime. Я еще не успѣла переговорить съ вами относительно вашего бенефиса. Нѣтъ, нѣтъ, ma grande chérie, я васъ не отпускаю. Вотъ и графъ Эвенъ. Графъ, прошу васъ тоже не уѣзжать, j'ai à vous parler. Наша очаровательная madame Valmons не захочетъ меня огорчить своимъ исчезновеніемъ.

Въ эту минуту передъ Людомировой склонился въ почтительной позѣ молодой, брызжущій здоровьемъ и весельемъ гвардеецъ, блондинъ съ голубыми глазами, приглашая ее на туръ вальса.

— Vous êtes épatante ce soir [2]).

Отъ него сильно пахло виномъ, голубые жизнерадостные глаза скользили по обнаженнымъ плечамъ Людомировой, и онъ, крѣпко обхвативъ ея станъ, изо всей силы прижималъ къ себѣ.

— Вы меня задушите... сумасшедшій!

Людомирова смѣялась и въ то же время пожимала его руку. Вальсируя, они поровнялись съ Людомировымъ, который нѣсколько минутъ тщетно отыскивалъ глазами жену.

Къ концу ужина до него не разъ долеталъ ея слишкомъ задорный смѣхъ, и онъ боялся, чтобы она не перешла границы въ своемъ весельи, какъ это случалось иногда съ ней, и тогда она срывалась, забывала должныя рамки, нарушала установленный въ своемъ салонѣ тонъ, обнажала свою необузданную и искусственно дисциплинированную натуру и давала поводъ говорить склоннымъ къ злословію людямъ о себѣ и о своемъ салонѣ съ оттѣнкомъ пренебреженія и недоброй критики.

---

[1]) Дорогая, вашъ балъ былъ великолѣпенъ.
[2]) Сегодня вы съ ногъ сшибательны.

Людомировъ зналъ, что два-три лишнихъ бокала шампанскаго туманили ей настолько голову, что она становилась способной на безтактныя и даже шокирующія выходки. Онъ искалъ возможности подойти къ ней и шепнуть свое предостереженіе.

Многіе уѣхали, такъ какъ было очень поздно, но въ залѣ еще носились танцующія пары и чувствовалось послѣднее и самое сильное напряженіе всеобщаго веселья послѣ хорошаго ужина съ обильнымъ количествомъ вина. Составлялся кадриль, въ который вовлекались солидные, уже больше не танцующіе кавалеры. Въ немного опустѣломъ залѣ звуки оркестра казались болѣе полными. Рихтеру съ трудомъ удалось водворить порядокъ. Хозяйка дома просила его продирижировать, и онъ охотно согласился. Съ нимъ въ первой парѣ танцовала худощавая, стройная блондинка среднихъ лѣтъ. Ея волосы цвѣта льна и блѣдность лица составляли странную особенность и привлекали вниманіе. Пенснэ, которое она никогда не снимала, придавало нѣкоторую сухость, педантичность ея выраженію. Изящная въ туалетѣ и манерахъ, подвижная, очень умная и сердечная, она пользовалась всеобщей любовью, и самые злые языки не находили возможности сказать о ней что-нибудь нехорошее или набросить на нее тѣнь. Она безпредѣльно любила своего мужа, красавца Борисова, въ угоду ему вела свѣтскій образъ жизни и въ обществѣ молодыхъ и стариковъ была желанной.

Рихтеръ, всегда осторожный въ выборѣ дамъ, оказывалъ много вниманія Борисовой, подмѣтивъ, что ея общества искали всѣ тѣ люди, передъ которыми ему слѣдовало улыбаться и расточать свои любезности. Его широкій умъ могъ мельчаться и раздробляться на какія угодно наблюденія и комбинаціи почти пошлаго характера. Ихъ vis-à-vis была Людомирова съ графомъ Эвеномъ, еще не старымъ, очень виднымъ, высокаго роста генераломъ, имѣющимъ большой вѣсъ при дворѣ и вѣчно озабоченнымъ поисками денегъ, которыя незамѣтно какъ-то испарялись изъ его бумажника, превращаясь въ собольи мѣха, ящики серебра, кольца и браслеты для Valmons и на прихоти вкоренившихся въ немъ и въ семьѣ привычекъ къ широкой жизни. Графъ Эвенъ никогда не отличался умомъ, но умѣлъ во всѣхъ случаяхъ жизни быть корректнымъ, полнымъ чувства собственнаго достоинства и въ то же время удобнымъ для начальства. Въ молодости былъ красавцемъ и его иначе не называли, какъ «le beau comte». Но время коснулось своей неумолимой рукой его красоты. Отъ обаятельной, не покидавшей устъ улыбки осталась одна гримаса; вмѣсто густыхъ, пышно обрамлявшихъ лобъ, черныхъ волосъ—жидкія подкрашенныя прядки вокругъ значительно лысѣющаго черепа. Неизмѣнными остались привычка къ утонченной элегантности и любовь къ француженкамъ.

— Я непремѣнно хочу, дорогой графъ, чтобы бенефисъ нашей очаровательной madame Valmons былъ выдающимся изо всего

сезона...—говорила Людомирова графу въ промежуткахъ между фигурами кадриля.—Устройство всего этого требуетъ и большихъ хлопотъ, и главное—большого умѣнія. Я знаю, что никто лучше васъ не сумѣетъ организовать такой вечеръ...

— Я къ вашимъ услугамъ, Марія Константиновна, приказывайте.

— Элегантный подарокъ, ужинъ, цвѣты... все, все, дорогой графъ, возьмите на себя, а мы будемъ апплодировать и веселиться. Я съ восторгомъ передамъ въ ваше неограниченное распоряженіе нужную сумму и буду счастлива, если вы избавите меня отъ всѣхъ хлопотъ и счетовъ.

— Charmé, madame, de vous être agréable [1])!

— Ну, вотъ отлично... Значитъ, я могу быть покойна?—Людомирова остановила на его всегда улыбающемся лицѣ вопросительный, какъ будто что-то подразумѣвающій взглядъ.

— Марія Константиновна, я весь къ вашимъ услугамъ.

Эвенъ любезно склонился, цѣлуя ея руку.

«Надо написать поскорѣе Оттону Александровичу, чтобы пріѣзжалъ переговорить съ Valmons», думала про себя Людомирова, съ безпечной улыбкой дѣлая chassé-croisé со своимъ vis-à-vis.

Valmons, не покидая разъ навсегда усвоеннаго устало-томнаго вида, танцовала рядомъ и снисходительно выслушивала острые комплименты, которые подносилъ ей на прекрасномъ французскомъ языкѣ очень высокій титулованный камеръ-пажъ съ яркими, явно подкрашенными губами на замѣтно припудренномъ лицѣ. Въ этомъ кадрилѣ дамы высшаго свѣта и актрисы сливались въ одну пеструю, безшабашно-веселую и нарядную группу.

— Quel mélange! On se croirait derrière les coulisses [2])...—вполголоса проговорилъ Рихтеръ, заканчивая фигуру и усаживаясь на мѣсто.

— Oui, on s'amuse beaucoup [3]),—уклончиво отвѣтила Борисова, не любившая злословія.

Башиловъ въ ожиданіи своихъ танцующихъ дамъ прошелъ въ роскошный кабинетъ хозяина, гдѣ нѣсколько мужчинъ пили ликеры и курили и съ интересомъ сталъ прислушиваться къ разговору высокопоставленнаго сановника и члена государственнаго совѣта Кршановскаго, высокаго старика съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, принадлежащаго къ партіи коло.

— Хоть ваша партія и стремится маскировать свои окольные пути, но политика ваша намъ ясна,—попыхивая сигарой, громко говорилъ генералъ, сидя верхомъ на кожаномъ стулѣ и положивъ

---

[1]) Я счастливъ быть вамъ пріятнымъ.

[2]) Какое разнородное общество! Точно за кулисами!

[3]) Да, очень забавно.

оба локтя на его массивную рѣзнаго орѣха спинку:—цѣль вашей партіи добиться отвѣтственности министровъ; добиться вамъ этого дѣло нелегкое, такъ какъ мы не беззащитны, имѣя противъ васъ законъ, ограждающій насъ. Кромѣ того, у насъ есть твердое убѣжденіе, что введеніе вашего принципа у насъ въ Россіи абсолютно немыслимо...

Кршановскій, стоя спиной къ тяжелому круглому столу, скрестивъ длинныя худыя ноги и опираясь ладонями объ его бортъ, отвѣчалъ мягкимъ, слегка вкрадчивымъ голосомъ, склонивъ голову на бокъ и дѣлая невѣрныя ударенія.

— Но я говорю, мы знаемъ Францію, тамъ дѣлались отвѣтственно́сти и еже́ли сдѣла́но вотумъ съ недовѣріемъ къ министерству, то министерство моментально падало.

— Этого-то примѣра я и ждалъ отъ васъ, и болѣе яркаго вы не могли привести. Франція милая, но гибнущая, до мозга костей продажная страна. Не только ея министры подкупны, но и депутаты взяточники; ни для кого не тайна, что они погрязли въ лихоимствѣ и продажности на срамъ и позоръ своей родинѣ, а вы хотите того же и для Россіи. По счастію, мы далеки отъ этой заразы; у насъ не существуетъ этихъ позорныхъ подкуповъ при выборахъ, этихъ уплатъ за проведеніе дѣла. Мы чище по натурѣ и, если хотите, мы даже наивнѣе.

— Если разрѣшите быть откровеннымъ, ваше высокопревосходительство, то эту наивность я бы назвалъ некультурностью.

— Назовите, какъ хотите. Этотъ эпитетъ насъ не обижаетъ—мы къ нему давно успѣли привыкнуть, но мы себя считаемъ все же достаточно безупречными, чтобы относиться съ улыбкой снисхожденія ко всякаго рода эпитетамъ, и надѣемся и дальше удержаться на высотѣ этой безупречности. Мы идемъ по пути либеральнаго, je maintiens l'expression, либеральнаго прогресса, указаннаго нашимъ обожаемымъ монархомъ.

Едва окончился кадриль, какъ по настоятельной просьбѣ хозяйки, которая чуть не насильно его подвела, сѣлъ за рояль молодой итальянецъ, блондинъ съ необыкновенно симпатичной, располагающей къ себѣ наружностью. Нерѣшительно проводя пальцами по клавишамъ, слегка смущенный, онъ, видимо, не зналъ, какой музыкой можетъ угодить хозяйкѣ и гостямъ въ этотъ поздній часъ всеобщаго взвинченнаго настроенія.

— Ma canta qualche canzona napolitana [1],—посовѣтовалъ ему неподалеку стоящій итальянецъ, извѣстный мандолинистъ.

Синьоръ Чеки взялъ нѣсколько красивыхъ тихихъ аккордовъ; его взглядъ устремился куда-то вдаль, и ласкающіе, чарующіе звуки полились изъ груди пѣвца: «Oh sole, sole mio», пѣлъ кому-то его

---

[1]) Пропой какую-нибудь неаполитанскую пѣсню.

страстный голосъ, и казалось, что вся тайна души, вся красота ея вылилась въ звукахъ, которые, трепеща и замирая, порождали въ фантазіи присутствующихъ неясныя грезы.

Большой серебряный жбанъ съ крюшономъ и ликеры незамѣтно появились на небольшомъ столѣ и не давали угаснуть настроенію. Послѣ долгихъ упрашиваній Valmons согласилась декламировать. Ставъ въ пластичную позу и положивъ одну руку, унизанную кольцами, на спинку стула, она нѣсколько разъ вздохнула, обвела присутствующихъ томнымъ взглядомъ темныхъ миндалевидныхъ глазъ и очень изящно продекламировала два стихотворенія легкаго жанра. Ей апплодировали съ энтузіазмомъ; хозяйка дома пожимала ей обѣ руки, называла «ma ravissante grande chérie» [1]), пили за ея здоровье. Въ это время подлѣ рояля уже сидѣлъ извѣстный мандолинистъ, полный брюнетъ съ живыми, слегка нахальными глазами, и перебиралъ струны своей мандолины.

— Bravo, bravo! Quelle surprise! Monsieur Маріучи, сперва вы будете играть solo, это восхитительно, а потомъ мы попросимъ нашу очаровательную Анну Михайловну спѣть намъ подъ вашу мандолину цыганскіе романсы.

Небольшая компанія оставшихся гостей съ удовольствіемъ приготовилась слушать синьора Маріучи. Аккомпанировалъ Чеки, и оба итальянца своей страстной игрой еще болѣе пьянили ослабѣвшія головки дамъ. Людомирова тяжело дышала, ея глаза все время устремлялись въ сторону барона, сидѣвшаго поодаль въ спокойно-слушающей позѣ, и были такъ краснорѣчивы, что баронъ былъ шокированъ и осторожно нѣсколько разъ указалъ ей въ сторону мужа.

Анна Михайловна Дальская, артистка частнаго драматическаго театра, очень красивая, вызывающая въ манерахъ и рѣчахъ блондинка, эффектно одѣтая, съ бокаломъ въ рукахъ подошла къ роялю и послѣ короткихъ, вполголоса, переговоровъ съ Маріучи запѣла подъ его аккомпаниментъ извѣстный и модный романсъ съ настоящимъ цыганскимъ шпибомъ. У Людомировой начинали трепетать всѣ нервы. Эти носовые звуки красиваго низкаго голоса пѣвицы, эта страстная, по нервамъ бьющая мелодія точно обжигала ея кровь и туманила голову, и безъ того ослабѣвшую отъ излишне выпитаго вина. Ей вдругъ захотѣлось дикаго, безшабашнаго, страстнаго веселья; хотѣлось разбить всѣ цѣпи соціальныхъ условностей и окунуться въ оргію звуковъ, ощущеній и чувствъ.

— Еще, еще! Умоляемъ васъ, еще! Восхитительно!—Она подошла къ роялю, ея губы невольно шептали слова пѣсни, а глаза метали искры, которыхъ ея супругъ начиналъ страшиться, зная, что еще мгновеніе, и она сорвется, не сдержитъ себя и выкинетъ какую-нибудь штуку, о которой завтра же сама будетъ сожалѣть.

---

[1]) Моя очаровательная, любимая.

«Жизнь на радость намъ дана!»—выкрикнула пѣвица, и Людомирова, какъ эхо, повторяя за ней слова пѣсни, высоко подняла свой бокалъ, передергивая обнаженными плечами.

— Браво, браво!

Кругомъ шумѣли и апплодировали. И вдругъ среди этого шума и возгласовъ изъ-подъ искусныхъ пальцевъ великолѣпнаго піаниста Чеки, полнаго рѣдкаго темперамента, вызывающе нахально вырвались звуки матчиша. Людомирова, не помня себя, поддаваясь порыву, сдѣлала первое движеніе танца, но, опомнясь, мгновенно остановилась; въ ту же секунду ее обступили нѣсколько мужчинъ и Valmons и стали умолять протанцовать матчишъ, который она «навѣрное такъ дивно танцуетъ». Чеки, задорно улыбаясь, точно подливалъ масла въ огонь, нарочно разжигая своей музыкой ея страстность, и она, граціозно подобравъ трэнъ и приподнявъ подолъ роскошнаго платья, передъ удивленными взорами своихъ гостей дала полную иллюзію опытной кафешантанной актрисы въ исполненіи скабрезнаго танца.

— Вотъ вамъ и политическій salon!—обратился къ своему сосѣду Кршановскій, высоко и многозначительно подымая брови. Многія дамы, стараясь скрыть за вѣеромъ ядовитыя улыбки, насмѣшливо переглядывались. Борисова слышала, какъ Valmons за ей спиной обратилась къ графу Эвену:

— Elle danse crânament... on se croirait dans un cabaret de Paris [1]).

Ей было и обидно и жаль Людомирову, такъ какъ она предвидѣла, сколько сплетенъ, сколько пересудовъ вызоветъ этотъ финалъ бала и какъ зло и безжалостно будутъ язвить насчетъ Людомировой всѣ тѣ, которые сейчасъ апплодируютъ ей, пожимаютъ и цѣлуютъ руки, которые широко пользуются ея гостепріимствомъ, веселятся и будутъ еще веселиться и пить, и ѣсть въ ея домѣ.

Когда Людомирова, запыхавшаяся, раскраснѣвшаяся, со смѣхомъ безсильно упала на подставленный ей стулъ, ее окружила масса мужчинъ, ей апплодировали, говорили комплименты, восхищались ея граціей. Кое-кто изъ дамъ были настолько шокированы, что, незамѣтно сдѣлавъ знакъ мужьямъ, удалились. Людомировъ былъ внѣ себя: онъ нервно кусалъ губы, потиралъ руки и, боясь какой-нибудь новой выходки жены, упросилъ Чеки спѣть еще что-нибудь, надѣясь, быть можетъ, сгладить скверное впечатлѣніе. Борисова, наблюдавшая за всѣмъ, что вокругъ нея происходило, была слегка раздосадована двуличнымъ поведеніемъ многихъ изъ гостей. Отъ нея не ускользнули ни злыя замѣчанія, ни ехидныя полуулыбки тѣхъ, которые сами же подбивали Людомирову и упрашивали про-

---

[1]) Она танцуетъ лихо... можно подумать, что находишься въ какомъ-нибудь парижскомъ кабарэ.

танцовать, а теперь разсыпались въ восторженныхъ похвалахъ. Подмѣтивъ волненіе и безпокойство хозяина дома, она встала съ своего мѣста и вмѣсто того, чтобы ѣхать домой, подошла къ Людомировой, придвинула стулъ поближе къ ней и рѣшила отвлечь ее и, насколько возможно, охладить ее постороннимъ разговоромъ. Чеки пѣлъ еще, мандолинистъ игралъ, артистка мелодекламировала. Людомирова искала глазами барона, но его уже давно не было: шокированный ея выходкой, онъ незамѣтно скрылся, не пожелавъ даже проститься съ ней.

Было совсѣмъ утро и звонили къ ранней обѣднѣ, когда утомленные лакеи захлопнули за послѣдними гостями тяжелую дверь подъѣзда.

XV.

Баширову очень хотѣлось застать Елену одну, и онъ пріѣхалъ въ три часа, зная, что свѣтское петербургское общество рѣдко начинаетъ свои визиты такъ рано. Но онъ ошибся. Когда онъ вошелъ въ ея гостиную, подлѣ большого круглаго стола, гдѣ былъ сервированъ чай, сидѣлъ, слегка отвалясь въ креслѣ и заложивъ ногу на ногу, красивый сѣдой старикъ съ длинными, какъ серебро, бѣлыми бакенбардами, очень благороднымъ профилемъ матоваго лица и добрыми глазами.

— Справедливости нѣтъ, честности нѣтъ,—горячо продолжалъ онъ прерванный приходомъ Башилова разговоръ.

— Переходное состояніе—броженіе умовъ, Анатолій Михайловичъ.

— Какое тамъ движеніе умовъ, Елена Павловна! Что вы мнѣ говорите. Религія упала, въ Бога мало вѣрятъ, потому и жизнь человѣческая стала ни по чемъ. Не говорю о временныхъ смутахъ,—дыбомъ волосы становились, читая, съ одной стороны, террористическіе акты озлобленныхъ людей, а съ другой массовыя разстрѣливанія, повѣшенія... Братъ на брата... И до сихъ поръ то и дѣло попадается въ газетахъ: того повѣсили, того разстрѣляли, тотъ самъ застрѣлился. Гдѣ же тутъ устои морали христіанской? Безбожіе и мерзость!

— А я полагаю, что причины этихъ крайнихъ карательныхъ мѣръ надо искать въ распущенности дисциплины и въ миндальничаньи съ народомъ,—вставилъ Башиловъ.

— Ищите причины въ темнотѣ и дикости, въ которой до сихъ поръ пребываетъ нашъ народъ. Высшія сферы нарочно поддерживали это состояніе тьмы, отлично понимая, что просвѣщеніе откроетъ народу глаза, и онъ возмутится состоянію своей подавленности... Что же касается миндальничанья, какъ вы изволили выразиться, то не угодно ли вамъ просмотрѣть отчетъ тюремнаго управленія: за послѣднія пять лѣтъ населеніе тюремъ удвоилось и къ этому

году достигло огромной цифры въ 175.008 человѣкъ. Страшно взглянуть въ подсчеты всѣхъ несчастныхъ жертвъ нашего правосудія, лишенныхъ свѣта жизни. А вы обвинять изволите въ миндальничаньи!

— Насъ не должны запугивать цифры. Чтобы выполоть гряду и сохранить овощъ, неминуемо уничтожается большое количество сорной травы. Когда надо спасти идею государственнаго строя, правительство не имѣетъ права отступать изъ страха количества жертвъ. Смерть за смерть, терроръ за терроръ.

— По праву старика позвольте замѣтить, что рѣчь ваша недостойна истиннаго христіанина. Государство, основанное на исключительныхъ интересахъ высшаго сословія и управляемое антихристіанской идеей жестокости и мести, не можетъ достигнуть кульминаціонной точки благосостоянія и культуры. Культурной страной можно назвать лишь ту, гдѣ массой руководитъ средній уровень морали, а не угроза кары. Народъ, въ которомъ есть сознаніе чувства долга, можетъ вынести на своихъ плечахъ что угодно. Если невѣжество и низкія страсти дискредитируютъ народную мораль, то надо сознаться, что наше культурное общество страдаетъ болѣзнью полнаго къ ней безразличія. Мы склонны итти къ упадку, потому что интеллектъ и совѣсть, аристократія ума и грубый народъ идутъ у насъ разными путями. Наша русская цивилизація изобилуетъ эпикурейцами, нигилистами, порнографистами, декадентами, террористами и, преумножая ихъ, ведетъ къ химическому разложенію общества на элементы. Все отрицающіе и извѣрившіеся умы, подъ видомъ утонченныхъ и глубокихъ мыслителей, не болѣе, какъ эгоисты и безбожники; они безучастны и безразличны къ постигающимъ страну смутамъ и несчастьямъ. Умныхъ людей въ Россіи не занимать стать, а вы укажите мнѣ на людей добрыхъ, на людей гуманныхъ, для которыхъ правосудіе, уваженіе къ личности и любовь къ ближнему не были бы понятіями, отошедшими въ преданіе.

— Разумѣется, я не берусь оспаривать высокую гуманность вашихъ идей, но кодексъ чистаго христіанства не всегда совмѣстимъ съ указаніями государственнаго строя и политической экономіи.

— Извините-съ, для разумнаго, добраго и честнаго человѣка они совмѣстимы, а для тѣхъ, кто и узаконенія государственнаго строя, и всевозможныя политическія экономіи стремится перетолковать въ сторону личныхъ, а не общественныхъ интересовъ, не интересовъ своей страны, для того, конечно, заповѣди Христа—узкая мораль. А я вамъ скажу, что репрессіями, беззаконіями и жестокостью мы оттачиваемъ оружіе, направленное на насъ. Карайте, но будьте милостивы и человѣколюбивы. А у насъ что творится? Развѣ нѣтъ насилія? Развѣ нѣтъ злобной жестокости? Изволили слышать, что творится на Амурской желѣзной дорогѣ? О телеграммѣ въ Петербургъ изволили слышать? Позоръ! Я, знаете, служилъ честно моему

царю, но и передъ Богомъ и своею совѣстью былъ чистъ. Куда ни погляди—лѣзутъ другъ на друга, готовы оклеветать самого Бога въ угоду властямъ и для полученія чина; кого угодно сотрутъ съ лица земли, если поперекъ дороги станетъ. Алчность къ наживѣ, къ почестямъ, мелкая зависть... Чортъ съ ними со всѣми! Смотрѣть и слушать омерзительно.

— Анатолій Михайловичъ, дорогой мой, ну, полно волноваться; вѣдь не исправите людей. Всегда это было и будетъ... Для того и Моисей, и Магометъ, и Будда, и Спаситель приходили на землю, чтобы поднимать нравственность и напоминать о существованіи идей добра и правды. Конечно, грустно все это...

— Настолько грустно и противно, что, несмотря на желаніе не тревожить себя и не заводить разговоровъ на эту тему, вотъ, какъ видите, нѣтъ-нѣтъ, а прорвется. Моя хата теперь съ краю. Не желаю служить въ шайкѣ господъ, грабящихъ Россію и позорящихъ имя благороднаго и добраго Государя. Однако... четыре часа... я засидѣлся.

— Ну, нѣтъ, въ кои вѣки пришли ко мнѣ и такъ скоро уходите.

— Я не виноватъ, что у васъ, когда ни придешь, все великосвѣтскіе пріемы, которыхъ я терпѣть не могу. Да и далеко мнѣ. Пока доберусь при помощи трамвая до дому, едва поспѣю къ обѣду.

— А вы на извозчикѣ.

— Благодарю покорно! Чтобъ онъ меня вывернулъ! Распустила полиція этихъ мерзавцевъ до того, что они очертя голову лѣзутъ подъ трамваи. Я не охотникъ себѣ шею ломать. Ну-съ, мое почтеніе. Не забывайте же меня, старика... вѣдь вотъ еще какой зналъ,—добродушно обратился онъ къ Башилову:—подъ столомъ ходила, въ коротенькихъ юбочкахъ... шалунья была, а сердце доброе, такое и осталось; только вотъ плохо, что выѣзжаетъ много и замужъ не выходитъ! А? Не повѣрю, чтобы жениховъ не было; отчего замужъ не выходите?

— Довольно одного раза, Анатолій Михайловичъ, мнѣ и такъ хорошо.

— Вѣрно, вѣрно, умница! Я пошутилъ. И свободна, и спокойна. Молитесь Богу, не забывайте бѣдныхъ, и вѣкъ свой хорошо доживете. Всего хорошаго.

Старикъ распрощался. Елена вышла проводить его въ переднюю.

— Славный старикъ, не правда ли?—обратилась она къ Башилову.—Старинный другъ моей семьи. Высокочестный и добрый, но слишкомъ прямолинейный, къ жизни мало приспособленъ.

— Да, видно, что убѣжденный, но служить съ нимъ не желалъ бы.

— Почему?

— Изволите ли видѣть,—съ такими типами трудно сговориться-съ. Вы ему будете приводить статью закона, а онъ вамъ о христіанской любви къ ближнему.

— Ничего не значитъ, умный человѣкъ все совмѣститъ. Поговоримъ теперь о другомъ. Разскажите мнѣ ваши впечатлѣнія послѣ бала.

— Послѣ бала у меня на другой день голова болѣла, и я былъ золъ, такъ какъ терпѣть не могу вмѣсто ночи ложиться утромъ. Самое радужное впечатлѣніе изо всего этого вечера—разговоръ съ вами и самое несимпатичное—финалъ въ видѣ танцевъ хозяйки дома. Я бы на мѣстѣ мужа по головкѣ за это не погладилъ.

— И вы тоже? Бѣдная Мариша! Вы не повѣрите, сколько ей достается за эту глупую и въ сущности невинную выходку. Только и разговоровъ теперь объ этомъ. Чешутъ, чешутъ языки, а сами же и подбивали. Я сколько разъ повторяла ей, чтобы она на своихъ пріемахъ воздерживалась отъ шампанскаго, которое ее страшно скоро пьянитъ, и тогда ей море по колѣно.

— То-то и бѣда, что выдержки нѣтъ; въ жизни безъ выдержки недалеко уѣдешь. А вы, Елена Павловна, съ выдержкой?

— Я вамъ ничего не скажу, такъ какъ жду отъ васъ своей характеристики, которую вы отложили на день вашего визита.

— Извольте-съ. Постараюсь быть краткимъ и точнымъ. Вы очень умны, наблюдательны, добры и снисходительны. Послѣднія три качества я имѣлъ случай подмѣтить на балу. Вы энергичны и, вѣроятно, честолюбивы. Думаю, въ жизни вы можете быть опаснымъ противникомъ. Какъ женщина, вы обаятельны и, конечно, сразили не мало жертвъ. Вѣроятно, вы очень страстны и много въ вашей жизни любили. Въ васъ есть что-то самобытное, очень оригинальное и притягивающее. Вы unica, обаятельная unica... Ну, вотъ-съ я и кончилъ. Вѣрна моя характеристика?

— Есть пункты полнаго заблужденія, совершенно противоположные моей натурѣ.

— Какіе-съ?

— Этого я не скажу. Но есть и очень вѣрно подмѣченныя черты.

— Вотъ видите-съ, а мнѣ вы изволили преподнести такую характеристику, въ которой я совсѣмъ потерялся; и самое забавное, что я бабникъ. Въ чемъ, въ чемъ, а ужъ по этому пункту очень мало грѣшенъ. Сознаюсь, что общество женщинъ я очень люблю и зачастую предпочитаю его мужскому, но на увлеченья не падокъ, отчасти по натурѣ, отчасти въ силу того, что я человѣкъ очень занятой, сильно привязанный къ своему труду и некогда мнѣ тратить драгоцѣнное время на амуры. Имѣть умную, энергичную и красивую подругу-товарища для борьбы съ жизнью, конечно, желалъ бы и я, но долженъ признаться, что мнѣ не повезло и до сихъ поръ я такой не встрѣчалъ. Изволите ли видѣть, я способенъ полюбить только ту женщину, съ которой меня соединила бы общность идей, общность стремленій, обоюдное завоеваніе жизни, общій трудъ, общая ежедневная борьба къ достиженію цѣли. Да, такой женщинѣ-

товарищу я былъ бы способенъ открыть всѣ тайники души моей. Быть заговорщиками, обсуждать всѣ планы, провѣрять свои рѣшенія и вмѣстѣ торжествовать—это счастье. Но, очевидно, это не для меня; до сихъ поръ, повторяю, не встрѣчалъ, а если бы и встрѣтилъ, могъ ли бы надѣяться, что она захочетъ меня?

— Значитъ, вы никого не любили въ вашей жизни?

— Никого-съ.

— Никѣмъ не увлекались?

— Искренно... никѣмъ, — отвѣтилъ Башиловъ, не моргнувъ глазомъ, безъ тѣни колебанія.

— Ну, что вы разсказываете! Я вамъ не вѣрю...—Елена разсмѣялась.

— Позвольте спросить, почему? Развѣ я похожъ на человѣка, не внушающаго довѣрія?

— Нѣтъ, не потому. Напротивъ, вы должны быть очень положительны. Но... но—неужели у васъ никогда не было связи? Наконецъ, вѣдь вы же были женаты.

— Извольте, я буду откровененъ, мнѣ хочется имъ быть; съ вами говорится, какъ съ добрымъ товарищемъ. Женился я рано; ухаживалъ какъ будто бы за одной, а предложеніе сдѣлалъ совершенно неожиданно для самого себя другой. Вышло это какъ-то глупо и по-мальчишески. Однако жениться пришлось. Родился сынъ, котораго мы оба обожали, и онъ былъ между нами связующимъ звеномъ, такъ какъ, признаюсь, жену я любилъ мало, но жили мы прилично, основывая наши чувства на взаимномъ уваженіи. Прожили около десяти лѣтъ. Жена влюбилась, просила разводъ. Я ей его далъ и все, что при этомъ полагается. Я лично былъ противъ развода, жаль было гнѣздо разорять и разставаться съ сыномъ, который до четырнадцати лѣтъ долженъ былъ жить съ ней. Пріѣхалъ я въ Петербургъ, имѣя три рубля въ карманѣ и золотые часы, которые съ мѣста же и заложилъ. Кидался во всѣ стороны и, когда получилъ мѣсто, засѣлъ за работу и пять лѣтъ трудился, какъ чернорабочій, не позволяя себѣ ни на іоту отступить отъ начертаннаго плана. Очень бывало тяжело. И одиночество меня давило, и жажда жизни предъявляла свои права; однако я вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы и горжусь теперь тѣмъ, что и средства, и генеральскій чинъ, и кое-какія связи добыты личнымъ трудомъ, безо всякихъ протекцій и вспомогательныхъ средствъ. Отъ женщинъ я тогда прямо-таки отвыкъ и вотъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи въ поѣздкѣ по ревизіи, встрѣтился съ одной дамой. Очень живая, миленькая, добрая женщина. По службѣ долженъ былъ около двухъ недѣль пробыть въ томъ городѣ; вечера проводилъ у нихъ; какъ это всегда бываетъ въ провинціи, меня немножко фетировали, какъ петербургскаго чиновника; театры, ужины, всякіе разговоры; я слегка приволокнулся, цѣловалъ ручки... Ничего,

все это очень хорошо было и чинно и весело. Вернулся въ Петербургъ и, какъ обѣщано было, написалъ письмо; увлекся настроеніемъ, не разсудилъ и попросту солгалъ: написалъ, что очень огорченъ разлукой и тоскую, а у самого дѣлъ было по горло; затѣвалъ, знаете, крупный рискъ—такъ былъ занятъ, что и вспомнить ее некогда было. И поплатился за ложь. Хотѣла меня утѣшить и недѣли черезъ двѣ сюда прикатила. А тамъ мѣсяца черезъ два опять пріѣхала. Зачѣмъ было ее огорчать?—она мнѣ не мѣшала. Такъ и затянулась связь. Съ ея стороны много любви и самопожертвованія, а...

— А съ вашей—много снисхожденія?—улыбнулась Елена.

— Пожалуй, что и такъ. Но этотъ случай заставилъ меня разъ навсегда дать себѣ слово не писать женщинамъ чувствительныхъ писемъ и никогда не говорить имъ о любви. Да я и не понимаю этого слова, но буду очень обязанъ той женщинѣ, которая заставитъ меня понять его смыслъ.

— А для чего вамъ это?

— Да какъ же-съ? Все-таки хотѣлось бы испытать чувство, присущее всѣмъ.

— Во-первыхъ, далеко не всѣмъ, а, во-вторыхъ, для чего искать того, безъ чего вы отлично прожили и что можетъ быть помѣхой. Мнѣ кажется, что по натурѣ вы неспособны на бурныя чувства, потому что вы человѣкъ разсудка, воли и неуклонно принятыхъ рѣшеній.

— Такъ-съ. Это вѣрно. Если любовь можетъ быть помѣхой, то, значитъ, я правъ, что не ищу ея, но, съ другой стороны, почему не предположить, что любимая женщина, подруга-вдохновительница, можетъ быть помощницей въ борьбѣ за жизнь, а не помѣхой?

— Потому что очень мало женщинъ съ мужскимъ складомъ ума и если такая попадется вамъ на пути, вы же первый начнете ея сторониться, изъ страха, чтобы она не развѣнчала ваши доблести, не подмѣтила бы всѣ ваши маленькія слабости и чтобы не стала смотрѣть на васъ, какъ на равнаго себѣ; вѣдь мужчины ужасно любятъ, чтобы женщины поклонялись ихъ уму и всякимъ тамъ качествамъ, хотя бы и не существующимъ. Всѣ эти разговоры о женщинѣ-товарищѣ только на словахъ, а на дѣлѣ выходитъ иное—все это ложь.

— А что же на дѣлѣ-съ? Женщина-раба, послушная и безотвѣтная раба?

— Разумѣется. Оно и удобнѣе и менѣе хлопотливо.

— Елена Павловна, искренно и восторженно преклоняюсь передъ вашимъ умомъ и потому буду льстить себя надеждой, что, быть можетъ, вы захотите узнать меня поближе и тогда выдѣлите изъ общей массы мужчинъ, которыхъ я глубоко всегда порицаю именно за эту черту характера, вкоренившуюся путемъ атавизма.

Вы правы, женщинъ съ мужскимъ складомъ ума мало, можно прожить цѣлую жизнь и не встрѣтить, но онѣ все-таки есть и притомъ сохранившія всю прелесть женственности; предъ ними я склоняюсь до земли...

Башиловъ всталъ и низко склонился предъ Еленой, дотрогиваясь котелкомъ, который онъ держалъ въ рукахъ, до самаго пола.

— Ого, Владимиръ Ивановичъ! Браво, браво!

Начали прибывать новые посѣтители, и Башиловъ, просидѣвъ изъ приличія еще нѣсколько минутъ, поднялся съ своего мѣста.

— Мнѣ говорила моя пріятельница Евгенія Михайловна, что вы приняли участіе въ ея дѣлахъ и много ей помогли... это очень мило съ вашей стороны,—сказала Елена, пожимая ему руку и отходя съ нимъ нѣсколько шаговъ въ сторону.

— Помилуйте, о чемъ тутъ говорить! Я всегда готовъ быть полезнымъ, кто бы меня ни попросилъ, если это въ моихъ силахъ, а тѣмъ болѣе такая симпатичная личность, какъ Евгенія Михайловна. Очень радъ, если угодилъ ей.

— Вы сдѣлали все самое главное. Я ее очень люблю и потому очень благодарю васъ.

— Ваша благодарность дѣлаетъ меня счастливымъ. Прошу васъ передать Евгеніи Михайловнѣ мое глубокое почтеніе.

Башиловъ съ чувствомъ, но вполнѣ корректно, поцѣловалъ руку Елены и уѣхалъ.

XVI.

Прошелъ постъ. Приближалась весна. Почти незамѣтно для участвующихъ лицъ обстоятельства начали видоизмѣняться. Башиловъ, со свойственной ему осторожностью, рѣшилъ, что ничего не измѣнится, если онъ сдѣлаетъ Евгеніи Михайловнѣ предложеніе осенью, такъ какъ лѣтомъ ему предстоятъ служебныя поѣздки и все равно они видѣться не могутъ, да и разводъ долженъ былъ кончиться не ранѣе лѣта. Съ ней онъ былъ попрежнему очень нѣженъ, но сдержанъ и крайне остороженъ; взвѣшивалъ каждое слово и избѣгалъ всякихъ разговоровъ о будущемъ. У Елены бывалъ онъ время отъ времени, всегда былъ очень выдержанъ, но не скрывалъ своего восхищенія, когда оставались съ глазу на глазъ. Постепенно онъ изучилъ ея характеръ, ея жизнь, ея умѣнье и ловкость въ общеніи съ людьми, и въ его умѣ начинала складываться какая-то туманная, еще не опредѣленная картина будущаго, надъ которой онъ пока мало задумывался.

Генералъ Орловъ, вернувшійся послѣ Пасхи изъ своего путешествія за границу, въ первые же дни встрѣтилъ Елену, которая съ чувствомъ теплой ласки протянула ему руку, и онъ опять не

выдержалъ борьбы и началъ бывать у нея, затаивъ въ душѣ щемящее чувство обиды. Онъ пересталъ напоминать ей о своемъ чувствѣ, но оно свѣтилось въ глазахъ, прорывалось въ тонѣ голоса.

Отношенія барона начинали принимать тяжелую для Людомировой форму, такъ какъ, послѣ исторіи съ танцами на балу, она сразу потеряла въ его глазахъ свое обаяніе, и онъ, хоть и въ очень корректной формѣ, далъ ей это понять. Людомирова вспылила, наговорила массу колкостей, обвинила его же въ легкомысленномъ отношеніи къ женщинамъ и разсталась съ твердымъ желаніемъ покончить всякія отношенія, но не прошло и недѣли, какъ зазвонилъ телефонъ и посыпались записки. Примиреніе состоялось, но со стороны барона Людомирова чувствовала охлажденіе, съ которымъ не могла примириться, такъ какъ онъ нравился ей все болѣе и болѣе. Какъ противовѣсъ ея безпокойной, безпорядочной натурѣ, его строгая систематически сдержанность и цѣльность принципіальныхъ убѣжденій ее и плѣняла и сердила. Она никогда и никакими способами не могла добраться до его души, которую онъ зорко оберегалъ отъ вторженія дамъ, съ которыми часто имѣлъ дѣло, но относился къ нимъ всегда критически и въ глубинѣ души осуждалъ за легкомысліе. Людомирова чувствовала, что, несмотря на ихъ отношенія, онъ гораздо ближе и откровеннѣе съ Еленой. Постепенно нарастающее ревнивое чувство начинало достигать крайнихъ предѣловъ. У Людомировой затаилась глухая вражда противъ Елены; но она старалсь до поры до времени ее тщательно скрывать. Баронъ замѣчалъ эти враждебныя отношенія, и они еще болѣе унижали ее въ его глазахъ и возвышали Елену, которая не разъ хотѣла вызвать Людомирову на откровенность, чтобы успокоить ея подозрѣнія и убѣдить, что, кромѣ дружбы, она ничего не питаетъ къ Штадену; но Людомирова избѣгала всякихъ объясненій, хитрила и была неестественно любезна. Зато съ Valmons ихъ связывала, казалось, тѣсная дружба. Людомирова много шумѣла и раздувала ея успѣхъ на сценѣ и среди мужчинъ, безпрестанно брала ложу на ея спектакли, предшествуемая графомъ Эвеномъ, бѣгала къ ней въ уборную, называла «ma pauvre chérie», зазывала въ свою компанію на ужины, въ рестораны, выхлопотала ей кое-какія льготы у дирекціи театра и, наконецъ, принявъ дѣятельное участіе въ ея бенефисѣ, на празднованіе котораго она безконтрольно передала Эвену очень крупную сумму, она добилась того, что Valmons была отъ нея въ восторгѣ, а графъ цѣловалъ ей ручки и считалъ себя у нея въ долгу. Людомирова могла быть спокойна, что дѣло съ камергерствомъ мужа было ею улажено очень ловко и безповоротно.

Назначеніе Берга на постъ генералъ-губернатора состоялось, и его слово въ глазахъ Valmons и того же Эвена имѣло уже нѣкоторый вѣсъ. Бергъ съ назначеніемъ мужа почувствовала себя на высотѣ такого величія. Вокругъ нея начали лебезить всѣ приближен-

ные мужа и у нея совсѣмъ закружилась голова; теперь она была увѣрена въ своей неотразимости, и сплетня Людомировой, когда-то такъ встревожившая ея сердце, давно потонула въ полномъ убѣжденіи, что Башиловъ не такъ глупъ, чтобы порвать съ ней теперь, когда она можетъ быть ему полезной. Новизна положенія, устройство по мѣсту новаго жительства пышной квартиры, визиты, пріемы и новыя обязанности генералъ-губернаторши какъ будто слегка охладили ее къ Башилову; несмотря на то, что пріѣзды въ Петербургъ стали теперь для нея болѣе затруднительными, она рѣже писала ему и не такъ надоѣдала упреками въ отсутствіи вѣстей. Такое положеніе дѣлъ было ему очень на руку и давало возможность комбинировать свою жизнь съ наименьшимъ количествомъ лжи, которую онъ въ принципѣ не одобрялъ, какъ невыгодный компромиссъ, могущій дискредитировать обаяніе силы и смѣлости.

Данцова любила, мучилась, молчала и покорно ждала завѣтнаго дня, когда ей не надо будетъ надѣвать густую вуаль, краснѣть и прятать свое взволнованное лицо отъ пытливыхъ глазъ своей горничной или съ бьющимся сердцемъ незамѣтно проскальзывать мимо швейцара, не переводя дыханіе взбѣгать на третій этажъ и, нервно озираясь на лѣстницу, звонить условныхъ три звонка у двери Башилова. Ихъ отношенія все больше и больше увеличивали въ ней чувство обиды и оскорбленія женской гордости за эти жертвы самолюбія въ глазахъ челяди, но она любила и потому молчала и терпѣливо ждала.

Юрьевъ со свойственной ему пылкостью весь отдался чувству влюбленности къ юной дѣвушкѣ, которою онъ былъ уже увлеченъ года два тому назадъ, дѣлалъ ей предложеніе и получилъ отказъ; не такъ давно она вновь его призвала, и его любовь сильнѣе разгорѣлась; она, польщенная его постоянствомъ, ласково ему улыбалась, позволяла застегивать перчатки, душила своими духами, кокетничала и какъ будто бы держала его про запасъ. Юрьевъ же, глядя на нее, мечталъ о семейномъ гнѣздѣ, о тихой скромной и уютной квартиркѣ, о долгихъ зимнихъ вечерахъ, проводимыхъ съ глазу на глазъ съ любимой женой, мечталъ о всемъ томъ, о чемъ мечтаетъ не испорченный воображеніемъ человѣкъ, съ простодушнымъ сердцемъ, со скромными стремленіями къ тихой и конечной пристани. Едва онъ просыпался, какъ уже ждалъ завѣтнаго телефона, призывающаго его то на катокъ, то на скетингъ, на прогулку по набережной, на тройкѣ за городъ, на скачки, на авіацію, въ Павловскъ на музыку; шумной и веселой компаніей возвращались домой, поздно обѣдали, поздно ужинали... Дни мелькали, какъ радостные сны, вносившіе въ довѣрчивую, простую душу Юрьева яркіе лучи надежды на приближающееся счастіе.

Къ Еленѣ онъ сталъ ѣздить очень рѣдко, урывками; всегда сіяющій, шумный и веселый, онъ вносилъ какую-то безпорядочность въ ея сосредоточенно-задумчивое настроеніе. Послѣ вечера, проведеннаго у него за чтеніемъ записокъ его брата, прибавилось что-то смутное въ переживаніи Елениной души. Эти «памятки» направили ея мысли къ критическому, болѣе сторгому и глубокому отношенію и къ самой себѣ и къ окружающимъ, и состояніе унылой тоски стало посѣщать ее чаще прежняго. Раза два она попробовала сходить ко всенощной и молилась давно забытыми словами дѣтскихъ молитвъ, которыя она когда-то любила сама сочинять; онѣ согрѣвали ея душу; успокаивали, слегка отодвигая отъ суетности окружающей среды. Юрьевъ былъ единственный человѣкъ, съ которымъ она могла подѣлиться состояніемъ своей души, но онъ такъ былъ захваченъ своимъ счастіемъ, что не могъ вмѣстить и понять теперь ничьихъ иныхъ настроеній. Яркой, выпуклой личностью, интересной своей смѣлой энергіей и удивительной жизнерадостностью, былъ Башиловъ, выдѣляющійся между всѣми ее окружающими людьми. Она видѣла въ немъ интересный и новый для нея типъ смѣло идущаго къ своей цѣли человѣка, увѣреннаго въ себѣ и своихъ способностяхъ и прокладывающаго дорогу самостоятельнымъ трудомъ и смѣлостью своей мысли.

— Я смѣлъ до наглости,—говаривалъ онъ не разъ Еленѣ, и, всматриваясь въ его глаза, она этому легко вѣрила.—Или я пущусь на крупнѣйшія аферы, чтобы пріобрѣсть громадное состояніе и стать во главѣ всевозможныхъ нововведеній, сдѣлаться организаторомъ самыхъ смѣлыхъ предпріятій, вносить съ собой повсюду свѣтъ и движеніе, или же я долженъ достигнуть высшихъ ступеней служебной карьеры, чтобы чувствовать себя рычагомъ громадной машины, главной двигательной силой; во мнѣ живетъ душа борца и завоевателя.

Елена вглядывалась въ Башилова, прислушивалась къ его рѣчамъ и интересовалась имъ все больше и больше. Она видѣла, какъ была его жизнь полна захватывающаго интереса, сколько было въ немъ любви къ труду, сколько увѣренности въ пользѣ, которую этотъ трудъ приноситъ вокругъ себя. Не было сомнѣній, все было опредѣленно, ясно, и потому отъ этого человѣка вѣяло бодростью духа и отчетливостью мысли, которой Елена не встрѣчала въ окружающихъ. Встрѣчи съ нимъ ее бодрили, встряхивали, порождали въ ней желаніе знать подробнѣе его дѣла, его проекты, его удачи; она изучала его и, сама того не замѣчая, понемногу втягивалась въ его интересы служебныхъ и частныхъ дѣлъ.

Когда Башиловъ долго не заѣзжалъ къ ней, она иногда вызывала его къ себѣ по телефону.

— Заѣзжайте почаще поболтать со мной; вы съ вашей кипучей дѣятельностью вливаете струю бодрости и интереса въ мою ненужную жизнь,—сказала она ему какъ-то.

— Елена Павловна, вы даете мнѣ гораздо больше, чѣмъ берете сами,—отвѣтилъ онъ и, ожидая съ ея стороны неминуемаго вопроса, приготовилъ смѣлый отвѣтъ, но Елена взглянула на него удивленными глазами и промолчала.

«Да, это не Евгенія Михайловна, подумалъ онъ про себя. Узнавъ, что Елена собирается уѣхать къ себѣ въ подмосковное имѣніе, Башиловъ пріѣхалъ къ ней проститься; онъ засталъ ее въ гостиной за укладкой книгъ, которыя она отбирала и готовила къ отправкѣ.

— Я вамъ помѣшалъ?

— Нисколько... я всегда вамъ рада. Садитесь, я сейчасъ окончу.

— Куда вамъ такая кипа книгъ?

— Надо же намъ что-нибудь читать въ деревнѣ.

— Кому это намъ? Развѣ вы не одна ѣдете?

— Ко мнѣ ѣдетъ гостить на все лѣто Евгенія Михайловна, я очень рада, что удалось уговорить ее.

— Вотъ какъ.

Башиловъ сдѣлалъ видъ, что впервые это слышитъ, тогда какъ Донцова совѣтовалась съ нимъ на этотъ счетъ, и онъ же уговорилъ ее ѣхать къ Еленѣ, а не оставаться подъ Петербургомъ, какъ она этого хотѣла изъ желанія не разставаться съ нимъ до начала іюля, то есть до его отъѣзда въ командировку.

— Вы любите Шопенгауэра?—спросила Елена, перелистывая томъ и укладывая его въ ящикъ, стоящій передъ нею на полу.

— Нѣтъ, не люблю. Ни Шопенгауэра, внушающаго пессимистическое отношеніе къ жизни, ни другихъ философовъ. Я люблю реальную жизнь, а не математическія выкладки о ней, идущія всегда вразрѣзъ съ практическими вопросами и здравымъ стремленіемъ впередъ. Философія есть неограниченная свобода разума и потому не совмѣщаемая съ идеями политическими, соціальными и религіозными. Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, что цѣль моя: завоеваніе жизни, а для этого необходима строгая система, отчетливое опредѣленіе своихъ вѣрованій, своихъ направленій, своей принадлежности къ тому или иному политическому лагерю. Философія же сбиваетъ насъ съ толку, какъ какъ по своему существу она не можетъ быть ни христіанской, ни языческой, ни демократической, ни монархической, ни либеральной, ни консервативной, ни соціальной, ни индивидуальной. Чтобы увлекаться и раздѣлять философскія умозрѣнія, необходимо, по моему мнѣнію, отрѣшиться отъ своего «я» и смотрѣть на жизнь съ птичьяго полета, быть только зрителемъ, а не актеромъ.

— Да, актеромъ, и трагикомъ, и комедіантомъ...—серьезно глядя на Башилова, проговорила Елена.

— Да, именно вы правы: и трагикомъ, и комедіантомъ... Какъ это вы тонко опредѣлили.

— Послушайте. Владиміръ Ивановичъ, а вы увѣрены, что въ васъ сидитъ такой артистъ. Вы увѣрены, что такъ или иначе, а вы заставите склоняться передъ собой не толпу,—съ толпой дѣло имѣть легче!—а отдѣльныхъ лицъ?

Елена отложила книги, пересѣла въ кресло и, облокотясь о столъ, смотрѣла въ лицо Башилова такимъ испытующимъ, серьезнымъ взглядомъ, что ея лицо приняло новое для Башилова выраженіе сосредоточенной и упорной мысли.

— Вотъ-съ, Елена Павловна, вы коснулись моей больной струны, которая страшно всегда диссонируетъ и, я чувствую, мѣшаетъ мнѣ. Скажу вамъ такъ: если бы я не былъ порядочнымъ человѣкомъ то я могъ бы желать, чтобы случилась крупная политическая катастрофа, чтобы всѣ растеряли головы и озвѣрѣвшая толпа разбушевалась бы; повѣрьте мнѣ, что такой моментъ былъ бы моимъ тріумфомъ. Я чувствую въ себѣ силы укротителя и повелителя. Я вышелъ бы передъ толпой безъ тѣни страха или волненія и былъ бы артистомъ, достойнымъ своей роли; я бы внушилъ этой многоголовой гидрѣ свою волю, заставилъ бы ее силой моего слова повиноваться мнѣ и даже любить меня. Тамъ, гдѣ нужна рѣшимость и натискъ, тамъ я побѣдитель. Но у меня есть немало враговъ. Передъ толпой—я актеръ, для отдѣльныхъ же личностей я противникъ и, сознаюсь съ горечью, противникъ хоть и опасный, но мало искусный въ дѣлѣ интриги и притворства. Иной разъ вѣдь отлично знаю, что надо промолчать, пропустить мимо ушей, а меня будто бы кто дернетъ, ни за что не спущу, отщелкаю, по всѣмъ пунктамъ разобью и наживу врага-съ...

— Вѣроятно, вы вспыльчивы и заносчивы.

— Вы угадали; мнѣ это очень вредитъ.

— Да, съ людьми надо умѣть ладить. Можно и отщелкать иной разъ и вспылить, а все-таки не создавать себѣ враговъ, потому что зачастую давно забытый иногда ничтожный врагъ неожиданно становится намъ поперекъ дороги въ самый критическій моментъ.

— И самъ себѣ я это не разъ говорю, да вѣдь не передѣлать себя въ корень въ сорокъ пять лѣтъ, зато и ломаешь иной разъ голову надъ брошеннымъ жребіемъ, какъ говорится, до одури. Вотъ хоть бы и сейчасъ: надо поскорѣе рѣшить сложный вопросъ, у меня голова какъ въ туманѣ.

— Вы такъ озабочены?

— Да, очень.

— Я не въ силахъ вамъ помочь?

— Кто знаетъ... вѣдь вы умница.

— Ну, попробуйте, разскажите, въ чемъ дѣло, и вѣрьте, что и серьезные и несерьезные секреты я умѣю хранить.

— Дѣло, видите ли, въ томъ, что циркулируетъ упорный слухъ, будто бы Рихтеръ назначается товарищемъ нашего министра. Для

меня его назначеніе—зарѣзъ, такъ какъ я ему крайне неудобенъ. Рихтера я знаю-съ; съ его назначеніемъ онъ мнѣ преградитъ всѣ пути къ большой карьерѣ. Одновременно съ этимъ назначеніемъ одно общество мнѣ предлагаетъ стать во главѣ очень крупнаго предпріятія, въ которомъ я могу нажить сотни тысячъ; если назначеніе Рихтера вопросъ рѣшенный, то благоразуміе подсказываетъ, что я не долженъ отказываться отъ предлагаемаго дѣла, которое съ годами разрастется настолько, что вся моя энергія будетъ исчерпываться туда, служба же займетъ второстепенное мѣсто, а можетъ быть окажется и помѣхой. Если назначеніе Рихтера не состоится, то я долженъ отказаться отъ предпріятія и ѣхать въ іюлѣ на два мѣсяца въ командировку, которая даетъ мнѣ громадные козыри въ руки, такъ какъ, объѣхавъ мало знакомый край, я буду имѣть всѣ свѣдѣнія... да, впрочемъ, вамъ и не интересны и мало понятны всѣ эти детали...

— Напрасно вы такъ думаете. Очень интересны и вполнѣ понятны. Такъ какъ я имѣю много друзей среди мужчинъ, то и знаю гораздо больше, чѣмъ вы предполагаете. Очевидно, вы говорите о Сибири. Ваша ревизія при назначеніи новаго генералъ-губернатора, конечно, можетъ дать вамъ громадные плюсы. Въ концѣ концовъ васъ, очевидно, смущаетъ только одинъ вопросъ о назначеніи Рихтера?

— Совершенно вѣрно-съ.

— Владимиръ Ивановичъ, отказывайтесь отъ вашего предпріятія и спокойно поѣзжайте въ командировку, потому что Александра Александровича назначеніе не состоится.

Откуда вы знаете? Я слышалъ, что объ этомъ уже было доложено.

— А вчера было передоложено.

— По какой причинѣ?

Елена засмѣялась и пожала плечами.

Башиловъ съ трудомъ скрывалъ волненіе.

— Елена Павловна, вы увѣрены въ этомъ? Тутъ не можетъ быть ошибки?

— Мы обсуждаемъ слишкомъ серьезный для васъ вопросъ, чтобы я рѣшилась говорить то, въ чемъ не увѣрена. Повторяю вамъ: Рихтеру подставили ногу.

— Вашимъ сообщеніемъ вы оказали мнѣ громадную услугу; позволите поцѣловать вашу ручку. Конечно, вы, прелестная «уника», можете быть спокойны, что я умѣю молчать и никогда не передаю того, что мнѣ говорятъ.

— Я вамъ вѣрю. Вы изъ тѣхъ положительныхъ личностей, которыя легко и, вѣроятно, небезосновательно внушаютъ къ себѣ глубокое довѣріе.

— Могу ли я быть нескромнымъ просить васъ объяснить мнѣ причину передоклада?

Елена на минуту задумалась. Она, какъ и баронъ Штаденъ, никогда не передавала того, что при ней о комъ-нибудь разсказывали, а тѣмъ болѣе ей не хотѣлось говорить о Рихтерѣ, къ которому Башиловъ относился какъ къ несимпатичному противнику.

— Я чувствую, что вамъ хочется провѣрить справедливость моихъ словъ; я васъ понимаю: вы слишкомъ заинтересованы. Хорошо, я вамъ разскажу, въ чемъ дѣло, но...

— Елена Павловна, вотъ вамъ моя рука. Заключимте союзъ взаимнаго довѣрія.

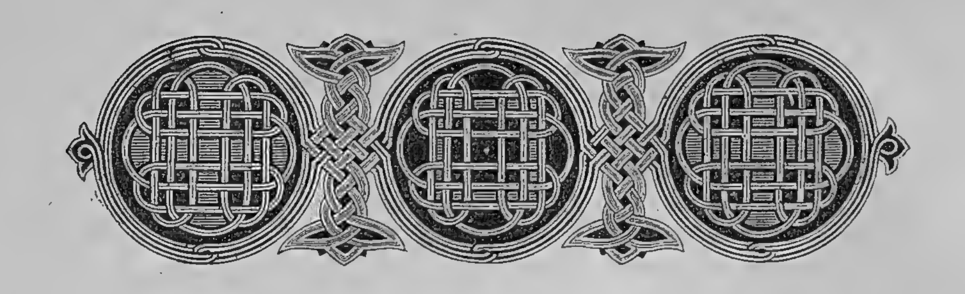
— Такъ вотъ вамъ въ короткихъ словахъ исторія Рихтера. Слухъ объ его назначеніи очень испугалъ одного господина, — имя я вамъ не стану называть,—которому Рихтеръ садился на голову. Этотъ господинъ, будучи другомъ дома семьи, гдѣ находится одна преинтересная барышня, за которой Рихтеръ негласно ухаживалъ, узналъ, что если назначеніе состоится, то барышня не замедлитъ дать согласіе на бракъ. Объ этомъ обстоятельствѣ онъ сумѣлъ освѣдомить одну особу, находящуюся уже въ «опасномъ возрастѣ», какъ пишетъ Михаэлисъ. Сердце ея до сихъ поръ пылаетъ любовью къ Александру Александровичу и, несмотря на многолѣтнюю съ нимъ связь, остыть не можетъ. У нея громадныя связи. Ударъ былъ ей нанесенъ мѣтко. Она немедленно нажала всѣ нужныя пружины, которыми она удивительно всегда ловко владѣетъ, и очень быстро было доказано, что назначеніе Рихтера преждевременно, такъ какъ онъ нуженъ въ министерствѣ и на его дѣло нѣтъ подходящаго замѣстителя и такъ далѣе. Словомъ, Александръ Александровичъ останется на своемъ мѣстѣ; mademoiselle Z. не дастъ ему своего согласія, madame X. не будетъ страдать и проводить безсонныхъ ночей, а Владимиръ Ивановичъ Башиловъ спокойно поѣдетъ въ командировку и силой своей энергіи со временемъ добьется портфеля министра, чему Елена Павловна Карцева очень рада, такъ какъ она видитъ въ Башиловѣ честную, хорошую натуру, ясный умъ, доброе сердце и симпатизируетъ ему больше, чѣмъ Рихтеру.

Уходя, Башиловъ съ признательностью нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку.

— Всего хорошая, прелестная «уника». Долго я васъ не увижу. Пожалуй, вы забудете меня, такъ ужъ разрѣшите осенью заѣхать къ вамъ, чтобы о себѣ напомнить.

Н. А. Лаппо-Данилевская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВУНОГІЙ ЗВѢРЬ.

(Изъ человѣческихъ документовъ [1]).

III.

Спрутъ.

Уже съ недѣлю было извѣстно, что «представленіе» состоится *тамъ-то*, въ *такомъ-то* часу.

Мѣсто сборищъ постоянно мѣнялось.

Выдавались билеты по строгому выбору и всѣ въ одну цѣну. Неизвѣстные или не пользующіеся довѣріемъ распорядителя не допускались.

Позволялось вводить желающихъ, но подъ страхомъ навсегда лишиться права посѣщать рѣдкіе сеансы, если рекомендованный оказывался вдругъ лицомъ неблагонадежнымъ въ какомъ-нибудь отношеніи.

Этимъ правомъ, однако, такъ дорожили, что никакихъ недоразумѣній, конечно, не происходило; все шло съ удивительной выдержкой.

Соединялись въ условленномъ пунктѣ люди разныхъ общественныхъ положеній и возрастовъ, но непремѣнно такъ называемые «интеллигенты» и сравнительно зажиточные,—точно члены какого-то таинственнаго ордена, связанные страшной клятвой.

«Сѣрыхъ» не бывало.

Приблизительно дня за два устроитель Ѳедоръ Ѳедоровичъ Топорищевъ, или попросту «Фё-Фёчъ», напоминалъ по телефону главнѣйшимъ завсегдатаямъ, что представленіе непремѣнно будетъ, «несмотря на трудности». Тѣ, въ свою очередь, передавали другимъ.

Звено къ звену, и цѣпь замыкалась...

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т[illegible]

Такъ случилось и теперь.

Въ теплый іюньскій вечеръ 19.. года на платформѣ пригородной желѣзной дороги повылазили, повыходили и повыскакивали изъ всѣхъ трехъ классовъ дачнаго поѣзда пассажиры различныхъ темпераментовъ и направились къ буфету.

Нѣкоторые признали другъ друга и, въ видѣ пароля, осторожно произнесли «Фё-Фёчъ».

Двинулись длинной вереницей черезъ полотно по улицѣ, мимо дачъ, лавокъ и иныхъ полудеревенскихъ, полугородскихъ построекъ.

Сохраняли наружную серьезность, а если посмѣивались, то украдкой, чтобы не вызвать подозрѣній въ посторонних, которыхъ, правда, попадалось совсѣмъ немного.

Со стороны, пожалуй, можно было принять процессію за представителей научнаго съѣзда, шествующихъ на засѣданіе секціи.

Зданіе театра помѣщалось внутри густого сада, а у входа предусмотрительно висѣлъ выцвѣтшій, не разъ бывавшій въ употребленіи аншлагъ: «Сегодня гулянья и спектакля нѣтъ вслѣдствіе сложной репетиціи».

Топорищевъ, высокій, худой, черный, съ широкимъ ртомъ, словно акулья пасть, и большими навыкатъ глазами, встрѣчалъ публику съ улыбкой человѣка, собирающагося пріятно поразить сюрпризомъ.

Онъ важно отбиралъ билеты, нѣкоторыхъ изъ публики награждалъ рукопожатіемъ и кое-кому напѣвалъ вполоборота:

— Есть прекрасный номерокъ... чудеснѣйшій! Если согласятся накинуть еще по трешницѣ, иначе нельзя... Я потомъ обойду кліентовъ. Номерокъ—самый наипервѣйшій. Куда тамъ Парижъ и все прочее!—и качалъ курчавой головой.

Въ зрительномъ залѣ царили то полумракъ, то полная темень.

Ощупью, спотыкаясь, выбирали стулья. Каждому хотѣлось сѣсть поудобнѣй. Зажигали спички и на минуту узнавали знакомыя лица. Иногда впотьмахъ выдавалъ голосъ, и тогда обмѣнивались радостными привѣтствіями.

Мелькнуло нѣсколько безмолвныхъ женскихъ фигуръ въ маскахъ или подъ густыми вуалями и кружевами.

Это дерзновеніе заинтриговало.

А посѣтители все прибывали и прибывали.

Разговаривали сдержанно, шутили, потомъ кричали: «пора!.. время!..»

Пользуясь оживленностью и беззаботно-игривымъ настроеніемъ собравшихся, появился Топорищевъ, раскланялся и, поднявъ правую руку, какъ дѣлаютъ ораторы на митингахъ, произнесъ тоненькимъ, писклявымъ голоскомъ, мало соотвѣтствующимъ его внушительной громоздкости:

— Извиняюсь за промедленіе и проче... Лента порвалась.

Вотъ-вотъ привезутъ новую. Но зато и угощу же васъ сверхъ программы одной новинкой! Э-эхъ, отдай все да и мало! Гастролерши уже пріѣхали... Вѣрно!.. Попрошу предварительно у почтеннѣйшей публики по три рубля съ персоны дополнительнаго. Ей-ей, себѣ дороже стоитъ! На затраты не поскуплюсь, лишь бы угодить кліентамъ... Прямо въ убытокъ работаю, какъ честный человѣкъ...

Съ хорошо заученной дѣловитостью пошелъ собирать недостающія деньги.

Солносядовъ, недавно прибывшій изъ далекой окраины по дѣламъ какого-то новаго предпріятія, свѣжій, крѣпкій, съ значительной долей непосредственности, еще не тронутой соблазнами блестящаго развратнаго города, слѣдилъ за всѣмъ со стыдливымъ любопытствомъ провинціала.

Его затащилъ сюда школьный товарищъ, Кувырковскій, попавшійся ему въ ресторанѣ.

Онъ рѣшительно все зналъ, раскланивался направо и налѣво и пытался расшевелить друга «по-своему», какъ умѣлъ. Приближая пухлыя губы къ загорѣлому уху Солносядова, онъ давалъ полушопотомъ разъясненія относительно присутствующихъ, подчасъ значительно сдобренныя собственной пылкой фантазіей легкомысленнаго сплетника.

— Мнѣ сдается, что ты впуталъ меня въ грязную исторію,— отозвался тотъ, недовѣрчиво поглядывая по сторонамъ:—и здѣсь, въ храмѣ искусства, гдѣ витаютъ тѣни шекспировскихъ героевъ...

— «Храмъ искусства!»... «Шекспировскіе герои!..». Очень высокопарно... Еще чего!.. Тутъ, братецъ мой, сливки, а не подонки, а онъ о грязной исторіи толкуетъ! Храмъ останется храмомъ, а шекспировскіе герои—шекспировскими героями... Ихъ не убудетъ... Экіе сантименты развелъ! Лучше присмотрись... Мы эпоху создаемъ, вотъ что! Наступила полоса, когда нужны острыя впечатлѣнія. Все прѣсное давно надоѣло... Обычныхъ пяти чувствъ теперь недостаточно,—развиваемъ новое, шестое, такъ сказать—*сверхчувство*...

— Вотъ тебѣ и на!—не выдержалъ и перебилъ его Солносядовъ и засмѣялся, фыркнулъ, но такъ громко, что сосѣди оглянулись:—у собакъ (я, вѣдь, собачникъ, знаешь!) чутье—тоже своего рода шестое чувство; оно поднимаетъ животное въ уровень съ человѣкомъ, даже выше, а ваше сверхчувство обращаетъ васъ, повидимому, въ звѣриную породу хищниковъ... вѣдь, такъ?

Онъ не договорилъ покраснѣвшему и недовольному Кувырковскому, такъ какъ занавѣсъ покрылся морщинами, зашелестѣлъ и взвился.

На сценѣ уже стояли два борца-профессіонала, Стефанъ и Кащей, готовые къ схваткѣ.

Зрители недоумѣвали.

— Такъ это и есть—«наипервѣйшій номерокъ»?—иронически спрашивалъ кто-то вслухъ:—стоило ѣхать киселя хлебать... поддѣлъ Фё-Фёчъ!

Но Кувырковскій и тутъ былъ въ курсѣ дѣла.

— Успокойтесь! Для начала... необходимое условіе... вывѣска...

Между тѣмъ борцы, какъ сказалъ кто-то,—«старались на совѣсть».

Не обращая вниманья на явное равнодушіе толпы и посторонніе разговоры, они вели атаку, нападали и защищались, фокусничали, прибѣгали къ самымъ отчаяннымъ пріемамъ и мало-по-малу приковали къ себѣ «избранную» толпу.

Одинъ—гибкій и стройный, какъ тигръ, другой—безобразный и неуклюжій, какъ горилла,—они оба, потные и красные, рычали, катались по полу, скрипѣли челюстями и проявляли настоящую ярость. Съ каждымъ шагомъ человѣческаго становилось все меньше и меньше, а звѣриное выростало и заполняло арену, скаля зубы, пока человѣкъ-тигръ, сжавшись въ упругій комокъ желѣзныхъ мышцъ, не сломилъ неподвижной упрямости длиннорукаго, обезьяноподобнаго человѣка, швырнувъ его на лопатки.

— Браво, Стефанъ,—браво!

Одобренья слышались отовсюду.

Свистѣли Кащею, и тотъ, съ выраженіемъ затаенной злобы и ненависти, не дышалъ, а рычалъ и щурился исподлобья подслѣповатыми, налитыми кровью глазами, будто собираясь кинуться на всѣхъ зрителей сразу.

Потъ лился съ него ручьями, какъ вода съ тающей ледяной глыбы.

Въ борьбѣ, длившейся не больше получаса, было что-то бьющее по нервамъ, возвращающее къ отжившимъ первобытнымъ вѣкамъ.

— Фё-Фёчъ—молодчина!—воскликнулъ Кувырковскій:—сумѣлъ-таки взять быка за рога... Всѣхъ привелъ къ общему знаменателю. Ну-съ, а теперь второе отдѣленіе, посущественнѣй... Вотъ и свѣтъ гаснетъ... Посмотримъ, посмотримъ, что онъ, бестія, покажетъ!

Выдѣлился бѣлый экранъ; завертѣлась, зажужжала лента кинематографа, какъ назойливая муха, попавшая въ западню.

И замелькали картины за картинами...

Это былъ особенный видъ «парижскаго жанра», гдѣ все запретное и тайное становилось дозволеннымъ и явнымъ. Жизнь и фантазія причудливо сплетались въ красивыхъ и чудовищныхъ образахъ. Дерзость и наивность братски помогали одна другой.

Сперва зрительный залъ словно замеръ, ошеломленный, отдаваясь жадному созерцанью, затѣмъ кто-то громко расхохотался и началъ высказывать замѣчанья по поводу нѣкоторыхъ подробностей видѣнныхъ картинъ.

— Замолчите вы!—раздался другой голосъ, скрипучій, какъ худое колесо:—вы портите настроеніе. Относитесь серьезнѣй къ искусству. Я требую уваженья!

Сдавленный смѣшокъ, сочувственные возгласы и снова—тишина, прерываемая развѣ жужжаньемъ вертящейся ленты да своеобразной музыкальной гаммой многихъ человѣческихъ дыханій...

Иногда выскакивали отдѣльныя восклицанья и пропадали.

— Каково!

— Фу ты, Господи!

— Однако!..

— Охъ-охъ-охъ!..

— Эт-то я понимаю!..

— Вотъ ужъ дѣйствительно не предполагалъ!—хрипло вырвалось у Солносядова, когда продолжительное отдѣленіе съ кинематографомъ закончилось и театръ опять наполнился свѣтомъ электрическихъ лампъ.

На лицахъ еще лежали тѣни недавнихъ впечатлѣній.

— Фё-Фёчъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ,—по-своему понялъ его слова Кувырковскій и мечтательно закатилъ глаза, удерживая на пухлыхъ губахъ неопредѣленную, застывшую усмѣшку.

Пользуясь перерывомъ, стали выходить въ коридоръ подышать свѣжимъ воздухомъ и потолкаться у буфета.

Мимоходомъ особенно внимательно засматривались на сидѣвшихъ дамъ, точно ѣдкое любопытство заставляло ихъ проникать взорами сквозь кружева и маски, и въ отвѣтныхъ взглядахъ не было ничего, что говорило бы о негодованьи или по крайней мѣрѣ о досадѣ.

Даже вступали въ бесѣду и не безъ успѣха.

Грани сближались, завязывались знакомства. Жажда неизвѣданнаго просыпалась въ глазахъ и загоралась улыбками. О только что видѣнномъ не упоминали, будто сговорились сохранять наружную сдержанность, но иногда, придравшись къ незначительной причинѣ, заливались вдругъ бѣшенымъ смѣхомъ и долго не могли успокоиться. И каждый отлично понималъ, что вызывало этотъ нервный, заразительный смѣхъ.

Послѣ продолжительныхъ приготовленій дошелъ чередъ и до третьяго отдѣленія программы.

За кулисами долго раздавались какіе-то шумные возгласы, сдавленный хохотъ, визгъ, стукъ передвигаемой мебели.

Топорищевъ безпрестанно перебѣгалъ изъ-за кулисъ къ буфету и обратно, озабоченно врывался въ зрительный залъ, испуганно смотрѣлъ куда-то въ ложу, гдѣ сидѣло какое-то инкогнито, поддакивалъ, если спрашивали, «скоро ли начнется», и снова ускользалъ.

И вотъ, когда еще занавѣсъ оставался опущеннымъ, а публика

разсѣлась уже по мѣстамъ, Солносядовъ, привыкшій къ молчаливымъ наблюденьямъ и обобщеньямъ, пристально всматривался въ толпу.

Ему почему-то вдругъ припомнился видѣнный гдѣ-то въ музеѣ живой осьминогъ, хищно-прожорливый, съ двумя рядами присосковъ, съ бородавчатымъ продолговато-округленнымъ тѣломъ и цвѣтомъ кожи, мѣняющимся отъ окрасокъ среды, съ неравномѣрно-длинными, безобразными руками, съ тремя придатками у глазъ...

Все отталкивающее, что только можетъ существовать, казалось, удѣлило свою часть этому чудищу.

Солносядовъ еще не находилъ объясненья, почему мысли вызвали образъ головоногаго, что общаго между нимъ и настоящей дѣйствительностью... да и некогда было задумываться, такъ какъ зазвенѣлъ колокольчикъ и открылась сцена.

Поражало убожество показной роскоши.

И безцвѣтные ковры, и мятыя драпировки, и безвкусныя украшенья комнаты съ полинявшей кушеткой по срединѣ, освѣщаемой пестрымъ японскимъ фонаремъ, и прорванныя декораціи,—все говорило о томъ безуспѣшномъ стараньи, которое приложилъ неутомимый Фё-Фёчъ, чтобы придать возможный блескъ «наипервѣйшему номеру».

Но многіе и безъ того, конечно, знали, что не въ обстановкѣ сила, и снисходительно пересмѣивались, перемигивались, перешептывались, потомъ, точно по единогласному уговору, стали сдвигаться поближе къ рампѣ, нарушая линію промежуточныхъ и боковыхъ проходовъ.

Кувырковскій потянулъ впередъ и Солносядова, который церемонился, а потомъ махнулъ рукой и тоже поддался стихійному теченью.

Изъ-за кулисъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ вышли миловидныя дѣвушки, бѣлокурая и смуглая, скромно одѣтыя, безъ грима, съ природными достоинствами и недостатками. Ихъ украшала молодость и не было только свѣжести, хотя въ линіяхъ лица той и другой таилась подкупающая игривость и ласковость, а глаза свѣтились то задоромъ, то покорностью.

Онѣ по-дружески нѣжно поцѣловались, неловно улыбнулись, встрѣтясь взглядами съ незнакомой, чужой толпой зрителей, точно роемъ шершней, жужжащихъ у вѣтвей едва распустившейся ясени, и пожали плечами, словно думая: «Нелегкая вывезетъ!»

И стали медленно раздѣваться...

Между ними не было произнесено ни одного звука.

Зарождалась и развивалась импровизированная пантомима, вмѣстѣ и дикая, и граціозная. Взамѣнъ нѣмой ленты кинематографа дѣйствовали живыя натурщицы.

Разстояніе между ними и зрителями постепенно какъ бы исчезало. Неуловимыя нити сближали тѣхъ и другихъ.

Иногда отдѣльныя восклицанья изъ публики вносили нѣкоторое несогласіе:

— Вранье! Онѣ притворяются... Знаемъ эти выдумки!..

— Вотъ какъ! Вамъ за вашу трешницу, небось, надо душу понастоящему вывернуть? Не дешево ли?

— Жаль, что не притащилъ подзорной трубы... Браво!.. бисъ!..

— Тс... Что за безобразіе!.. Мѣшаете и намъ, и имъ... Гражданинъ, уваженіе къ женщинѣ!

Топорищевъ прислонился къ боковой колоннѣ въ партерѣ и самодовольно любовался съ выраженіемъ полнаго удовлетворенія. Рѣдко поставленные мелкіе зубы виднѣлись изъ-подъ жидкихъ черныхъ усовъ.

— Куда же ты?—неожиданно остановилъ товарища Кувырковскій, лукаво слѣдившій за нимъ:—пойдемъ за кулисы. Мы познакомимся... бабенки—ничего себѣ... а?.. Насъ представитъ Фё-Фёчъ.

— Нѣтъ, братъ, ваши сверхчувства, какъ ты выразился, что-то не того... не прививаются ко мнѣ...—и Солносядовъ вдругъ плюнулъ и выругался.

Кувырковскій сначала выкатилъ бѣлки, потомъ залился мелкимъ, дребезжащимъ смѣшкомъ, приблизился и что-то шепнулъ ему на ухо, но тотъ такъ и отпрянулъ назадъ.

— А возвращенье будетъ презабавное!.. Развѣ далъ обѣтъ воздержанья!.. Постъ и молитва?..—все еще поддразнивалъ Кувырковскій.

Но Солносядовъ, не слушая его больше и не прощаясь, уходилъ твердыми, широкими шагами, какъ громадный, неуклюжій медвѣдь, соскучившійся по своей берлогѣ.

«О, чортъ бы ихъ подралъ!—бранился онъ въ душѣ и взбивалъ косматые волосы:—а еще надъ нами потѣшаются!.. Ну ихъ въ болото... и города ихъ мнѣ не нужно!.. Ихъ городъ—что продажная женщина... въ богатомъ платьѣ, а юбки въ грязи... Кончать дѣла и айда домой...»

И, заслышавъ звонокъ, помчался къ станціи...

Было почти душно.

Пахло травами и цвѣтами.

Отъ рѣчки тянуло влажной теплотой.

Перекликались лягушки, выводя пѣвучія трели.

И въ каждомъ едва замѣтномъ существѣ, въ каждомъ звукѣ, въ каждомъ незначительномъ зеленомъ росткѣ чувствовалась ея собственная, осмысленная жизнь, независимая отъ воли человѣка.

IV.

Деревенскій случай.

1.

Молодой учитель гимназіи, словесникъ Стёшинъ, его ученикъ, восьмиклассникъ Ясатниковъ, и оставленный при университетѣ магистрантъ Ходактинскій втроемъ уже вторую недѣлю совершали экскурсію по сосѣднему уѣзду.

Учитель надѣялся записать какую-нибудь новую пѣсню или уловить оригинальный мѣстный оборотъ рѣчи, услышать мѣткое словцо и этимъ обогатить «великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ», который онъ преподавалъ юношамъ и барышнямъ.

Гимназистъ, какъ пріятель своего учителя, не хотѣлъ отъ него отставать и смотрѣлъ на экскурсію, какъ на пріятное препровожденіе лѣтняго времени.

Магистрантъ, какъ ботаникъ, интересовался главнымъ образомъ экземплярами различныхъ злаковъ, которые и собиралъ съ удивительнымъ терпѣньемъ.

Учитель и гимназистъ ему помогали.

Они были одѣты въ самые упрощенные костюмы и только посмѣивались, когда встрѣчные озирали ихъ съ ногъ до головы.

— Пожалуй, принимаютъ насъ за бродягъ,—со смѣхомъ замѣтилъ Ясатниковъ:—это забавно!

— Хорошо, если за бродягъ, а вдругъ за бѣглыхъ каторжниковъ?—въ тонъ ему отвѣчалъ Стешинъ.

— А мнѣ такъ совсѣмъ не нравится, что мы кого-то напоминаемъ. Лучше быть самимъ собою, безопаснѣй,—сказалъ магистрантъ и наклонился, чтобы срѣзать какой-то ростокъ, потомъ, помолчавъ, прибавилъ:—каторга... да минетъ насъ чаша сія! Я въ тюрьмѣ никогда не сидѣлъ, но вѣянье ея близко пронеслось надъ мной, почти коснулось меня... да, да... ужасно, ужасно!

Онъ задумался. Товарищи его тоже притихли, словно вдругъ что-то невѣдомое тѣнью прошло мимо нихъ, и не рѣшались допрашивать; но онъ опять заговорилъ:

— Отецъ мой невинно пострадалъ... Я ѣздилъ къ нему въ ссылку. Въ моей памяти до сихъ поръ живетъ «гимнъ каторги»... маршъ такой... Вспомню, и щемитъ грудь, а уже сколько лѣтъ протекло! На гребешкахъ, подъ лязгъ кандаловъ, это тихое, зловѣщее пѣнье сквозь стиснутые зубы казалось мнѣ и стономъ, и проклятьемъ, и точно вызовомъ кому-то. Дальше отъ него, дальше!

И, чтобы разсѣять нахлынувшія такъ нежданно невеселыя мысли, онъ затянулъ любимую украинскую пѣсню:

«Закувала та сива зозуля...»

Учитель и гимназистъ сначала робко, а затѣмъ смѣлѣе стали подтягивать, и старая пѣсня вновь становилась молодой, хватала за сердце, разливалась мощнымъ потокомъ и замирала въ далекой степи чуть слышными, скорбными звуками.

Было жарко. Припекало солнце. Благоухали сочныя травы. Воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, что чудилось порою, будто глазъ начинаетъ различать его волнообразное движенье. Цѣлый хоръ видимыхъ и невидимыхъ существъ, прыгающихъ, порхающихъ, ползающихъ, окружалъ путниковъ, провожая ихъ по полямъ, мимо хлѣбовъ, по дорогѣ, ведущей къ богатой экономіи «Разлужье», принадлежащей помѣщику Шаушу.

Стешинъ припомнилъ, какъ только что встрѣчали ихъ въ волостномъ правленіи, недовѣрчиво разглядывая открытый листъ съ гербами, выданный магистранту ученымъ обществомъ, и промолвилъ съ блѣдной улыбкой:

— Дѣйствительно, какъ будто ауспиціи намъ не благопріятствуютъ. Мы уже далеко отошли; я обернулся и вижу: староста стоитъ и смотритъ намъ вслѣдъ... Значитъ, и гербы не помогли: усомнился! Не смѣетъ не вѣрить и вѣрить не хочетъ. Это все твои штаны, Вася, его смутили.

Гимназистъ звучно расхохотался.

Высокій не по годамъ и плотный, онъ удивительно заразительно смѣялся, раскрывая широкій ротъ съ большими, крѣпкими зубами, и обыкновенно всѣ вторили ему.

Стешинъ говорилъ, что его смѣхъ напоминаетъ хохотъ Рузвельта по нѣмецкимъ карикатурамъ, и въ шутку называлъ его «президентскимъ смѣхомъ».

Потомъ забыли о впечатлѣніи, произведенномъ въ волости, и учитель заговорилъ съ Ясатниковымъ о каменномъ періодѣ проституціи, когда жена-рабыня уступалась первобытнымъ человѣкомъ гостю.

Магистрантъ все собиралъ и собиралъ травы...

Когда издали мелькнули очертанья желѣзной ограды и пестрыя украшенья дома, стиль котораго Стешинъ назвалъ въ насмѣшку «пѣтушинымъ», они остановились обсудить, стоитъ ли зайти къ помѣщику, или не стоитъ.

Но ихъ уже замѣтилъ какой-то скачущій патруль: три казака и кто-то постарше въ громадной папахѣ.

Солдаты взяли вприцѣлъ ружья.

Бывшій въ папахѣ (урядникъ) подъѣхалъ ближе и кричалъ хриплымъ, свирѣпымъ голосомъ, въ которомъ клокотала непонятная злоба:

— Стой! Равняйся! Ни съ мѣста! Руки вверхъ! а то велю стрѣлять.

Путешественники изумленно переглянулись, пожали плечами и остановились, но рукъ не подняли.

— Руки вверхъ я приказалъ!—продолжалъ горланить урядникъ, мчась галопомъ и внезапно переходя къ площадной ругани.

Солдаты не отставали отъ него, держа ружья наготовѣ.

— Я говорилъ—неблагопріятныя ауспиціи...—растерянно прошепталъ Стешинъ, стараясь не падать духомъ.

Гимназистъ сжималъ кулаки.

— Вы, Вася, ничего не выкидывайте,—уловивъ его движенье, посовѣтовалъ болѣе спокойный магистрантъ:—нужно быть выше этого... Явное недоразумѣніе... деревенскій случай...

— А чортъ бы ихъ!—вырвалось у того.

2.

Урядникъ подскочилъ верхомъ съ револьверомъ въ рукѣ.

Вся его наружность свидѣтельствовала о томъ крайнемъ возбужденіи, въ которомъ онъ находился: нижняя губа тряслась, лицо перекашивалось на сторону отъ пробѣгавшей судороги, въ красныхъ, припухшихъ глазахъ горѣли ненависть и затаенный, прячущійся страхъ. Жидкіе усы какъ-то безпомощно повисли внизъ.

Онъ былъ худъ, жилистъ, сутуловатъ.

Спрыгнувъ съ лошади, бросивъ повода одному изъ казаковъ и, прихрамывая, подошелъ вплотную къ Стешину и Ходактинскому, прикрывавшимъ гимназиста, который оставался сзади.

Смѣрилъ ихъ безпокойнымъ, прыгающимъ взглядомъ и опять какъ вскрикнетъ:

— Сказалъ—руки вверхъ! Еще минута и буду стрѣлять. Какъ собакъ убью... Мер-завцы!..

Руки подняли нерѣшительно, въ недоумѣніи.

Три ружейныя дула и одно револьверное невольно наводили на мысль о возможности слѣпой, безсмысленной смерти.

«Погибнемъ за здорово живешь», мелькнуло въ головѣ Васи и безумно захотѣлось еще хоть немного пожить,—вѣдь онъ еще такъ молодъ, не успѣлъ и счастья какъ слѣдуетъ узнать, больше однѣ только горести были да разочарованья!..

— На какомъ основаніи?..—началъ спрашивать магистрантъ съ поднятыми руками.

Но урядникъ не терпѣлъ возраженій и вмѣшательства въ ту область, гдѣ онъ считалъ себя хозяиномъ.

— Молчать! По зубамъ, видно, давно не получалъ?.. Я тебѣ дамъ «основаніе»! Вотъ тебѣ «основаніе»!—и съ размаху ударилъ Ходактинскаго по губамъ.

Изо рта пошла кровь. Лицо поблѣднѣло. Затуманились глаза.

Вздрогнулъ магистрантъ, вспыхнулъ желаніемъ отвѣтить ударомъ за ударъ, но тяжелый, металлическій взглядъ направленныхъ дулъ задержалъ порывъ.

Стешинъ дрожалъ отъ молчаливаго негодованья, какъ въ лихорадкѣ, и незамѣтно придавилъ каблукомъ ногу гимназиста, чтобъ и ему дать понять, что теперь не время затѣвать споръ. «Лишь бы нелегкая вынесла!» мечталъ онъ.

Оскорбленіе, нанесенное «неизвѣстному», немного отрезвило урядника, и онъ началъ отдавать приказанія, противорѣчащія одно другому, и тутъ же допрашивать «пойманныхъ». Раздраженіе противъ «бродягъ» (какъ онъ въ умѣ рѣшилъ), видимо, отбило у него способность разсуждать.

— Что за люди? Молчать! Руки вверхъ! Давай бумаги!—такъ и сыпались отдѣльныя слова, взаимно парализующія другъ друга.

Никто ничего не понималъ. Всѣ стояли въ нерѣшимости, съ обидой въ душѣ, съ презрѣніемъ въ глазахъ, безмолвные.

— Обыскать воровъ!—приказалъ, наконецъ, урядникъ, видя, что ничего не выходитъ изъ его распоряженій.

Слово «воры» странно прозвучало, вывело изъ оцѣпенѣнія и въ то время, когда грубыя дерзкія руки шарили по всему тѣлу, учитель заволновался и крикнулъ, срываясь съ голоса:

— Самъ воръ!..

И гимназистъ повторилъ:

— Ты—воръ!

А магистрантъ молча выплевывалъ кровавую слюну, и слеза медленно стекала у него по щекѣ.

Смѣлый отпоръ слегка охладилъ урядника. Онъ точно растерялся.

— Ну, вы тамъ!—только и нашелся сказать и опустилъ револьверъ, усиленно моргая.

Арестованные вздохнули свободнѣй.

Изъ кармановъ были вынуты: открытый листъ, записная книжка учителя, два портсигара, кошельки съ небольшими деньгами, трое часовъ; затѣмъ былъ открытъ баулъ со злаками для гербарія и фотографическій аппаратъ.

Явилась нѣкоторая возможность вступить въ словесныя объясненія.

А въ полѣ уже собирался народъ; пришелъ и учитель мѣстной школы. Раздавались громкіе голоса.

— Изъ какихъ вы? Отвѣчай по очереди, по командѣ. Ты кто?—приступилъ къ допросу урядникъ, вновь наводя револьверъ:—живо-о!.. Какое-такое имѣешь полное право?

Магистрантъ, гимназистъ, учитель, — всѣ назвали себя, ссылались на открытый листъ, на свою извѣстность въ городѣ, просили вызвать помѣщика, предлагали послать телеграмму губернатору,

такъ какъ не имѣли при себѣ паспортовъ, спрашивали, въ чемъ ихъ обвиняютъ...

Урядникъ сердито пощипывалъ усы и хмурился.

— Инверситетъ? такъ!.. Тихони какія! Вотъ прикажу-ка я поднять рубахи да всыпать по первое число, будетъ тогда на орѣхи. Дамъ я вамъ проходную, какъ же!.. пройдохи...

Вступился учитель мѣстной школы.

— Господинъ Гайкинъ,—обратился онъ къ урядпику:—такъ нельзя издѣваться надъ людьми... Они навѣрно правду говорятъ... Если вы разрѣшите, я...

— Ну, го́ди, го́ди!—огрызнулся урядникъ:—а то и васъ заберемъ... За безчинства да еще скопомъ...—и, не договоривъ, взялся за нагайку, висѣвшую у пояса, и погрозилъ, потомъ крикнулъ своимъ сподручнымъ:—хлопцы, а ну-ка, пугните, пока что!..

Не успѣли казаки повскакивать на лошадей, какъ толпа съ крикомъ шарахнулась въ сторону, и тѣ съ хохотомъ и свистомъ возвратились обратно.

Допросъ продолжался.

— У насъ въ деревнѣ спросъ на тюрьму. Вотъ позавчера тутъ экономію едва не подожгли да не ограбили,—заговорилъ вдругъ урядникъ:—хорошо, что мы сторожимъ... Помѣщикъ, господинъ Шаушъ, за границей; управляющему, значить, быть передъ нимъ въ отвѣтѣ... онъ и установилъ охрану... Да что тамъ съ вами, голытьбой, бобы разводить!... Пашармака разжиться вздумали? Отвѣчай, кто еще заодно съ вами? Ну?... По уговору? Зачинщикъ кто?...

— Мы сказали, кто—мы, а за то, что вы насъ къ экспропріаторамъ причисляете, мы будемъ жаловаться,—твердо отвѣчалъ магистрантъ, послѣ полученнаго оскорбленія только теперь рѣшившійся возвысить голосъ.

Солнце продолжало жечь, хотя и стояло довольно низко. Мучила нестерпимая жажда.

— Ага, вотъ какъ заговорилъ!.. жаловаться хочешь?.. да я изъ тебя до жалобы всякую пыль повыбиваю... Ну, отвѣчай, что это за трава за такая, а?

Гайкинъ сталъ вынимать изъ баула собранные злаки.

— Во-первыхъ, прошу говорить мнѣ «вы», а не «ты», а, во-вторыхъ, можете довѣрять или не довѣрять нашимъ словамъ, но съ этими экземплярами, пожалуйста, поосторожнѣй. Они предназначены для ученаго общества, которое меня уполномочило...—съ напускнымъ спокойствіемъ отозвался Ходактинскій, усиліемъ воли сдерживая нервы и все время слѣдя съ болѣзненнымъ вниманіемъ, какъ неуклюжія руки урядника и казака мяли и портили добытые съ такимъ трудомъ рѣдкіе образцы для гербарія.

— Ври, ври побольше! Такъ я тебѣ и повѣрилъ!—продолжалъ попрежнему издѣваться Гайкинъ и сверкалъ пылающими глазами: — а это—бомба, что ли?...

Онъ указывалъ на кодакъ и боязливо посторонился, когда солдатъ встряхнулъ его и отбросилъ сапогомъ.

— Развѣ фотографическихъ аппаратовъ никогда не видали?— съ ироніей вскричалъ гимназистъ, протискиваясь впередъ:— трясти нельзя,—испортите снимки и швырять не къ чему.

— Поговори-ка у меня еще!—буркнулъ урядникъ:—мордасника захотѣлъ? Отмыкай коробку, а то стрѣлять буду.

Стешинъ, скрѣпя сердце, сталъ открывать свой кодакъ, заранѣе уже обрекая всѣ снимки на гибель.

А сколько было пейзажей, жанровъ, красивыхъ группъ!.. Охватила досада; злость поднималась въ душѣ; клубокъ подкатывалъ къ горлу.

— Если бъ вы чему-нибудь учились, то знали бы, что такъ поступать—неправильно, что вы портите вещь...—вырвалось у него въ видѣ упрека.

— Языкъ привяжи, отрепышъ! Тоже лѣзетъ... Такъ не сознаетесь, ребята, что поджечь хотѣли и казну расхитить?...

Всѣ трое молчали.

— Гоните ихъ до дому, хлопцы, да швыдче!

Шагомъ двинулись къ оградѣ.

Казаки ѣхали по бокамъ и сзади. Урядникъ замыкалъ шествіе, держа въ рукѣ револьверъ,каждую минуту, при малѣйшей попыткѣ къ бѣгству готовый пустить пулю.

3.

Управляющій ожидалъ у воротъ,—необыкновенно упитанный, съ клювообразнымъ носомъ.

— Велите насъ отпустить... Какое-то недоразумѣніе!—крикнулъ Ясатниковъ, когда проходили мимо, и его густой басъ раскатился въ полѣ:—ей-Богу, правда!

— Надъ нами учинено самоуправство,—прибавилъ магистрантъ мягкимъ, женственнымъ голосомъ:—убѣдитесь!

— Мы ни въ чемъ не виноваты,—взвизгнулъ учитель.

Урядникъ отдалъ честь управляющему и доложилъ съ почтительностью:

— Заподозрѣнные въ третьеводнишнемъ нападеніи на вашу экономію, Никаноръ Спиридоновичъ... Темный-съ народецъ!... подъ вліяніемъ пропаганды, очертя голову... Полагаю утречкомъ къ исправнику препроводить съ донесеніемъ.

— Спасибо за услугу! Заприте ихъ тамъ возлѣ кухни,—процѣдилъ управляющій, отворачиваясь.

— Вы отвѣтите, какъ соучастникъ!—вскрикнулъ магистрантъ, теряя, наконецъ, обычное хладнокровіе.

Управляющій ничего не возразилъ, только громко расхохотался, а за нимъ и урядникъ залился какимъ-то скрипучимъ, нелѣпымъ хихиканьемъ.

Казаки тоже смѣялись, но тихо, неувѣренно.

«Въ пору повѣситься», подумалъ съ отчаяньемъ Стешинъ, но, увидѣвъ стоическое выраженіе лица Ходактинскаго и гордую мину гимназиста, опять почувствовалъ, что къ нему возвращается самообладанье, которое онъ терялъ уже сегодня нѣсколько разъ.

Арестованнымъ хотѣлось пить и ѣсть.

— Надѣюсь, не уморите насъ съ голоду?—бросилъ вскользь гимназистъ, смотря на урядника.

— Ладно... по положенію... хлѣбъ и вода...—протянулъ управляющій и подмигнулъ Гайкину.

— Балуете ихъ, Никаноръ Спиридоновичъ. Не таковскій народецъ,—милости не понимаетъ... Ну, гони ихъ, гони, Цѣпкинъ!... Счастливо оставаться... Еще повидаемся. Ко хлѣву ихъ гони, ко хлѣву!... Цобъ-цобé!..—насмѣшливо понукалъ онъ, какъ малороссы погоняютъ коровъ.

Въ разговорахъ со своими казаками онъ любилъ вставлять малорусскія словца.

«Заподозрѣнные», какъ назвалъ ихъ Гайкинъ, перестали возмущаться.

— Собака лаетъ—вѣтеръ носитъ,—вполголоса замѣтилъ гимназистъ, но такъ, что урядникъ вполнѣ могъ услышать; однако тотъ промолчалъ, только крякнулъ.

Ихъ помѣстили въ пустомъ сараѣ съ землянымъ поломъ, возлѣ кухни.

Тутъ, вѣроятно, прежде держали скотъ, и поэтому до сихъ поръ еще какъ будто пахло телятами, несмотря на открытую вверху форточку.

Товарищи долго не говорили между собой. Нашло на нихъ какое-то жуткое оцѣпенѣніе. Явилось равнодушіе и безразличіе ко всему окружающему, даже когда принесли имъ по краюхѣ черстваго хлѣба и ведро воды съ желѣзной кружкой.

Потомъ нехотя промямлилъ Стешинъ, точно языкъ у него вѣсилъ нѣсколько пудовъ:

— Недавно пришлось прочитать впечатлѣнія американца Мона, участника гражданской войны за освобожденіе негровъ. Его вѣшали, какъ шпіона, а черезъ четыре минуты помиловали и сняли съ веревки. Онъ отлично припоминаетъ, какъ почва уходила изъ-подъ ногъ, какъ въ немъ словно закипалъ паровой котелъ, кровь переполняла артеріи и вены, затѣмъ начались уколы въ каждый нервъ и что-то сотрясалось внутри тѣла съ невѣроятной силой,

и вдругъ въ ушахъ зазвучала волшебная музыка, стало сладко во рту, и молочный свѣтъ залилъ зрачки, а когда сняли,—вновь возобновилось прежнее мученичество... Такъ вотъ я къ тому, что коли повѣсятъ меня, такъ не спасайте ужъ... Нехай!..

Сдержанный магистрантъ разсердился.

— Не ожидалъ отъ васъ, Лаврентій Захарычъ, такихъ пустяковъ. Даже стыдно отвѣчать вамъ. Отдохните-ка, вы устали...

Но Стешинъ продолжалъ въ томъ же духѣ:

— А въ сущности, чѣмъ же намъ хуже, чѣмъ, напримѣръ, горемычнымъ собакамъ или кошкамъ съ перебитыми позвоночниками, съ которыхъ еще при жизни стаскиваютъ шкуру разные живодеры, чтобы, видите, не попортить матеріала и легче было снять! О, намъ гораздо лучше!.. Это служитъ мнѣ утѣшеніемъ.

Теперь гимназистъ возмутился.

— Нѣтъ, вы рѣшили насъ доконать. Пощадите!..

Ходактинскій сталъ подъ носъ себѣ напѣвать любимую «сиву зозулю».

Учитель пилъ воду изъ ржавой кружки и еле сдерживалъ рыданья.

Онъ чувствительнѣе другихъ отнесся къ происшествію.

Ясатниковъ притворился спящимъ, чтобы не разговаривать.

4.

Лежали и безмолвствовали долго, предаваясь грустнымъ мечтамъ о печальной дѣйствительности.

Уже, повидимому, наступила ночь,—душная, лунная, когда рядомъ съ сараемъ, гдѣ они были заперты, въ деревянной пристройкѣ къ кухнѣ начались веселые, пьяные разговоры.

Визжали женскіе голоса; слышались грубыя заигрыванья казаковъ и скрипучій смѣхъ урядника.

Патруль, очевидно, кутилъ за счетъ управляющаго экономіей.

— Дѣвичникъ устраиваетъ,—вырвалось у магистранта:—днемъ воровъ ловитъ, ночью утѣшается вдосталь, курятину поѣдаетъ, водочкой запиваетъ.

— Лафа, а не жизнь!—подхватилъ гимназистъ и зѣвнулъ во весь ротъ:—чтобъ ему ни дна, ни покрышки...

Стешинъ не отозвался, должно быть, спалъ, утомленный треволненьями неудачнаго дня.

Еще долго шумѣли въ пристройкѣ, бранились и пѣли непристойныя пѣсни.

Къ утру только разошлись.

«Однако житье-бытье въ этой сторонкѣ!» подумалъ проснувшійся Ходактинскій, разбитый отъ неудобнаго лежанья на землѣ:—чего добраго, господинъ урядникъ, съ соизволенія управляющаго, осуществляетъ и jus primae noctis».

— Ой, поженьки!—застоналъ, расправляясь, гимназистъ и протеръ глаза.

Проснулся Стешинъ, блѣдный, но въ лучшемъ настроеніи, даже улыбнулся на восклицаніе Васи.

— Съ добрымъ утромъ, господа,—сказалъ онъ и поднялся:— а который часъ? У меня въ мозгу все майковская варіація:

«Онъ въ шесть по-утру былъ казненъ
И въ семь во рву похороненъ...»

— Типунъ вамъ на языкъ за такія варіаціи!—съ комической запальчивостью вскричалъ Вася.

Стали умываться и кое-какъ приводить себя въ порядокъ.

Вскорѣ застучалъ замокъ, и со скрипомъ распахнулась дверь сарая.

Ввалился урядникъ съ заспаннымъ, помятымъ лицомъ и двое десятскихъ; у входа стоялъ казакъ на часахъ.

— Что? взопрѣли, ребята? ага!.. Проходную хотѣли? Вотъ вамъ проходная—протоколъ за надлежащимъ подписомъ. Будете теперь знать, какъ честныхъ людей грабить... Связать ихъ, чы нѣтъ?—обратился тутъ же къ казаку съ какой-то растерянностью.

— Какъ ни вяжи, а рта не завяжешь,—съ вызовомъ крикнулъ гимназистъ, глядя на урядника.

— Годи, годи, а то по потылицѣ заразъ такъ и ляпну!—огрызнулся Гайкинъ, потрясая нагайкой, а потомъ громко выругался, далъ свистокъ и сплюнулъ:—гдѣ же пархатый жидъ, чтобъ его разворотило!..

Но еврей-фурманщикъ, снявъ картузъ, уже подъѣзжалъ въ телѣгѣ.

Былъ отданъ строгій приказъ арестованнымъ—лежать «вповалку». Два казака сопровождали телѣгу. Урядникъ не поѣхалъ, вручивъ протоколъ одному изъ вожатыхъ.

Фурманщикъ понукалъ худую лошадку, и колеса подпрыгивали на выбоинахъ и ухабахъ.

Когда проѣзжали черезъ деревню, сбѣжались люди, кричали вслѣдъ, нѣкоторые швыряли камнями.

— Ай-ай, чы вы не здурилы?—вдогонку имъ бросилъ еврей, тряся головой, и ударилъ вожжами оторопѣвшую клячу.

5.

Ѣхали долго, останавливались гдѣ-то на постояломъ дворѣ для корма, опять тащились рысцой, наконецъ прибыли въ уѣздный городъ, гдѣ жилъ исправникъ, подполковникъ Кутырь.

Въѣхали прямо во дворъ полицейскаго управленія и подъ стражей были доставлены въ какое-то сырое помѣщеніе, напоминающее кладовую.

